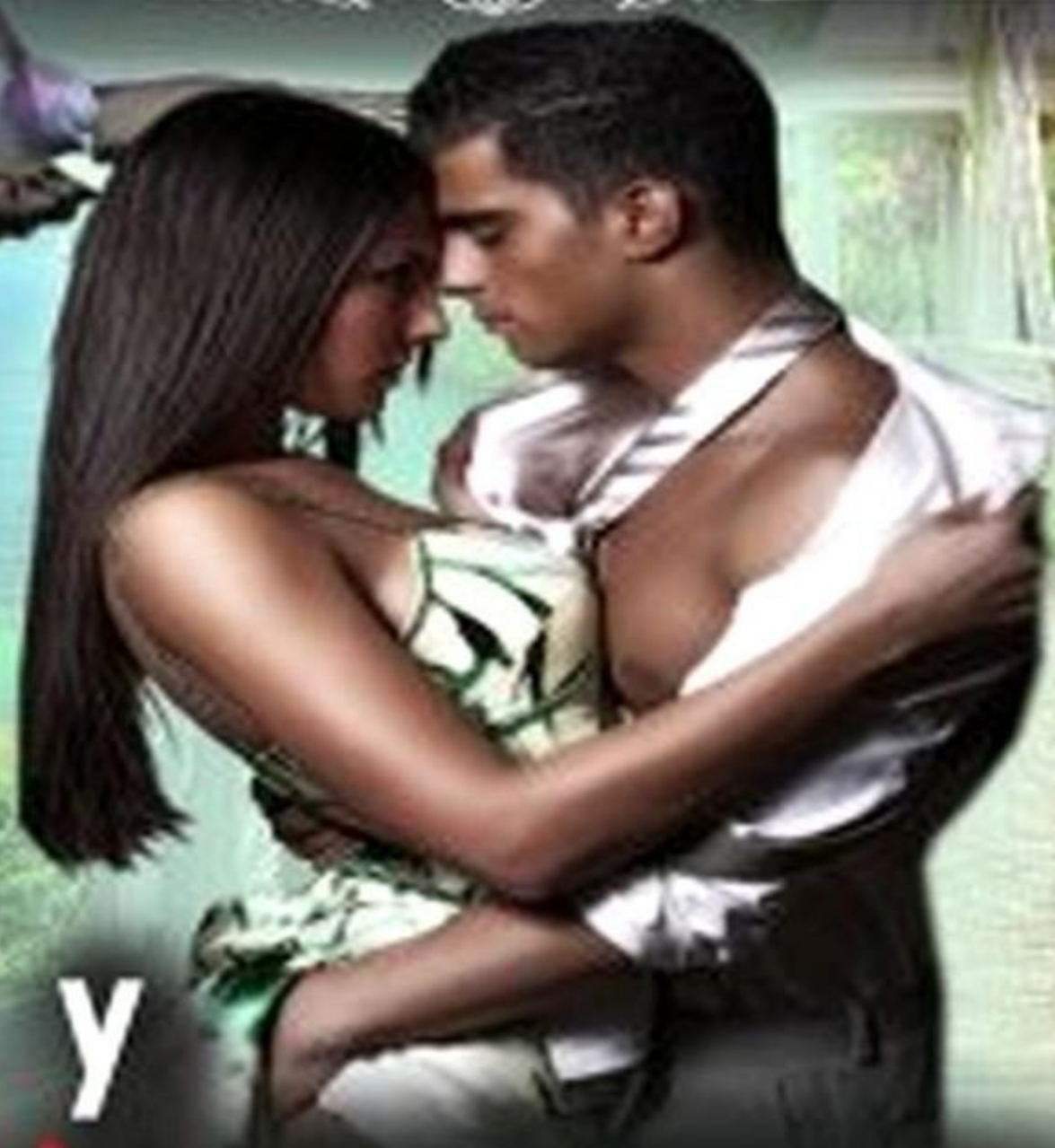

МИЛА СВЕТЛАЯ

У

~~ОБРЕЧЕННЫЕ~~ ПОПАДАЮЩИЕ

Annotation

Однажды я миловалась со своим парнем на скамеечке в парке, и даже не подозревала, что нас через пять минут отправят в волшебное путешествие по сказочным мирам. В каждом мире у нас есть всего двадцать пять дней на то, чтобы найти друг друга и заняться любовью. Если не успеем, то будем начинать в новом месте и в новом облиии. Это обязательное условие для возвращения домой. И всё было бы гладко, и в конце концов мы бы вернулись, но возникли некоторые обстоятельства...

18+

-
- [Алексей Калинин, Мила Светлая](#)
 - [Пролог](#)
-

Алексей Калинин, Мила Светлая
Обреченные попаданцы

Пролог

История первая, в которой мы с Димкой отправляемся в волшебное путешествие

В воздухе витает любовь. Она порхает в загогулинах чугунной ограды, которая поясом верности окольцовывает мохнатый островок парка в центре бесстыже-голых улиц города. Черные прутья арматуры переплетаются друг с другом в страстной феерии застывшего танца.

Острые пики на прутьях имитируют фаллические символы, а кольца секционных труб напоминают символы вагинальные. Создается ощущение, что торчащие мужские органы выстроились в ряд к одному большому женскому... И так секция за секцией.

Любовь светится в глазах сизого голубя, который выпячивает грудь и курлыкает громче трактора «Беларус». Он вытанцовывает перед гладенькой самкой, которая наклевалась рассыпанных семечек и находится в хорошем расположении духа. Возможно, сегодня ему удастся взгромоздить пернатое тело на не менее пернатую плоть.

Любовь также кружится по пруду в виде маленьких пескарей. Темно-серые торпеды скользят в прозрачной воде и игриво задевают друг друга пятнистыми плавниками. Их выпустили в пруд недавно, но уже появляются по вечерам усатые рыбаки, которые стараются наловить котам халявной рыбехи. Пока жителей водоема не поймали, они резвятся и стремятся воспроизвести себя в тысячах мелких икринок.

Любовь видна в каждом порыве ветра, когда раскидистый дуб пытается толстыми сучьями возлечь на тонкую рябинку. Та пока ещё не налилась от смущения красными ягодами, но пытается отбиться от нахала и отчаянно трепещет вытянутыми листочками. Что о них подумает старая береза, которая на другом берегу пруда возмущенно шевелит полуоблетевшими сережками-бруньками?

Любовь витает в воздухе. Больше всего она воплощается в парочке, которая сидит на полускрытой от посторонних глаз скамеечке. Молодой человек увлеченно шарит под моим розовым топиком, а я запрокинула голову назад и подставляю нежную шейку жарким поцелуям. Мои чуть тронутые загаром руки поглаживают мускулистую спину парня.

– Дима, не надо, увидят же, – срывается с моих губ, когда я в

очередной раз отодвигаю настойчивую руку от коленок.

Димка не сдаётся (любовь же витает в воздухе) и время от времени вытаскивает руку из-под розовой ткани топики, чтобы вновь попытаться запустить под черную ткань юбки. Опыт ему подсказывает, что рано или поздно, но мне надоест отталкивать ищущие пальцы.

Надо быть настойчивей. Не отступать и не сдаваться! Щупать и целовать!

– Постыдились бы! Посреди бела дня таким развратом заниматься, – слышится за нашими спинами пронзительный женский голос.

– Стыдно, мать, очень стыдно, – не оборачивается Димка. – Но знала бы ты – как сладко-о-о.

Я чуть приподнимаю ресницы и сквозь тонкую щель поглядываю на возмущенную пару. Благообразная матрона, из тех, кого боятся обвешивать на рынке даже бесстрашные армяне, и сухонький мужичок, из тех, кто трется возле метро и сшибает мелочь «на проезд». Сейчас лицо дамы краснеет запрещающим сигналом светофора, и она набирает в мощную грудь воздух, чтобы разразиться гневной тирадой. Надо что-то предпринимать.

– Тетенька, вы не ругайтесь. Хотите, мы поменяемся с вами местами. Вы постоите с Димочкой, а ваш муж займет его место, – я демонстрирую, что будет, если вовремя посещать стоматолога и отбеливать зубы.

– Да я... Да ты... – воздух мешает даме правильно сформулировать мысли.

Могучую грудь распирает, ещё чуть-чуть и произойдет взрыв. Чтобы этого не случилось, она выпускает воздух прочь. Он выходит с таким громким рычанием-курлыканием, что голубь недоуменно оглядывается – кто ещё претендует на его даму сердца?

– Жозефина, а что? Девчонка дело говорит – пусть парнишка постоит, ноги разомнет. Они у него затекли, наверное, – тонким голоском соглашается спутник матроны.

– Карл, ты что? Неужели ты хочешь на место этого нахального сопляка? Чего ты так радостно киваешь, Карл? – последнее предложение женщина говорит замогильным голосом.

– Ой, ты не то подумала, Жозефиночка. Это у меня от негодования приступ Паркинсона случился. Сейчас должен прекратиться. Вот, видишь, уже не киваю. Главное – глубоко дышать. А тебе тоже не надо

волноваться, Жозефиночка, у тебя же давление, – лепечет порядком стухнувший мужичок.

Димкины глаза осматривают стоящих, не находят ничего интересного и возвращаются к более интересному зрелищу, где под топином вызывающе торчат возбужденные бугорки.

Мой молодой человек – студент, поэтому вечно голоден и сейчас мои прелести напоминают ему налитые соком яблоки Антоновки, на которые положили небольшие ягоды земляники и накрыли всё это розовым полотенцем. Димка даже сглатывает подкатившую слюну.

– О моем давлении он вспомнил... Так и скажи, что хотел бы оказаться на месте этого бесстыжего мальчишки и пошарить под розовой тряпочкой. Что ты снова киваешь?! – повышает голос матрона.

– Да нет, моё солнышко. Я же опять от негодования, – бормочет мужичок, подобострастно поглядывая на свою благоверную.

– Да? Ну, смотри у меня! – хмурит брови «Жозефиночка».

– Точно, Карл, посмотри у неё, а то туда походу давно никто не заглядывал, – вырывается у Димки. – Наверняка всё уже мхом поросло и ржавчиной покрылось.

Пескари в пруду застывают от такой наглости. Дуб забывает о домогательствах к рябине и топорщит в ужасе желуди. Береза сочувственно поскрипывает. Лишь бесчувственный голубь продолжает попытки соблазнить самочку. А Димка легонько щипает меня за сосок, отчего я притворно ойкаю и бью его по плечу.

– Ну знаете ли, молодой человек... Я так это дело не оставлю... Мало того, что совокупляются здесь посреди бела дня, так ещё и оскорбляют... Нет! Я сейчас полицию вызову! Я за оскорбление привлеку! Я...

– Пойдем, Жозефиночка! Не обращай внимания на этих наглецов. Я уже так унизил взглядом этого хама, что он теперь не скоро опомнится, – подталкивает под пухлый локоток более здравомыслящий Карл. – А вам, молодой человек, должно быть стыдно за свое поведение. Нет-нет, не вставайте – сидите и думайте о своём скверном поведении. Пойдем, Жозефиночка от этих нехороших людей. Ну не мешкай же!

Ну да, сейчас молодежь такая пошла, что не только обругать могут, но ещё и поколотить. И почему-то бить всегда предпочитают мужчин, хотя Карл здесь совершенно не причем. Ему явно понравилось мое предложение. Правда, он даже под пытками в этом не признается – ему

ещё жить с Жозефиной, жить долго и счастливо.

Жена продолжает что-то высказывать мужу, тот снова словил приступ Паркинсона и кивает в такт раздраженным словам. Они удаляются, причем мужчина торопится покинуть это прибежище греха гораздо быстрее своей супруги.

Голубь хмыкает в сторону уходящих людей и снова возвращается к ухаживанию. Его спутница явно намекает, что не прочь прижаться к земле. Мы тоже решаем не терять время. Снова слюнявится моя шея, снова оглаживаются его плечи. Дыхание у нас шумное, словно в кустах не влюбленная парочка ласкает друг друга, а раздувают огонь кузнечные меха.

– А ну пошли отсюдава! Вот я вас! – раздаётся скрипучий голос, и я вздрагиваю от неожиданности.

1.2

Голубь и голубка много повидали в своей короткой жизни, поэтому сразу же взлетают с места. Удар суковатой трости приходится по асфальту и оставляет на горячем покрытии небольшое углубление.

Голубь сглатывает, когда представляет на месте асфальта свою маленькую головку. Увы, испуганная подруга стартовала с такой скоростью, что угнаться за ней не представляется возможным. Романтическое настроение выветривается вместе со свистящим в ушах ветром и голубь решает вернуться назад, чтобы отомстить обидчику за разрушенную ячейку голубинового сообщества.

– Вот же поганцы какие, а? Ить прямо на дорожке тыры-пыряться удумали! Эх, ни стыда, ни совести! Начистил бы им клювы, да где теперь споймать-то? О, молодежь, а вы чего в кустиках притаились? Деньги штоль считаете?

Если вы видели фильм «Старик Хоттабыч», то сможете представить себе сморщенного старичка, который нелепо размахивает руками при ходьбе и иногда трясет лысой головой. Однако есть одно маленькое «но» – если вы представили себе старичка в светлом парусиновом костюме и в штиблетах на босу ногу, то вы глубоко заблуждаетесь. Куцая бороденка воинственно вздернута, на тощих плечах красуется новенькая «косуха», заклепки на кожаных штанах пускают зайчиков при ходьбе. Берцы увешаны цепями и позвякивают при ходьбе. Этакый престарелый байкер, только шлема с рогами не хватает.

– Дед, а у тебя ничего не потеет в кожаных-то? – спрашиваю я и отпихиваю руку Димки от своей юбки.

– Дык а чему у меня потеть-то? Одна кожа да кости. А вот ты, знать, здорово вспотела, пот вон аж по ляжкам течет, – щурится дед.

– Уважаемый, вы нам мешаете, – говорит Димка. – Мы с Анюткой сидим, ни к кому не пристаем, а к нам словно магнитом всех тянет.

– Дык тут дети малые по дорожкам бегают, а у тебя словно банан в штанину засунут. И у неё вон титьченки скоро совсем выскользнут. Не по-людски поступаете, срамно. Ты хоть любишь её?

– Люблю, конечно!

– И что же, так при всех свою любимую и разложишь на скамеечке? Как голубь будешь?

– Не доставай, дед, иди своей дорогой. И что же вам таким дома-то не сидится? – раздражается Димка.

– Каким это «таким»? – недобро прищуривается дед.

– Таким правильным. Этого нельзя, того нельзя. Так не ходи, сяк не ходи. Надоело! Вот раньше было хорошо – захотел бабу трахнуть, схватил, оттащил подальше от дороги, чтобы лошади не затоптали и понеслась. А теперь что?

– Что? – мы с дедом спросили хором.

– Нигде нельзя укрыться, чтобы потом носом не ткнули. На кафедре нельзя, под кафедрой нельзя, в туалете и то нельзя – говорят, что негигиенично! Вот и приходится в общаге просить у соседней ночку погулять. А им тоже хочется на своей кровати покувыркаться. Вон в книжках что пишут – встала пипирка, тут же в гарем сходил и осчастливил одну из тысячи жен. А тут одну осчастливить не можешь – всем себя правильными показать хочется. Задобали! – в сердцах брякает Димасик.

Старик хмыкает, раздвигает тростью кусты и присаживается на деревянную скамейку. Он достает из кармана пачку странных сигарет. Черные стержни торчат из коробки фантастическими пулями из обоймы. Он вытаскивает одну, подносит палец, на котором тут же вспыхивает огонек и глубоко затягивается.

– Дед, да ты никак решил нам фокусы показать? – поднимает бровь Димка. – Прикольно, конечно, но на фигу нам это нужно? Мне скоро Аню домой провожать, так что дай нам хотя бы чуть-чуть побыть одним?

– Значит, ты думаешь, что раньше с трах-тибидохом было легче? – дед выпускает огромное кольцо.

Кольцо переплывает через кусты и стремится подлететь к березовому суку, чтобы надеться на него, как в игре серсо. Увы, ему это не суждено – сквозь дымный обруч пролетает сизый крылатый снаряд, который с самым мрачным видом садится на ветку липы над головой старика. Раздраженный голубь готовится совершить страшную месть.

– Да, думаю, что легче. Да и интереснее было! Вот поймал какую-нибудь эльфийку в лесу и хлоп – через девять месяцев у неё уже младенец с острыми ушками. Или при королевском дворе какую-нибудь фрейлину в углу прижал, задрал юбку и почесал её мохнатенький бугорок своим мечом, – улыбается Димка.

– Ну, судя по тому, что у тебя меч-от до сих пор не опадает, ты бы всех фрейлин пережимал, – хмыкает дед и показывает на ширинку молодого человека.

– Да уж, двадцать пять сантиметров мясной стали так просто не спрячешь, – я кладу руку на выпуклый предмет и нежно поглаживаю его.

Голубю неинтересен размер органа молодого человека – он занимает наиболее удобную позицию для бомбометания.

– Двадцать пять, гришь? Такой дубинкой орехи колоть можно, – качает головой старик.

– Да уж, дед, можно. Колоть не пробовал, но вот полведра с водой поднимал. А ты, наверное, позабыл, каково это – запускать во влажный тоннель своего путешественника? – спрашивает молодой наглец.

Голубь выбрал позицию. Теперь он отомстит этому хрычу и пусть тот бестолково размахивает своей тростью – птица будет уже далеко.

– Что же, так тому и быть. Ежели вам нравится число двадцать пять, то есть у меня такая вещица мудреная, – дед достает из-за пазухи плоские песочные часы. – Вот, как раз двадцать пять сантиметров. Видите деления?

– Ну, ты реально фокусник. Или у тебя в косухе целых склад всяких штукovin? – восхищенно присвистывает Димка, когда видит, как плоские часы становятся объемными и выпуклыми. Черные полоски чередуются отметинами, как на тельняшке матроса.

– Значитца так, вот по этим делениям вы и будете жить. Моя фантазия будет вас забрасывать туда, куда пожелаю...

– Дед, завязывай придуриваться, а то Димка тебя сейчас самого в пруд забросит, – прерываю его я.

Время движется к вечеру, так что нужно поторапливаться. Я уже была готова перестать сопротивляться, а тут этот старый пенёк приперся и бубнит фигню всякую.

– У вас будет двадцать пять дней, чтобы спариться. Неважно где, неважно как, но проникновение должно состояться и тогда вы вернетесь. Каждый раз вы будете незнакомы друг с другом. Каждый раз вы будете забывать прошлое. Потянет вас друг к дружке также, как сейчас. А в последние двадцать пять секунд каждого двадцать пятого дня вы сможете всё вспомнить. Я же останусь смотреть на часы и каждый раз, когда песок будет переваливать через определенную черту, буду горестно вздыхать. Если весь песок пересыплется вниз, и вам не удастся вернуться, то что ж... Значит, не судьба. И останетесь вечно скитаться по мирам и временам. Вот, как-то так.

– Дед, да тебе бы романы писать, с такой фантазией. Или в дурке Наполеонам сказки рассказывать. Ты чего плетешь? Какие двадцать пять...

Димка не успевает договорить – старик выпускает в нашу сторону клуб сизого дыма. Густой туман обволакивает нас. В синеватой дымке не проступают даже очертания скамейки. Солнечные лучи стремятся пронизать завесу, но неудачно. Ни писка, ни крика. Тишина.

– Вот и посмотрим – так ли хорошо было раньше? И ведь ещё книжки вспомнили. Хорошо, устрою вам путешествие и по книжкам, – бормочет старик.

Я пытаюсь закричать, но не могу. Пытаюсь вырваться, но не получается.

Надо же такому случиться, что как раз в это время голубь всё-таки осуществляет свою месть...

Старик проводит рукой по лысой голове и поднимает глаза вверх. Если голуби умеют улыбаться, то сейчас с ветки сверкает самая ехидная улыбка. Вот тебе за обломанный вечер!

– Ах ты, засранец! Ну что же и ты отправляйся вместе с ними – третьим будешь! – старик взмахивает рукой, неведомая сила поднимает истошно вопящего голубя вверх и швыряет прямо в клубок дыма.

Только орущий голубь скрывается за сизой пеленой, как шар тут же схлопывается. Лишь тонкая струйка остается на том месте, где сидели

мы. Вскоре исчезает и она. Я вижу это меркнувшим краешком сознания, как будто наблюдаю со стороны.

– Ну что же, начнем наш отсчет, – говорит старик и переворачивает чашу весов.

История вторая, где не всё такое, каким кажется на первый взгляд

На улице всю радуется жизни двадцать второй день мая.

– Здорово, бомжatina! Ты чего здесь развалился? Я тебе уже десять раз говорила, чтобы не маячил у ларька! – я сегодня не в духе, но пока сдерживаюсь. – А ну вали отсюда, убогий!

Заросший недельной щетиной, лохматый мужчина покорно встает и отступает на пару шагов от ступенек. Я поднимаюсь к двери, гневно звякаю ключами и натыкаюсь на взгляд бездомного. Тот сразу отворачивается. Весь его вид, грязная одежда, порванные ботинки – вызывают такое неприятие, что я брезгливо фыркаю и захожу в ларек.

Хлопает дверь, оставив мужчину за порогом. Снаружи шуршат листы картона – мужчина убирает свою "постель". Вроде не старый ещё, в грязной бороде почти не видно седины, а туда же. Ему бы на заводе пахать, недаром в плечах косая сажень, а он бродяжничает. Меня даже передергивает.

Сигареты, пиво, конфеты, деньги, сдача... Обычный день продавца из привокзального ларька.

Женька из школы прибегает. Я сажаю его в уголке и краем уха слушаю детские новости. Кто кого обозвал, кто с кем подрался, кто кому нравится, кто пару получил, а кого похвалили.

Я улыбаюсь очередному посетителю и поправляю каштановые волосы. Прическа короткая, мальчуковая, зато меньше возни с волосами. А то приходится по утрам их мыть, расчесывать – времени уходит уйма.

Телом и лицом мало напоминаю тех сногшибательных красавиц, которые переставляют ходули по очередному модному подиуму. Пухленькая хохотушка – самое точное мое определение, ещё бы поводов для смеха было больше.

– Выйду замуж за Светку! – уверенно говорит Женька.

Я автоматически поправляю, что не выйдет замуж, а женится. За обслуживанием клиентов и проверкой домашней работы пролетает двадцать второй день. Мда, задают же теперь задачки, и это всего лишь

второй класс...

Сын приносит из столовой два пластиковых контейнера с супом. Сегодня повариха Катя расщедрилась на неплохие куски мяса, нужно будет подкинуть ей пару пачек гламурных сигарет.

Я снова натываюсь на оборванного мужчину, когда выхожу с рынка. Тот сидит у ржавой изгороди и курит один за другим подобранные окурки. "Работать бы шел, а не побирался!" – вспыхивает мысль, и я вновь отвлекаюсь на житейские проблемы.

Дома нас никто не ждет, но нужно что-нибудь приготовить на ужин. И я не вижу, как мужчина провожает нас взглядом, тяжело поднимается и уходит устраиваться на ночь.

В двадцать третий день настроение у меня тоже далеко от определения «хорошее».

– Вставай, бомжара! Новый день пришел, пора искать работу! – сегодня я проспала, и от этого готова кусать себя за локти.

Ну и что, что хозяйка ларька? Я опоздала на утренний проход пассажиров к станции, а это треть дневной выручки. Вот же засада! И этот бездомный ещё валяется на ступеньках и щурится на солнышко, будто котяра, обожравшийся сметаной.

Вот уж у кого ни забот, ни хлопот, а я верчусь целыми днями, как белка в колесе.

Мужчина вскакивает, словно подброшенный мощной пружиной, скользит взглядом по красным пятнам на моих щеках и спешит убраться подальше. И правильно!

Сегодня я планировала провести еженедельную инвентаризацию, так что нечего "всяким" мешаться под ногами. Дверь хлопает так, что чуть не слетает с петель. Я не обращаю никакого внимания на шуршание картона. Пусть убирается, здесь не приют для бездомных бродяг!

Ещё раз даю себе зарок поговорить с охраной рынка по поводу этого "бомжары". Открывается окошечко и начинается рабочий день.

– Мам, а мам? Можно я пойду погулять? – днем в окошечко влезает растрепанная Женькина голова.

– А уроки кто будет делать? Пушкин, что ли? – не отрываясь от тетради с собственными записями, бурчу в ответ.

– Мам, так мы с Петром уже сделали, – ноет сын и пытается засунуть ранец в окошечко. Не тут-то было, приходится заходить через

дверь.

– С каким Петром? – удивленно поднимаю голову, когда сын возникает на пороге.

– Да вон он, на плите сидит. Умный очень, он мне с математикой помог, а я ему пирожок отдал, – Женька показывает на улицу.

– Нельзя показывать пальцем, – я смотрю по направлению руки сына и вижу сидящего на бетонной плите "бомжару". – И Жень... с этим дядей я запрещаю тебе разговаривать. В следующий раз сам доедай пирожок.

– Хорошо, мам. Так я пойду, погуляю?

Я вздыхаю. Не хочется отпускать сына, но инвентаризация только-только перевалила через половину. Я наказываю Женьке далеко не убегать и грозно смотрю на курящего бродягу. Тот отвечает виноватой улыбкой и пожимает плечами. Надкушенный пирожок лежит рядом на клочке газеты. Я хмыкаю и отворачиваюсь. Цифры терпеливо ждут.

Вечером мы вновь видим сидящего на корточках бродягу, но у меня, измученной подсчетами, не остается сил на гневные мысли. Я прохожу рядом с домиком охраны и решаю зайти завтра – всё-таки он помог сыну.

Двадцать четвертый день начинается с мелкого дождика и паршивого настроения. А тут ещё это...

– Ты что, обосрался, что ли? Пошел на хрен, скунс вонючий! – от громкого крика бродягу сносит со ступенек, словно перышко от дыхания урагана.

Я ещё за десять метров учуяла запах дерьма. Пахнет так, что на глаза наворачиваются слезы. Мужчина качает отрицательно головой и открывает рот, но я уже поднимаю с земли обломок кирпича.

Бродяга выставляет вперед руки, как делают дети, когда на них кто-то нападает. Ладони неожиданно чистые для бомжа. Мне почему-то казалось, что они у него чернее, чем у негра. Этот жест беспомощности заводит ещё больше. Такой же жалкий, бесполезный козел, как и её бывший муж...

– Проваливай отсюда, сволота позорная! Чтобы ноги твоей здесь больше не было! – кричу на присевшего мужчину.

Тот покорно кивает и начинает подниматься с земли, не отрывая от неё глаз. Этот виновато-собачий взгляд переполняет чашу терпения, и я со злостью швыряю оружие пролетариата. Острый край кирпича

вонзается в скулу, заставляет голову мотнуться назад. На грязной коже выступает алая кровь. Мужчина прижимает ладонь к щеке и быстрыми шагами скрывается между палаток.

Даже не ойкнул, засранец...

Меня трясет от злости. Теперь же к моему ларьку никто не подойдет. Что за урод?

Бомж уходит, а запах дерьма никуда не исчезает. За ларьком, рядом с пустыми деревянными лотками, я нахожу испачканную тряпку, от которой идет отвратительный запах. С омерзением кидаю влажную ветошь в пакет и выкидываю в мусорный бак. Но долго ещё кажется, что запах витает в воздухе. Даже Женька морщит нос и старается смяться как можно быстрее.

В этот вечер я не вижу бродягу у забора. Почему-то решаю, что он оставил меня в покое, и не тороплюсь тревожить охранников.

2.2

На утро двадцать пятого дня я не вижу привычную картину у своего ларька.

"Прогнала?" – екает под сердцем.

Я не знаю – или радоваться этому событию, или огорчаться. С одной стороны, он портит мне торговлю тем, что ошивается неподалеку и отпугивает клиентуру замызганным видом. С другой стороны... привыкла я к нему, что ли?

Сегодня толстый картон не лежит на ступеньках. Что-то не так... Я захожу в ларек и погружаюсь в работу. Люди идут, заказывают, рассчитываются, я отдаю товар, отсчитываю сдачу. Принимаю товар, расплачиваюсь и записываю.

Я несколько раз ловлю себя на том, что выглядываю из окошечка и стараюсь найти взглядом бездомного. Его нигде не видно. Ни на бетонной плите, ни у поблекшей ржавой ограды. Червячок вины за свою несдержанность гложет меня изнутри.

– Жень, как дела в школе? – я нетерпеливо жду, пока сын расскажет новости, и потом задаю интересующий вопрос. – Слушай, а ты сегодня не видел своего знакомого? Как его... Петра?

– Нет, мам, не видел. Ты же сама запретила с ним разговаривать, – удивляется Женька. – А он тебе нужен? Хочешь, я поищу?

Я лохмачу мягкие волосы сына, чмокаю в лоб, отчего он жмурится и пытается вырваться.

– Нет, не нужно. Делай уроки. Я тебя пока закрою и схожу до столовой.

День проходит спокойно. Я так и не вижу оскорбленного бродягу, решаю про себя, что и черт с ним. Вот ещё – о всяком бомже беспокоиться. Да любой на моём месте сделал бы также!

Я беру сына за руку и почти выхожу с территории рынка, когда решаю остановиться у домика охраны. Я и сама не могу сказать, почему меня тянет зайти к охранникам. Или червячок вины сделал своё дело, или же все-таки я решила до конца выжить этого бродягу...

– Подожди меня здесь! Я быстро, – я передаю сыну пакет с продуктами и захожу в домик.

– Привет, Петрович! – здороваюсь с пожилым мужчиной в черной форме.

– А, Мариночка! Привет-привет! Ну как ты? За лыцаря ещё замуж не вышла? – Петрович улыбается так широко, что морщинки превращают лицо в печеное яблочко.

– За какого "лыцаря"? Ты о чем, Петрович?

Теперь пришла очередь удивляться охраннику.

– Дык ты чё, ничего не знаешь, штоль?

– Чего я не знаю, Петрович? Рассказывай, не томи. Я запарилась сегодня, так что башка не варит совсем, а ты ещё загадки загадываешь.

– Дык это, Петруха-то. Бомж местный. Я о нем. Он же возле твоей палатки, как пес по ночам ходил. Всё охранял. Даже спал на ступеньках. Я было прогнать собрался, а он мне так душевно и выдал: мол, не гони, батя. Влюбился, грит, в хозяйку ларька, а подойти боюсь. Он и убирался возле твоей палатки, бумажки да ветки собирал, мухе садиться не давал. Грит, что уже больше месяц пошла в рот не берет, понравилась ты ему сильно, мол, только тобой одной и живет.

Я чувствую, как в груди нарастает упругий ком. В глазах становится тепло-тепло. Я прерывисто вздыхаю.

– Да ну, влюбился. Врал, поди. Пожрать хотел, вот и вертелся рядом.

– Не, Мариночка, не скажи. "На пожрать" он вон, в магазине через дорогу, грузчиком зарабатывал. Он и с Женькой подружился, помогал ему уроки делать. Знаешь, какой Петруха башковитый? Сканворды на раз-два решает. А тут позавчерась пассажир пьяненький за твою палатку зашел. Дык Петька его выгнал с матюками, тот даже штанов не

успел нацепить. Правда, вредный мужик оказался. Подождал, пока Петька отойдет, да дерьмом ларек и вымазал. Петька догнал, да сунул пару раз этому пьяненькому, а потом до утра твой ларек отмывал. Свою майку пожертвовал, а у меня ещё ведро для воды брал.

Так вот почему у него ладони были чистые...

А я его кирпичом...

Если бы я только знала...

Я чувствую, как горячие капли вырываются из глаз. Тушь потечет...
Да плевать!

– Ну не плачь. Он живой остался.

– Живой? – переспрашиваю я и ощущаю, что дыхание замерло в груди. – С ним что-то случилось?

– Ну да, в больницу его отвезли. В Склиф. Вчера ночью снова тот пассажир пришел с друзьями. Сильно видать его Петька обидел. Вытащили ломики, а твой лыцарь встал у двери и никого не подпускал. Они ить хотели Петра поломать да ларек твой разгромить. Я покуда наряд вызвал да наружу выскочил, кто-то лыцаря ножиком и пырнул. Меня увидели и убежали, а я уже "Скорую" вызывал. Геройский он у тебя мужик, оказывается. Помыть, побрить, одеть и за человека сойдет. Ты куда, Марина?

Я выхожу на улицу.

На улице свежо, на улице есть воздух.

Женька что-то спрашивает у меня, но я не слышу. Ноги не держат.

Я опускаюсь на асфальт, а горячие слезы прорывают заслонку и текут рекой. Слезы рассказывают про тяжелую жизнь матери-одиночки. Выдают долгие ночи в холодной постели. Орошают жестокосердие по отношению к настоящему мужчине.

Петрович приносит кружку с водой. Я половину расплескиваю, пока осушаю до дна. Женька обнимает меня и шепчет что-то ободряющее. Охранник похлопывает по плечу, на нас озираются люди. Оглядываются, делают свои предположения, и спешат по делам. Я заставляю взять себя в руки и утираю слезы.

– Ты сказал, что его в Склиф увезли?

Петрович утвердительно кивает. Рыночный таксист Армен все понимает по лицу и гонит так, словно за ним летит сам шайтан. Сережка утешительно гладит меня по руке.

И вот я уже несусь по светло-зеленому больничному коридору.

Меня сначала не хотели пускать, пока едва не встала на колени. Говорила, что приехала к раненному мужу, что очень нужно, слезы так и струились по щекам.

Сына оставила внизу, сказала, что вернется быстро. Я только туда и обратно. Вот и нужная палата. Я перевожу дух, оправляю халат, выдыхаю и открываю дверь.

Он лежит возле окна. Лицо бледное, худое, на скуле кровоподтек. На шум двери он поворачивается и...

– Здорово, бомжatina! Ты чего здесь развали-ился? – мне не удастся выдержать веселый тон, на последнем слове голос предательски вздрагивает.

Он улыбается и протягивает ко мне руку...

И тут я всё вспоминаю! ВСЁ ВСПОМИНАЮ!

Двое других пациентов палаты потом в один голос будут утверждать, что у странной пары изменилось лицо, как будто они узнали друг друга. Полицейские конечно же не поверят, что мужчина начнет ни с того ни с сего рвать на себе пижаму, а женщина скидывать одежду.

Да и врачи засомневаются, что женщина и мужчина попытались заняться разворотом прямо на больничном полу. Конечно, врачи не поверят и в мальчика, который остался внизу, а потом неожиданно курлыкнул, замахал руками и растаял в воздухе. Хотя регистраторша будет показывать седую прядь, которая появилась от этого зрелища.

Однако, двое других пациентов палаты не перестанут давать одинаковые показания – мужчина запрыгнул на женщину явно с сексуальными намерениями, но та запуталась в джинсах и не успела принять нужного положения. Двое пациентов будут утверждать, что перед тем, как возникла яркая вспышка, в которой исчезла странная пара, они отчетливо слышали мой вопль:

– Етить твою мать, в пятый раз не успеваем!

История третья, в которой появляются эльфы и даже есть один реальный орк

–Траргок победить!!! Нгра-а-а!!! – зеленокожий орк исполинского роста поднимает огромную секиру над поверженным эльфом. Светловолосый мужчина с удлиненными ушами пытается подняться и падает обратно в ковыль.

Маленькие глазки орка торжествующе оглядывают добычу –

девушку-эльфийку. Мускулы вздуваются замшелыми валунами под зеленой шерстью, напоминающей болотный мох. Огромные желтые зубы щерятся в злорадной усмешке – он уже предвкушает, как будет развлекаться с боевым трофеем. Он даже делает недвусмысленное движение бедрами вперед, намекая на то, что это движение в скором времени повторится... и не раз.

– Не-е-ет!!! – звонко кричит прекрасная эльфийка, которая сжимается под кустом вереска и наблюдает за схваткой. Ее легкое воздушное платье порвано, испачкано землей, над левым глазом наливается сливовым цветом большая шишка.

В ответ ей грохочет гром с вершины горы. Огромный орк застывает, услышав этот звук. Он оборачивается. Светловолосый эльф начинает понемногу подтягивать ноги к животу. Вершина горы вздрагивает, и вниз срывается огромный валун. По воле судеб его путь пролегает по направлению к замершей троице.

– Траргок уходить и забирать Джулайли. Она стирать мои вещи... А-а-аргн!!!

Эльф выстреливает вверх согнутыми в коленях ногами и попадает орку по его мужской гордости, скрывающейся за меховой юбкой. Словно распрямляется сжатая пружина в руках неумелого часовщика. Зеленокожего подбрасывает в воздух, так велика оказывается сила удара, а потом он картинно падает на спину, как выпавшая из клюва аиста лягушка.

– Никогда Джулайли не будет тебе стирать!!! Да и по женской части тебя уже не заинтересует!!! Прощай, ублюдок! – эльф вскакивает на ноги и бьет орка всей мощью своего презрения, то есть поворачивается к нему спиной.

Упавший орк зажимает пах, рычит что-то нечленораздельное и усиленно кривится. Ногами он сучит по земле, поднимает клубы пыли, но не может подняться. Осока колет его в глаза и орку приходится щуриться.

– Бежим, Джулайли, пока тот огромный валун не стер нас в порошок! – эльф протягивает руку девушке.

Та бодро вскакивает на ноги и пронесится, подобно лани, мимо пыхтящего орка.

– Конечно же бежим, Мирралат! Нас ждет наш дивный лес и чистые озера! Нас ждут друзья, поляны и озера! Нет, про озера я уже

говорила! – она что-то еще кричит, уносясь все дальше и дальше от места схватки.

Эльф озадаченно смотрит ей вслед. Преследовать не имеет смысла – уж очень велика скорость у быстроногой девушки. Поэтому Мирралат горестно вздыхает и начинает делать то, за что эльфийка вряд ли бы его похвалила – вытаскивает орка с пути валуна. В последнюю секунду все-таки выдергивает его с пути жуткой смерти. Здоровенный валун уносится вдаль, оставляя за собой прочерченную неглубокую канаву.

– Слышь, Траргок, а ты не сильно ей вlepил? – интересуется эльф, пока орк пытается отряхнуться.

– Нет, не сильно, как договаривались! Через час придет в себя. А ты бы мог и потише ударить. Как мне теперь в глаза смотреть Мокорре, если ей ночью вдруг приспичит мужниных ласк? Минимум месяц теперь придется в холодной воде замачивать, – ворчит орк. – Ододел, Мирралат, ты со своими геройскими придумками! С чего ты взял, что эльфиек нужно именно так охмурять? Не буду больше тебе подыгрывать! Лови их и вырубай сам.

– Да ладно тебе, Траргок, не ворчи! Возьму тебя с собой в месячную вылазку, так что найдем оправдание для Мокорры. Сам у нее про тебя спрошу. Не благодари – друзья для того и нужны, чтобы выручать друг друга, – белозубо улыбается эльф.

Орк мрачно смотрит на него. С таким другом и врагов не надо. Сколько раз Траргок вытаскивал эльфийские острые уши из пикантных ситуаций, когда тому собирались отрубить часть тела, и не всегда это была голова? Орк пытается сосчитать, но пальцев на руках и ногах не хватает. Взять хотя бы тот случай, когда он вытащил эльфа из публичного дома, где его собирались использовать вместо...

Мирралат продолжает улыбаться:

– Считаешь, сколько раз спасал меня из всяких передряг?

– С чего ты взял?

– А у тебя всегда при этом такая глупая рожа. Готов свой лук прозакладывать, что ты сейчас тот случай из публичного дома вспоминаешь.

– Что, тоже на роже написано? – хмурится орк. – Надо было тебя там оставить, сейчас бы не зубоскалил.

– Нет, не на роже – ты рукой делаешь знак страсти, который нарисован над дверьми этого забытого нормальными людьми места.

Орк недоуменно смотрит на свой кулак – из него оттопыривается средний палец, а безымянный и указательный согнуты в нижних фалангах. Чтобы выйти из этого дурацкого положения, орк начинает ковырять средним пальцем в ухе. Как будто так и задумывалось.

– Ладно, сделаем вид, что ничего этого не было. У меня есть новая задумка.

– Нет, хватит с меня твоих задумок. Я домой хочу. Я к жене хочу! – рычит орк.

– Да ты только послушай. Проходящий менестрель спел балладу в корчме «Три петуха». И в этой балладе говорилось о прекрасной Эслиолине, которая томится в плену у дракона.

– Дракона? Сразу нет! Я боюсь ящериц! – заявляет орк. – У меня даже мурашки от них по коже пробегают.

– Да послушай ты, чудак-орк! У этого дракона гора несметных сокровищ. Да, многие паладины сложили головы на подступах к его замку, но мы же не паладины. Мы же лучше них, – убеждает эльф. – Мы как раз сходим до замка, потом вернемся обратно с добычей. Мокорра будет только рада. Представь, как ты даришь её изысканные человеческие украшения, как на её шее будут сверкать рубины и изумруды. Да тебе с такой добычей больше не придется ходить в наемниках. Представь себе, Траргок, всего месяц и ты богаче многих королей!

Как бы объяснить этому эльфу, что его уши давно просят хорошей трепки? Как бы не задеть нежной и ранимой души? Может, двинуть по зубам, чтобы среди частокола перламутрового гороха образовалась мужественная черная прореха?

– Эй, Траргок, не вздумай! – легким горным козлом отскакивает эльф от сумрачного орка.

– Что, тоже всё на роже написано?

– Ага, ты вообще не годишься в разведчики. Тебя даже пытаться не надо – спросишь о чем-либо и ответ сразу на зеленой харе вырисовывается. Эй постой! Не надо меня бить, ведь я путь к обогащению предлагаю. И план у меня уже есть шикарный!

Изящество, с которым эльф уворачивается от мощной плюхи, говорит об изрядном опыте. Орк поднимает другую руку, чтобы попасть по белым, как снега скалистых взгорий Панадора, волосам.

– Да превосходный план, вот если не получится, то я... То я

побреюсь налысо! – выкрикивает Мирралат в надежде сохранить красоту своего лица.

Он с облегчением замечает, как дымка мысли омрачает чело орка. Словно в полную кружку зеленого эля добавили каплю чернил. Остается огласить великолепный план и крупное сердце Траргока забьется от жажды наживы.

– Я сам тебя побрею, вот этим рубилом, – кровожадно скалится орк и показывает на верную секиру. – Рассказывай.

Мирралат сглатывает неизвестно откуда взявшуюся волну слюны. Воображение живо подкидывает картинки экзотической цирюльни, где огромный орк прядь за прядью срезает шелковистые волосы эльфа. Но дело того стоит!

3.2

– Слушай же, мой друг с неизмеримой силой в руках и огромной мудростью между ушей, – этой незамысловатой лестью эльф пытается настроить орка на более благодушный лад. – Замок дракона находится недалеко отсюда, всего в паре сотен перелетов стрелы. Под замком есть город Буанакхист. Дракон каждый месяц прилетает туда и закусывает самой симпатичной девственницей. Как раз подходит время очередной кормежки – мы можем воспользоваться тем, что дракон отвлекся на жратву и убьем ящера во время трапезы. Легко и непринужденно. За несколько дней обернемся и три недели сможем не выходить из корчмы. А я ещё и принцессу Эслиолине завоюю. Отдохнем, наберемся сил, искупаемся в лучах славы, и ты вернешься к своей благоверной.

Мрачный взгляд орка говорит о том, что он не в восторге от подобной перспективы. Очень не в восторге. Ну совсем. До такой степени против, что вот сейчас возьмет, развернется и уйдет. Остаются мгновения до поворота.

– А вы с Мокоррой сможете уехать на морское побережье и поселиться там. Заведете деток и будете принимать одного очаровательного эльфа-короля вместе с женой Эслиолине. А ещё мы своих детей отдадим в школу магов, чтобы они ни в чем не нуждались, и не слонялись по пустошам Эвекисила, как их отцы. Отличный же план, Траргок! Соглашайся! Ну? Натяни же на свою зеленую рожу довольную улыбку и кивни.

Словно огромные валуны переваливаются под черепной коробкой орка. Эльф почти явственно слышит скрежет – это мысли Траргока

стараятся выстроиться в одну линию и по ним, как по камушкам в ручейке, к языку прыгает согласие.

Если бы Мирралат мог, то рассказал бы ещё о райских куцах меж ног завлекательных женщин в публичных домах Буанахиста. Тамошние соблазнительницы славны тем, что не позволяют острой стали касаться волос внизу тела. Они даже на ногах не сбривают ни волоска и порой, по мохнатости, превосходят пресловутых хоббитов. Если бы Мирралат мог, то поведал бы о винах, которые пьются легче воды, а пьянят сильнее удара по затылку. И просыпаешься не с полным ртом кошачьих отходов, а с лепестками розы за щекой. Он мог ещё много чего рассказать, но тогда орк застыл бы с разинутым ртом и неизвестно, когда эльфу удалось привести своего друга в порядок.

– Ладно! Но это в последний раз. Если нам ничего не удастся, то я просто тебя убью и буду жить спокойно, – сплевывает орк.

Не такого согласия ожидал эльф, но это лучше, чем ничего. Да и до дракона надо ещё добаться. А там всякие увертки появятся... Мирралат кивает:

– Хорошо, друг мой. Отправимся же в путь далекий, и не поссорят нас проблемы на дороге. Чтобы дорога стала короче, я спою тебе несколько эльфийских песен. Они усладят твой слух, ведь пою я громко...

– И противно, – вновь сплевывает орк. – А как же зайти к Мокорре?

Эльф представляет, что ещё придется умолять жену орка, а эта горячая особа будет всеми руками и ногами против их затеи. Она даже может пустить слезу и дрогнет жестокое сердце Траргока...

– Мы ей посыльного отправим. Сейчас каждая секунда дорога, ведь мы можем не успеть! – взволнованно отвечает белокрысый хитрец. – Отправляемся же, дружище! И пусть Боги благословят наш путь!

Орк крикает от огорчения, но делать нечего – сам такого друга ещё не убил.

Путь длинный бывает только у хоббитов, которые тащат кольцо Всевластия к горе Ородруин (хотя, могли бы за полдня долететь на орлах). Орк и эльф, переругиваясь по пути, за два дня всё-таки доходят до высоких стен Буанахиста. Причем Траргок несколько раз пытался вернуться обратно, последний раз эльф едва догнал его, когда орк слинял на утренней заре, оставив остроухого возле потухшего костра.

Стены города покрыты трещинами, словно лицо древнего старика.

Огромные ворота распахнуты по случаю дневного времени. Вялые стражники принимают четыре медяка от странной пары и тут же забывают о них, любясь на приближающийся караван. Вот сейчас будет нажива так нажива.

– Скажите, многоуважаемый страж, – обращается Мирралат к толстенькому стражнику. – А дракон кушать ещё не прилетал?

– Нет, – отвечает стражник, не отрывая взгляда от начальника каравана, который по дороге сжегивал в кошелек монетку за монеткой.

– А где та самая прелестница, которая обещана дракону? – не отстает назойливый проходимец с острыми ушами.

– Мил человек, отстань ты от меня, а? Вон на центральной площади домина стоит, туда и шуруй. Не мешай мне нести службу, – стражник вытирает о тусклые латы вспотевшие ладони и не отрывает глаз от рук начальника каравана.

– Пойдем, он уже неполученные деньги делит, так что ему не до нас, – бурчит орк.

3.3

Серые коробки зданий щурятся подслеповатыми окнами на солнце. Такие же серые лица у горожан, которые стараются прошмыгнуть и постоянно втягивают голову в плечи, словно опасаются удара. Благоухания сточных канав вызывают слезы у чувствительной природы эльфа. Пару раз они успешно отпрыгивают от водопадов помоев, которые выливаются из верхних окон. Третий раз не успевают... Те выражения, которыми орк поносит невидимого самоубийцу, заставляют солнце стыдливо спрятаться за облаком.

Центр города напоминает пустырь, на котором кто-то создал здание, напоминающее ночной горшок с выбитым дном. Дома окружают этот «горшок» ровным кругом, словно древние астрологи очерчивали площадь под стать луне. На площади никого нет. Всего одна дверь в странном здании, и за ней видна фигура сидящей девушки со скованными руками.

Орк замечает какое-то движение за створом окна. Его прыжок сделал бы честь любой пантере. Раздается треск, сломанная ставня летит на грязную мостовую. Жертва, лопухий и давно не мытый мужичок, нервно сучит ногами и начинает дурно пахнуть.

– Слышь, вонючка, не дергайся! Или я откушу тебе сопливый нос! – рыкает орк, мужичок начинает пахнуть сильнее, но вырваться

перестает. Лишь дрожит, как осиновый лист на ветру.

– Дурнопахнувший друг наш, скажи-ка нам одну вещь – почему на площади не видно людей? Из-за дракона? – эльф встает с подветренной стороны.

– Дда, ми-милсдари. Скоро ящер крылатый при-прилетит и схрямкает Параську. Потому все и попрятались по домам, – отвечает лопухий мужичок.

– А что же вы не грохните его? Собрались бы городом и завалили зверюгу, – спрашивает орк.

– Я-ящер сильный. А так... он жрет двенадцать девок в год и защищает город от набегов разных и разбойников лютых.

– Когда он должен прилететь? – интересуется эльф.

– На за-закате, – мямлит мужчина.

Эльф поднимает глаза вверх. Солнце только-только начинает клониться к закату, поэтому у них ещё есть достаточно времени, чтобы подготовиться.

– Траргок брось бяку, пока не измазался. Пойдем, осмотримся, да узнаем у девчонки – что и как.

Орк кивает и зашвыривает мужичка обратно в окно. Там слышится звон, сдавленная ругань и хруст сломанной мебели. Запах исчезает вместе с мужчиной.

Шаг за шагом орк и эльф приближаются к странному зданию без крыши. Могучая дверь слегка отодвинута в сторону. Траргок и Мирралат протискиваются в щель. Внутри утоптанная земля, круглые стены и миловидная девушка, чьи руки скованы тяжелой цепью. Эльф подходит к девушке и трогает её плечо. Темнорусые волосы по плечи, простое серое платье не скрывает, а подчеркивает ладную фигурку. Из-под подола высовываются небритые ноги.

Девушка вскидывает на эльфа огромные голубые глазищи, смотрит за его спину и морщится:

– Дверь! Держите дверь, иноземцы!

Орк и эльф оборачиваются одновременно. Дверь из огромных бревен скользит в пазах, как легкая калитка и преграждает выход. Увы, ни бешенная ругань, ни удары могучей секиры не помогают – дверь словно сделана из стали и не поддается даже отточенному металлу.

– Глупцы, – шепчет девушка, – теперь дракон сожрет нас всех.

Орк продолжает бить в дверь. Он воин и не может просто так

сдаться. Он должен победить эти тупые бревна. Эльф же на несколько мгновений застывает и потом поднимает вверх указательный палец, словно проверяет направление ветра. Знающие его спутники после такого знака стремились оказаться подальше от эльфа – это значит, что он задумал какую-то пакость. На счастье орка – он этого жеста не видит.

– Помоги-ка, – окрикает эльф бушующего орка, подходит к девушке и поднимает чугунную цепь.

Один удар и чугунные змеи падают к босым ногам пленницы.

– Как зовут тебя, прелестница? – спрашивает эльф.

– Парася. Дочь сапожника Мухарта Лысого, – отвечает девушка.

– Раздевайся, Парася, спасти тебя буду! – после небольшой паузы говорит эльф и раскидывает перед девушкой плащ.

– Чего-о? – в один голос тянут и девушка, и орк.

– Ребята, ну что тут непонятного? – хмурится эльф. – Дракон же прилетает за красивой девственницей, так?

– Так, – соглашаются двое других пленников.

– Значит, у девушки есть небольшой недостаток, который запросто может быть исправлен мужским достоинством. Так что... раздевайся! – эльф расстегивает ремень.

– А по-другому нельзя? – спрашивает девушка.

– Можно, – бурчит орк, – можно тебе нос сломать и уши оборвать, тогда ты будешь не самой красивой девственницей этого города.

– Да?

– Да! – хмыкает орк и улыбается одной из своих фирменных улыбок, от которых стынет кровь у людей, а у коров сворачивается в вымени молоко.

Девушка вздыхает и начинает развязывать поясok на платье...

История четвертая, в которой не все эльфы оказываются одинаково полезны

Парася чуть подтягивает подол, поднимая его до коленей, и в этот момент передумывает. Конечно, умирать тоже не хочется, но и отдаваться первому встречному? Даже без песни под окном?

– Может, вы споете серенаду, или балладу какую? У меня всё же это первый раз...

– Милая, у нас мало времени. Я спою... потом... Если захочешь... а сейчас ложись и получай удовольствие.

Девушка опускает подол и отворачивается, демонстрируя полную

готовность плюнуть на всю страсть эльфа. Она предпочитает его огненную похоть смерти.

Эльф поднимает глаза к безоблачному небу, как будто задает вопрос древним богам. Кто их разберет – этих девушек? Ей выход предлагают, а она...

– Похоже, что твоя услуга пришлась не ко двору. Дай я ей нос сломаю! – подрыкивает орк.

– Не надо, Траргок, я справлюсь сам. Нет такой девушки, которая не раздвинула бы ноги перед Мирралатом, – хвастливо заявляет эльф и продолжает раздеваться.

– А те семеро красавиц из Новарута?

– Не считается! Они любят только женский пол.

– А те двое из Стоунтауна?

– Тоже не считается – они дали обет воздержания, и я не смог преступить через иную веру.

– А та старуха из Тропотану?

– Отвернись, мой друг, и не смущай своим присутствием юную деву! – не выдерживает эльф.

Девушка всё так же стоит, повернувшись к стене, когда сильные мужские руки обхватывают её и ладони ложатся точно на сочные возвышенности, предназначенные для кормления детей. Она пытается вырваться, но не тут-то было. Эльф стреляет коленями под её коленные чашечки, и она теряет равновесие. Падает как раз на расстеленный плащ.

– Вот, половина дела сделана, а дальше – дело эльфийской техники, – хохочет эльф.

Девушка пытается вырваться, но вместе с тем ощущает, как ей хочется поддаться этому сильному телу, как хочется перевернуться на спину и обхватить красивого остроухого мужчину за спину, как хочется впустить его в себя.

Его смех превращается в подрыкивание, когда он вытягивается на ней. Его природное оружие, будто копьё из мифрила, толкается в неё сзади через ткань платья. Она извивается, потеряв голову от ощущения того, какой он большой. Эльф не щадит – окольцовывает мускулистыми руками, прижимая её слабые руки к бокам.

Он двигается взад-вперёд, трется о расселину между половинок её зада и рычит на языке, который она не может понять. В какой-то момент

она думает, что на ней возлегает орк, но нет, зеленый воин отворачивается к двери и внимательно изучает механизм. А она...

– Пусти меня! Пусть лучше сожрет дракон, чем трахнет какой-то вонючий эльф! – срывается с её губ.

– Ну да, не помылся! – пыхтит он на ней. – Но я же не знал, что придется спасать невинную девицу.

Эльф скользит рукой между её телом и землёй, просовывает ладонь между волосатых ног. Она стонет от такого сокрушительного интимного прикосновения. Каждая частичка в её теле пробуждается от резкой, жаждущей опустошенности. Разгоряченные мускулы внутри неё сжимают пустоту, требуют быть наполненными.

– Пусти!

– Нет. Дракону не достанется такая прелестница! – восклицает эльф.

Его вес столь тяжел, что она едва может дышать. Его губы скользят по легким волоскам на шее. Когда его зубы смыкаются на гладкой коже в маленьком любовном укусе, она почти кричит.

Она чувствует себя предельно возбуждённой, обжигающей, испытывающей боль и нужду. Его ладонь касается её лица. Средний палец проскальзывает между мягких губ, и она всасывает его, как сосала бы что-нибудь другое, не менее твердое.

Другой рукой он задирает подол её платья, а твердые пальцы безжалостно принимаются исследовать её беззащитные нежные складочки, распределяя влагу, плавно скользя и поглаживая. Буйная растительность не смущает эльфа – он ночевал на сеновалах хоббитов. В то время, как его каменная мужественность толкается в её зад, он вводит палец во влажную ложбину и глубоко вонзает его.

Парася вскрикивает и давит на его руку.

Да, о, да – это то, в чём она нуждается!

Слабые, прерывистые звуки слетают с её губ, когда он умело проскальзывает в неё вторым пальцем, пока не достигает девственного барьера.

Нежно, но твердо, он пробивается сквозь него, покрывает её шею и плечи обжигающими, жадными поцелуями, мешая их с маленькими укусами. Он рвет ту преграду, благодаря которой девушка оказывается здесь. Боль вовсе не мимолетна, как о ней рассказывали более взрослые подружки. Боль обжигает, она раскаленным металлом заливает полость

внизу живота.

– Пусти меня! Как же больно! Ой, мама, роди меня обратно!

– Тихо-тихо, милая, сейчас все пройдет.

Эльф снова шепчет что-то на незнакомом языке, и раскаленный свинец моментально остывает. Боль меняется на сладкое наслаждение от его пальцев,двигающихся внутри неё. Горячий рот обжигает её кожу, мощное тело двигается взад-вперед по ней. Остроухий оказывается её самой сокровенной фантазией, превратившейся в реальность. Парыся боится признаться даже самой себе, что мечтала об этом моменте, о мужчине, овладевающим ею так, словно нет на земле той силы, которая может это предотвратить.

«Ничто не может!» – возникает проблеск мысли. – «Ничто, кроме дракона!» С того момента, как она заметила эльфа в приоткрытую дверь, она знала, что это случится. Возможно, это от многочасового нахождения под солнцем, но она почему-то знала, что он будет её первым мужчиной.

Эльф прижимается, толстый и твёрдый, как мифриловое копьё, к мягким, нежным складочкам, и с губ Параси слетает беспомощный звук. Она знает, что приближается, но боится, что не сможет его принять.

– Кричи, милая, так будет легче, – напевает Мирралат на ухо, пробиваясь дальше.

– Я не могу, – всхлипывает Парася, когда он начинает проталкиваться внутрь неё. Его давление слишком сильное.

– Тогда пой, – эльф выходит, отступив на тот маленький дюйм, что отвоевал у неё, обхватывает себя рукой и пытается снова, медленно. Хотя она отчаянно хочет заполучить его внутрь себя, её тело противится вторжению. Он слишком большой, а она слишком маленькая.

С едва сдерживаемыми проклятиями он останавливается, потом сгребает плотные складки платья в кучу под её тазом и приподнимает женскую попу выше и как раз под нужным углом. Потом его полный вес снова на ней. Правой рукой эльф обнимает её плечи, другой – бёдра.

Он потирается о неё взад-вперёд между влажных волос до тех пор, пока она не начинает подаваться к нему навстречу. Под новым углом она чувствует себя беззащитной и уязвимой, но откуда-то знает, что так легче будет войти в неё.

Когда она уже кричит что-то бессвязное, он проталкивается внутрь

неё, чувствуя, как на него накатывает облегчение. Мужское дыхание с шипением вырывается сквозь стиснутые зубы. Она задыхается, старается изо всех сил вместить пронизывающую толщину его плоти.

Каждый малый дюйм вопит от наслаждения, когда он продвигается всё глубже. И когда она уже точно уверена, что он вонзается до упора, что она заполучает его всего, эльф с грубым рыком делает последний рывок, ещё глубже, и Парася чувствует себя кабаном, надетым на огромный трактирный вертел.

– А ты боялась, милая, – рокочет голос возле её уха. – Теперь я часть тебя.

4.2

Древние боги, он был в ней с того момента, как она впервые увидела его во сне. Правда, тогда он был мускулистым варваром, а не изящным эльфом, но это точно был ОН. Негодный вор, он взломал и проник в неё, взял право бесчинствовать под её кожей. Как она жила без этого? Без этой яростной, неистовой близости, без этого большого, сильного мужчины внутри неё?

– Я буду овладевать тобой медленно и нежно, но когда вознесешься на небеса, я буду насаживать тебя так, как надо мне. Так, как я мечтал об этом с того момента, когда впервые моё копьё поднялось к кронам вековых дубов! – шелестит он ей на ухо и продолжает, продолжает двигаться внутри.

Она хнычет в ответ, полыхая изнутри, отчаянно нуждаясь в том, чтобы он двигался, делал то, что обещал. Она хочет всего: нежности и дикости, мужчину и зверя.

– Когда я увидел тебя, беспомощную и в цепях, я хотел задрать твою юбку и заполнить тебя собой. Я хотел отнести тебя в дикие леса моего родного Эусвиля, держать тебя в моей постели и никогда, никогда не отпускать, – эльф урчит грубым рокочущим звуком.

Он прерывается и переключается на язык, которого она не может понять, но экзотический говор его хриплого голоса ткёт чувственные чары вокруг неё. Он медленно выходит, заполняет её снова, пронзает длинными ударами, мягко пробиваясь вглубь. Его огромный посох будит нервные окончания в таких местах, о существовании которых она даже не знает. Парася ощущает, как новое неизведанное, но такое чудесное, чувство нарастает с каждым уверенным толчком. Однако в миг, когда она уже почти достигает пика острого наслаждения, он

выходит, оставив её почти рыдающей от неудовлетворённого желания.

Мирралат входит в неё почти лениво, урча на незнакомом языке. Он выходит, дюйм за дюймом, с мучительной неторопливостью до тех пор, пока она не начинает хватать землю полными пригоршнями и пытаться раздавить камни. До тех пор, пока с каждым нежным толчком она не начинает стараться изо всех сил выгнуться к нему под большим углом и удержать его внутри себя, так, чтобы, наконец, достигнуть высвобождения новых сумасшедших ощущений.

Какое-то время она думает, что эльф продолжает ускользать от неё, потому что он чересчур большой. Потом она поняла, что он намеренно сдерживает её разрядку. Положив руки на её бёдра, он прижимает её к земле всякий раз, когда она стремится выгнуться вверх, не позволяет ей контролировать темп или взять то, в чём она нуждалась.

– Мирралат... пожалуйста!

– Пожалуйста, что? – урчит он ей в ухо, облизывая мягкую мочку.

– Дай мне взлететь под небеса! – хнычет она.

Он хрипло хохочет, рука проскальзывает между её тазом и скомканной тканью под ним, проникает в волосатые складочки и обнажает напряжённый бугорок. Мирралат легонько бьет по нему пальцем, и Парасю словно бьет молнией. С губ срывается стон. Удар сердца, ещё два. Он нежно стучает снова.

– Это то, чего ты хочешь? – говорит он бархатистым голосом. Его прикосновение искусно, мучительно, настоящая пытка.

– Да, – задыхается Парася.

– Тебе это необходимо? – легкое поглаживание.

– Да!

– Еще чуть-чуть, потерпи, милая, – эльф нежно касается подушечкой большого пальца её твёрдого бутона.

Хлопает по земле ладонями и плотно закрывает глаза. Эти простые слова почти – но недостаточно, проклятье! – подталкивают её к вожделенному краю.

Он прижимает губы к её уху и шепчет страстным, чувственным голосом:

– Если я ещё раз выйду из тебя, то ты умрешь?

– Да, – срывается стон с её губ.

– Это то, что я хотел услышать. Я – твой, и всё, что ты пожелаешь от меня, тоже твоё.

Мирралат поворачивает её голову в сторону и ловит ртом её губы. Одновременно вонзается глубоко и продолжает вбивать в неё свою плоть. Когда она выгибается к нему, то его язык врывается в ритме с нижней частью тела, проникающей в волосатый овражек наслаждения. Напряжение, бурлящее в теле, неожиданно взрывается, затапливает её самым великолепным ощущением, какое доводилось когда-либо чувствовать. Возникает глубокая дрожь в самой её сердцевине, мышцы живота бьют короткими судорогами. Она выкрикивает его имя, пока забирается на вершину блаженства.

Мирралат продолжает равномерно вонзаться, пока она не ослабеваает под ним и пока стиснутые кулаки не превращаются в расслабленные ладони. Эльф тянет её бёдра вверх и на себя, поднимает на колени, и снова всаживает в неё твердую плоть. Тяжесть шариков в кожаном мешочке с силой ударяется о горячую, ноющую кожу. С каждым пронизывающим ударом она всхлипывает, неспособная сдержать надсадные звуки, слетавшие с её губ.

– Ах, боги, – стонет эльф. Перекатившись с ней на бок, он обхватывает её талию и сжимает так сильно, что она едва может дышать. И вонзается, вонзается. Его бёдра мощно выгибаются под ней.

Он выдыхает её имя, когда начинает извергаться, и надрывная нота в голосе, на пару с рукой, так ласково двигающейся между ног, ввергает её в ещё один стремительный полет к небесам. Когда она достигает мягких облаков, то края тьмы нежно смыкаются. Когда же Парася отходит от мечтательной полудрёмы, он находится всё ещё в ней. И всё ещё твёрдый.

– Кхм-кхм, – покашливает орк. – Я понимаю, что вы оба пострадали и наконец-то дорвались до вожделенного занятия. Однако, мне только что пришла в голову одна очень нехорошая мысль.

– Траргок, меня всегда пугает эта фраза, когда она исходит из твоих уст. Не томи, выплесни свою мысль, как я только что выплеснул напряжение в сладкое лоно этой юной девы.

– Да вот в чем дело-то. Дракон должен прилететь за прекрасной девственницей, так?

– Да, но он в этот раз улетит ни с чем. Девственницы-то и нет.

– Нет, друг мой, сверкающий голым задом. Дракон прилетит за обещанной добычей и сейчас, под определение прекрасной девственницы, попадаешь именно ты.

– Что? – икает эльф.

– Ну да, я мало подхожу на роль прелестницы, а вот ты можешь проклясть свою смазливость.

Парася чувствует, как эльфийская решимость внутри неё становится мягкой и, в конце концов, выскользывает с тем самым звуком, какой возникает, когда выдергивают плотную пробку из кувшина. Она с трудом поворачивается, её тело всё ещё содрогается от редких сладких судорог.

Мирралат уже не кажется таким мужественным. У него жалко обвисли не только волосы на потном лбу. Он натягивает штаны с самым задумчивым видом, на который способен только что удовлетворившийся эльф.

– И что же нам делать, Траргок? Само собой, что я никому не позволю лишать меня девственности... Но и помирать не хочется.

Орк отворачивается от стены, на которой играл в крестики-нолики и пожимает плечами. Парася тут же одергивает платье, когда сальный взгляд зеленокожего скользит по волосатым ногам.

– Эх, знал бы заранее... – с тоской молвит эльф и в этот момент небо темнеет.

В воздухе слышится шум, как будто паруса хлопают под порывами ветра. Вот только откуда парусам взяться на суше?

История пятая, в которой разочарование сменяется ещё большим разочарованием

– Эй, бабочка-переросток! Куда ты нас несёшь? – кричит эльф, после того, как сплюнул очередного залетевшего в рот комара.

Дракон не отвечает. Его зеленые кожистые крылья мерно взываются и опадают, толкая огромное тело вперед. В чешуйчатых лапах зажаты двое. Вряд ли стоит уточнять – кто именно?

Орк в соседней драконьей лапе сложил руки на груди и теперь молчаливо наблюдает за проплывающими верхушками деревьев и голубоватыми кляксами озер. Он молчит, как отросток вереска в темную ночь на склоне оврага. Он оскорблен тем, что дракон даже внимания не обратил на его потуги в городской ловушке. А ведь Траргок старался. Когда дракон спустился в их странное пристанище, то орк успел три раза ударить по изумрудной лапе, прежде чем секира сломалась. Потом Траргок попытался отгрызть средний коготь, но это все равно, что кусать щит у грязного гоблина – бесполезно и невкусно.

Зеленокожий воин старается пнуть уток, когда дракон пролетает мимо стаи, но утки оказываются умнее орка. Они отлетают на недоступное расстояние, показывают крыльями и хором крякают над неудачниками.

– Эй, а ты знаешь – кто такие драконы? Это те же петухи, только гребень во всю спину! – кричит эльф, но безуспешно – дракон не оборачивается на его оскорбления.

А ведь Мирралат так хорошо спрятался за Парасей и успешно попал пару раз камушками в левое крыло кошмарной зеленой твари.

Нет, он попал не в руку орка, а в крыло дракона – если кто не понял.

Увы, его прятки ни к чему хорошему не привели. Дракон вытащил истошно орущего эльфа из-за спины девушки, отвесил щелбан и сграбастал бессознательное тело в железную лапу. Орку пришлось дать три щелбана и один пендель, чтобы тот успокоился. Потом дракон взмахнул крыльями и поднялся в воздух, оставив ошеломленную Парасю на земле.

– Траргок, чего ты молчишь? Плюнь ему хотя бы на хвост, а то чего я один стараюсь?

– Я не хочу. Я силы берегу.

– Для чего? Всё равно с ним не справишься. Вон, даже секиру сломал о чешую.

– Да я для тебя берегу. Прежде, чем эта ящерица с крыльями нас сожрет, я постараюсь отвесить пару оплеух между острыми ушами.

– А я-то тут причем?

– А при том! При всём при том. Надо было к жене идти, так нет же – опять поддался на уговоры придурковатого эльфа. И что? Где я сейчас?

– В лапе дракона? – подсказывает «придурковатый эльф».

– Это пока я в лапе, а потом буду в полной заднице. Сожрет он нас и не закашляется. Глянь на его зубищи – это же мечи, а не зубы. И почему я снова тебя послушался?

Ветер свистит в ушах. Крылья мерно работают, морда дракона не поворачивается к добыче – дракон летит к своему замку.

– Ох, оставь свое нытье. Орк ты, или не орк? Соберись, тряпка зеленая. Умри, как подобает представителю твоего племени. Вспомни, что орки – гордый и непокорный народ! Пока ты его будешь отвлекать,

я смогу убежать и всем расскажу о твоём великом подвиге. Ты будешь воспет в веках, твоим именем будут называть сыновей королей!

– Подожди-подожди, то есть как ты сможешь убежать? А я? А как же я?

– А что ты? Тебя высекут! На центральной площади.

– Как высекут? Да я никому не позволю!

– Да из мрамора тебя высекут, зеленая голова. Из мрамора!

– Нет, если мы начали с тобой это дело вместе, то и доведем его до конца. Умрем вместе и я даже поделюсь с тобой кусочком мрамора. Небольшим, как раз, чтобы обрисовать твоё участие в нашем походе. Пусть тебя посадят ко мне на плечо, как блоху.

– Как блоху? Меня? Эй, курица в немодных чешуйках, сбрось комок этой зеленой слизи вниз. Пусть подумает над своим поведением, пока не шмякнется, и клыкастая башка не провалится в задницу.

– Слышь, сюда иди, дохляк остроухий. Да я тебя сейчас...

Страсти разгораются не на шутку. Сейчас, перед лицом смерти, друзья решаются высказать друг другу всё, что накопилось на душе за время их знакомства. Когда слова кончаются, то они переходят на плевки. Увы, ветер относит капли влаги, и они в основной своей массе ложатся на хвост дракона. Когда слюна кончается, то друзья начинают показывать друг другу знаки, по которым можно было прочесть, что они думают о родственниках, ориентации и половой принадлежности оппонента.

– Господа, успокойтесь, пожалуйста. Нам немного осталось до моих апартаментов. Когда долетим, то я дам вам возможность сойтись в рукопашной, если уровень агрессии у вас продолжит превышать допустимую норму, – к ним поворачивается голова дракона.

Орк и эльф настолько поражаются голосу, а главное – разговорной речи рептилии, что забывают о тех знаках, которые только что с охотой демонстрировали друг другу. Причем, орк намекал, что в роду эльфа был не один десяток гоблинов, а эльф откровенно заявлял, что тролли протоптали дорожку к ложу мамы Траргока. Морда дракона усеяна небольшими бугорками, рожками и изумрудной чешуей. Голубые глаза с продольным зрачком осматривают сперва одного, потом другого дебошира.

– Так чего ты раньше молчал, когда я тебя звал-то? – не выдерживает Мирралат

– А раньше вы мне не мешали. Теперь же вы начали двигаться и щекотать внутренние подушечки лап. Если вы не перестанете, то я могу расхохотаться, а вы можете упасть.

Ни у орка, ни у эльфа не возникает желания навернуться с сотни футов на голые скалы, которые тянут изломанные края вверх, словно приглашают шлепнуться и забыться. Эльф покрепче хватается за чешуйчатый палец лапы, чтобы иметь возможность ещё на чуть-чуть продлить жизнь, если вдруг дракон надумает сбросить балласт.

На горизонте выныривают острые шпили замка. Черные и неприступные, подобные женщинам-дикаркам из пустынь Джаранта. Вокруг замка неприступные рвы и пропасти. Только птицы могут попасть в этот замок, люди же будут вынуждены вернуться обратно.

С каждой секундой громада из камня вырастает и становится больше. Дракон взмывает свечой над замком и пикирующим соколом падает вниз. Эльф зажмуривается, а орк наоборот выпучивает глаза, чтобы встретить смерть с достоинством.

5.2

Дракон в последнюю минуту выходит из пике и разжимает лапы. Мирралат и Траргок катятся по брусчатке внутреннего дворика, а дракон взмывает вверх и садится на серую стену. Из-под могучего тела вырывается и падает вниз скорлупка черепицы. Рыжие крошки летят в лицо эльфа.

– Вот же ящерица с крыльшками... Чтобы тебя приподняло и прихлопнуло. А ну, спускайся вниз, и я тебе морду выправлю! – вопит орк, когда приходит в себя после падения.

Дракон фыркает, отчего из его пасти вырывается небольшой огонек. Впрочем, огонек тухнет, даже не долетев до земли. Эльф вскакивает на ноги и оглядывается. Во дворе разбросаны щепки от разбитых телег, несколько коровьих черепов, кости, над которыми вьются мухи. В стене двора есть коричневая дверь, и она открывается. На воздух выходит небольшой гном с длинной бородой, которая волочится за ним и цепляется за щепки.

– Кого ты притащил, Саругас? – скрипучим голосом спрашивает гном, когда подслеповато щурится на пару.

– Двух девственных двуногих. Ты обычно просишь одного, а тут сразу два будет. И тебе в помощь пойдут и нам больше золота за них заплатят.

– Эй, недоростыш, а ну-ка скажи своей дуре чешуйчатокрылой, чтобы она освободила принцессу Эслиолине, дала нам по мешку золота и тогда мы вас помилуем, – выступает вперед эльф.

Орк в очередной раз поражается наглости друга, даже забывает о том, что недавно хотел поколотить его.

– Это же... это... МУЖЧИНЫ! – вопит гном, когда ему удастся разглядеть физиологические особенности пришельцев.

– А мне-то что? – возражает дракон. – Они были в той чаше, они были девственны. Вот я и захватил обоих.

– Неси их обратно! Нам нужны женщины! – ещё громче надрывается гном в сиреневом фартуке.

Эльф делает кошачий прыжок и оказывается возле мелкого бородача. Захват бороды. Сморщенное личико задирается вверх, а в горло упирается лезвие засапожного ножа. Гном испуганно икает.

– Ты меня плохо слышишь? Я могу повторить громче: скажи своей ящерице, чтобы она освободила принцессу Эслиолине, дала нам по мешку золота и унесла обратно. Что непонятного? Или я многого прошу?

На фоне овсяных облаков дракон застывает зеленой уродливой кляксой, будто в тарелке с кашей завелась плесень. Он смотрит на своего хозяина, которого держит за бороду непокорное существо. Такое впервые на его памяти. Обычно двуногие с длинными волосами долго и упорно плакали, потом начинали прибираться во дворе, а затем его хозяин с выгодой продавал этих двуногих как послушных жен. Теперь что-то явно пошло не так. Но что? В том месте, где дракон обычно забирал девственных существ на сей раз было трое. Одна особь недавно лишилась девственности, а вот две других...

– Подожди, о каком золоте ты говоришь? – скрипит гном.

– Как о каком? О золотых горах дракона. Так поют барды в тавернах. Тут ещё должна быть красавица Эслиолине, так что давай-ка поторапливайся, – прикрикивает эльф на него.

– Дурни! Ох, какие же вы дурни. Я сам и придумал эту легенду, чтобы приманивать легкомысленных рыцарей, у которых под шлемом пустота между ушей. Сказать, сколько доспехов я снял с неудачников, которые пытались карабкаться по моим скалам? И никакой принцессы и в помине нет. Так что зря вы тут появились.

– А золото? – рыкает орк. – Золото-то есть? Или ты тоже скажешь,

что это всё легенды?

– Какое золото? Ты что? Мы с Саругасом концы с концами еле сводим. Вот он и забирает девственниц, чтобы я их обучил, подготовил и потом продал... то есть выдал замуж за шейхов пустынных песков. Тем и перебиваемся. И девчонки рады, что живут во дворцах, а не в своих клоповниках, и нам на хлеб с мясом хватает. А вы... Кому я вас отдам? Нет пока таких извращенцев. И золота нет.

Орк со зловещей улыбкой смотрит на эльфа и медленно тянет из своего сапога широкий нож. Лезвие пускает зайчика в глаза Мирралата, и тот вздрагивает. Он вспоминает – о чем был договор и чувствует шевеление волос на голове. Возможно, они шевелятся в последний раз. Гном понемногу отодвигает руку от своего горла и вырывается из крепкой хватки.

– Глупцы! А теперь Саругасу вновь придется лететь за девственницей в Буанакхист. Мы теряем время, каждая секунда равна песчинке золота. Саругас, отнеси этих бугаев обратно и принеси девственницу. Женщину! Запомнил? Женщину-девственницу! – с этими словами гном отворачивается и хочет уйти обратно в замок.

– Ты врешь! Гном, ты нас обманываешь! – восклицает эльф, когда видит зловещую ухмылку орка.

– Нет, не вру. Вы можете облазить все подвалы и все башни замка. Давайте, я подожду, но постарайтесь недолго, – пожимает плечами гном.

С быстротой лани с равнин эльф влетает в дверь. Следом за ним грохочет орк. Кровожадная ухмылка так и не покидает его клыкастую рожу. Острый нож продолжает поблескивать в лапище.

– Скажите, хозяин, я правильно понимаю, что их половая принадлежность делает их непригодными для наших мероприятий? – на дворик слетает зеленый змей.

– Да, Саругас. В следующий раз постарайся не ошибаться... хотя бы проверяй на наличие титек.

– У того, зеленого, тоже большие грудные мышцы, их вполне можно принять за развитые молочные железы.

– В общем, приноси женщин и всё тут. Не будет девственниц – сожги пару домов, и они найдутся. Что там за крики?

Издалека доносится дикий визг, как будто кто-то снимает шкуру с живого кабана. Визг настолько громкий, что дракон не может

удержаться от вздрагивания. Гном тоже бледнеет и отшатывается.

– Что это, Саругас? – шепчет гном, вглядываясь в темноту дверного проема.

– Может, гости привидения испугались?

– Так нет у нас привидений.

– Хозяин, пока я летел сюда, эти двое хотели поубивать друг друга. Не исключаю такую возможность, что теперь у нас появилось привидение.

– Вот только этого нам не хватало. Я же боюсь мертвяков. Зачем ты их сюда притащил? – стонет гном, когда темную суровость замка потрясает очередной визг.

Дракон предпочитает промолчать. С тех пор, как гном отбил полумертвого юнца с крыльями у стаи волков, он дал клятву вечно служить этому бородатому. И это его первая неудача. Или даже две. Обе неудачи вскоре показываются во внутреннем дворике, причем эльф сверкает бритой, с порезами, головой, а орк вытирает пучком белых волос слегка окровавленный нож.

– Можем отправляться, – бурчит орк.

– Поехали, – говорит эльф и машет рукой.

– Запомни, Саругас, женщину! Ты должен принести женщину! – кричит вдогонку гном, когда дракон взлетает с двумя пассажирами в лапах.

Дальнейший путь проходит в полном молчании, лишь эльф иногда трогает лысую голову и морщится, когда касается порезов. Возле города Буанакхиста дракон швыряет их на землю и уносится наводить страх и ужас на горожан.

Эльф и орк бредут обратно в полной тишине. Проходит день, а настроение не улучшается. Мрачное небо отражает настроение обоих. Орк предвкушает возвращение к жене и возможные побои, а эльф думает о насмешках со стороны своих сородичей. Они почти подошли к тому месту, где остроухий и зеленокожий изображали бой не на жизнь, а на смерть.

– Мирра-а-алат!!! – летит над степным ковылем девический голос. – Тьфу, то есть Димка-а-а-а!!!

Эльф вздрагивает и оборачивается. К нему летит, расставив в стороны руки и растопырив пальцы, эльфийка, которую все знают под именем Джулайли. И только он знает её под именем Аня. Эльф

бросается к ней навстречу, на ходу срывая с себя одежду. Неужели так всё просто и они сейчас вернутся обратно? Вернутся в парк? Они должны успеть!

Вот только провидение думает иначе и ещё один валун, сорвавшийся от звонкого голоса эльфийки с горы, сшибает эльфа, словно кеглю в боулинге. Легкое тело отлетает на стоящий невдалеке вяз и запутывается в ветвях. Матерится, брыкается, но не может слезть.

– Да как так-то? – поворачивается к орку эльфийка.

– Курлык, – разводит тот руками прежде, чем исчезнуть в слепящей вспышке.

История шестая, в которой напарник может стать помехой

Чертов мегаполис словно создан для продажных полицейских и беспринципных шлюх. Он кишит ворами и убийцами, как лежбище бездомного клопа. Обычному человеку, который хочет прожить спокойную и тихую жизнь, нечего делать в этом умирающем городе.

Коффин-сити огромным спрутом раскинул щупальца ужаса в разные стороны и проникает в отдаленные уголки сознания людей, заставляя каждый день принимать как подарок на Рождество. Сын боится отца, отец опасается сына и при его появлении хватается за пистолет. Мать сменяет дочь на захлавленной улице, полной похоти и боли.

Детектив Джулиан Дав уже седьмой день подряд приезжает и занимает пост напротив старого особняка, где возле чугунной решетки нашли рыжеволосую девушку без сознания. В больнице девушка что-то лепетала про страшного вампира и на шее у неё краснели два отверстия. Правда, гораздо больше отверстий у неё было на локтевом сгибе, поэтому ей не очень-то и поверили. Кто в наше время верит обдолбьшам-наркоманам?

Инспектор Джувс четко сказал, что молодой наркоманке всё привиделось и не стоит отнимать время у полиции. Сказал, что у полиции и так много дел без поисков какого-то мифического вампира. Много дел... Пончики жрать у них время есть, обсуждать измены с молодыми любовницами, курить вонючие сигары до тех пор, пока дым из задниц не пойдет – время есть, а найти нападавшего – на это как раз времени не хватает.

Детектив Дав чуть опускает стекло и сплевывает горькую слюну. Следом летит окурок, обгоревший почти до фильтра. Сколько ей ещё

придется морозить зад? Как сейчас было бы хорошо очутиться в баре у старого Майкла, пропустить пару виски и кому-нибудь навешать от души добрых плюх.

Чем хорош тот бар – всегда найдутся громилы, которым захочется поиметь худенькую и беззащитную на вид блондинку. Вот только не всегда им успевают сказать, что у девушки есть черные унты по борьбе нанайских мальчиков. Инспектор Джувс с укоризной посматривал на сотрудницу, когда в последствии читал доклады о разбитых мордах и сломанных руках. Она же в такие моменты скользила взглядом по трещинам на потолке его кабинета.

– Детектив, я принес ваше эспresso, – на соседнее сиденье плюхается Том Бэйб.

Джулиан Дав сначала отнекивалась, когда в напарники ей выделили этого жирного недотепу. Потом начала ругаться и уже в тот момент, когда она была готова перейти к рукопашной, инспектор стукнул ладонью по столу и сказал, что ему осточертели капризы и прихоти. Или она кладет значок на стол, или обучает пухлого мерзавца. Отец этого недоразумения был отличным полицейским, жаль, что не дожил всего пару дней до пенсии – подавился пончиком, когда соревновался в поедании на скорость со своим напарником.

– Скажи-ка, Том, тебе нравится работать в полиции? – спрашивает детектив, когда отпивает обжигающую приторно-горькую дрянь из стаканчика.

– Да, детектив. Я хочу быть таким же, как и мой отец, – отвечает Том и разворачивает тройной гамбургер. Он как можно шире открывает огромную пасть, похожую на Тугарский тоннель, и засовывает туда безобразно-калорийное сооружение.

Девушка едва не захлебывается кофе, когда видит, как из гамбургера с другой стороны лезет соус, напоминающий по цвету «детскую неожиданность». Если раньше желудок просил чем-нибудь его наполнить, то сейчас он предпочитает выплеснуть кофейную бурду наружу. Детектив с трудом справляется с желудком и отводит взгляд обратно на особняк.

Если можно представить более мрачное здание, чем заброшенный склеп на проклятом кладбище, то это будет именно особняк Попеску. Фасад его настолько отчаянно требует ремонта, что рассыпается и обнажает кладку, отплевываясь ошметками штукатурки. Словно

дряхлый старик вытащил вставную челюсть, бросил её в стакан с отбеливателем и теперь подставляет свету луны беззубые десны. Хищные плети плюща карабкаются вверх, словно стремятся погresti под собой старинную громаду. В крыше видны огромные прорехи, будто над особняком прошел метеоритный дождь.

Полуразбитые витражи блестками отражают свет уличной рекламы, аркбутаны напоминают удивленно вскинутые брови. Декоративные башенки угрожают в любой момент накрениться и рухнуть на головы глупцов, которые вознамерятся проходить мимо.

Старый забор своими дырами напоминает платье бездомной бродяжки. Именно возле полуупавших ворот двадцать лет назад нашли девочку по имени Джулиан. Она пыталась разбудить пару, уснувшую вечным сном. У её отца и матери тоже нашли дырочки на шее. Кто-то выпил их, как пакетики с томатным соком, и выбросил оболочки на улицу.

– А пошему мы ждешь шидим? – шамкает Том, заплывывая крошками торпеду старого «Бьюика». – Пошему не идем в ошобняк?

Как объяснить в двух словах тупому куску сала, что они не могут пробраться туда без ордера? Хоть особняк и выглядит заброшенным, но в нем иногда сверкают огоньки свеч и видны скользящие тени. И налоговые отчисления, которые поступают в казну, не дают детективам права влезть в дом без позволения хозяев. Должен быть веский аргумент и наличие преступления, чтобы развязать им руки и преступить закон о неприкосновенности частной жизни. Детектив Джулиан вместила всё это в два слова:

– Том, отвяжись!

Огорченный напарник продолжает наполнять бездонный желудок жрачкой из дешевой забегаловки. Мрачное настроение Джулиан сгущается ещё больше, когда начинается дождь. Крупные капли дождя стучат по крыше «Бьюика», как по шкуре дохлого добермана. Особняк размывается в потеках, но не становится красивее. Скорее наоборот, более чудовищное здание трудно себе представить. Будто из земли вылез огромный черный опарыш и сейчас он надсадно дышит, растекаясь в лобовом стекле.

– Давай всё-таки зайдем. Скажем, что проезжали мимо и у нас сломалась машина, – говорит толстяк, когда вытирает жирные от соуса пальцы и выкидывает остатки на улицу. – Ты знаешь, что-то меня тянет

в этот дом. Вот не знаю, как будто кто-то зовет туда.

– Заткнись. Смотри, кто-то идет!

По улице крадется фигура в серо-грязном плаще. Широкополая шляпа напоминает торшер для лампы и прекрасно скрывает лицо человека в тени. Он застывает на мгновение возле ворот, а потом...

– Черт бы меня побрал, Джули, ты это видела? – вырывается у толстого Тома.

Видела ли она? Конечно видела как неизвестный оглянулся по сторонам, чуть присел и сиганул через забор, как долбаный кузнечик. Это явно не просто так.

Одетектив выхватывает верную «Беретту» и выскакивает на улицу. Кто же знал, что жирный Том тоже выгащит свое тельце наружу?

– Стоять! Полиция! – кричит девушка, а сама не может поймать в прицел спокойно уходящую фигуру – мешает бритый затылок с тремя складками. – Том, чтобы тебя одним сельдереем кормили, а ну убери свою пустую тыкву, пока не нашпиговала её свинцом!

Толстяк тут же приседает, словно гамбургер начинает проситься наружу. Фигура удаляется, не оборачивается даже на выстрел в воздух. Похоже, что она плывет по воздуху и почти не касается луж.

– Твою же мать! – срывается с губ детектива. – А ну стой, ублюдок.

Фигура поднимает вверх правую руку и показывает всем известный жест. Блестящей плетью сверкает молния и жест виден более отчетливо.

– Джули, похоже, что он откуда-то знает, что у тебя давно не было бойфренда, – хихикает присевший Том.

Если бы недотепа знал, насколько он близок ко встрече со своим отцом, то заткнул бы свою жирную пасть. Подумаешь – давно не было секса. «Не в сексе счастье», – как говорил инспектор Джувс, – «а в его качестве и количестве!» Но сейчас нельзя отвлекаться! Надо преследовать хама, который позволил себе оскорбить сотрудника полиции!

Капли дождя мочат челку и теперь волосы лезут в глаза. Джулиан откидывает непослушную прядь назад и начинает преследование. Высокие военные ботинки разбивают рябь лужи, и целая волна окатывает сидящего Тома. На его несчастье он поворачивает лицо. Грязь из лужи ложится на его лицо раскраской дикого папуаса.

– За мной! – кричит детектив Дав.

Грузное топанье за спиной. Старые ворота впереди. Рыжая от

ржавчины цепь на створках. Джулиан бьет в правый створ и цепь рвется, как колготки на заскорузлых ногтях проститутки. Фигура не поворачивается, но она подходит к двери. С пронзительным скрипом деревянная плоскость отходит в сторону, и неизвестный скрывается в темноте.

6.2

– Джулиан, дай передохнуть. Я никогда столько не бегал, – слышен свистящий голос Тома Бэйба.

– Мы пробежали всего двадцать ярдов. Как тебя вообще взяли в полицию? – шипит детектив, когда видит красную рожу напарника.

– Папа протащил, сказал, что бегать не придется. Только деньги снимать с проституток и брать свою долю с воров. Говорил, что так поступают настоящие хорошие полицейские.

– Заткнись, Том. Доставай свое оружие, мы сейчас пойдем внутрь.

– А как же ордер?

– Никак! Но средние пальцы в свою сторону я терпеть не намерена!

Дождь извергается на полицейских с такой мощью, словно ангелы решили одновременно отлить и теперь стараются попасть на двоих букашек внизу. Пальцы Джулиан крепче сжимают рукоять «Беретты». Очередная вспышка молнии освещает худенькое лицо детектива. Следом спешит круглая тарелка Тома. Лицо мужчины мокрое и не понять – от пота или от дождя.

Вблизи особняк выглядит ещё отвратительнее. Хмурые стены сверлят провалами окон. В темноте проемов видны красные точки – словно лазерные указки... или глаза демонов из преисподней. Деревья оголились и стоят худыми проститутками из борделя, когда клиент выбирает одну, на которой собирается всласть попыхтеть. Зеленые кляксы слизи на ступенях, словно тут прошла рота больных насморком солдат.

– Я... сейчас сдохну, – выдавливает Том, когда пара застывает у двери. – Похорони меня... возле булочной на Бигили-стрит. Там самые лучшие пончики...

– Соберись, толстяк! Мы возьмем этого ублюдка, и тогда ты затмишь даже своего прославленного папашу.

– Захожу, милая, – неожиданно выпрямляется Том.

Струи чертового дождя хлещут по его лицу, но он словно их не замечает. Мужчина, который только что подышал от нехватки воздуха,

теперь улыбается и даже пытается втянуть толстое брюхо.

– Ты чего делаешь? – шипит Джулиан, когда Том бесстрашно берется за ручку старой двери. – А ну отпусти сейчас же! Я войду первая!

– Ты не слышишь, Джули? Этот голос, похожий на райскую музыку, зовет меня. Она зовет меня...

На лице мужчины появляется улыбка блаженства, словно семь тайских массажисток делают ему приятно. Детектив еле сдерживает руку, чтобы не залепить ему хорошую оплеуху.

– Возьми себя в руки, Том! Нет никакого голоса.

– Есть, ты просто не слышишь. Ты слишком напряжена, Джули. Голос говорит, что я создан для любви и... она зовет меня. Я иду... пока, Джули.

Увы, как не пытается худенькая девушка отцепить руки своего непутевого напарника, этот мешок сала оказывается сильнее. Он с неожиданным проворством проскальзывает внутрь дома, отталкивает Джулиан так, что та перелетает через ступени и шлепается в лужу и без того промокшей задницей.

Дверь захлопывается и изнутри слышится зловещий смех.

Этот смех преследовал Джулиан на протяжении последних двадцати лет. Он ей снился в кошмарных снах, когда она просыпалась от собственного крика, или оттого, что постель была мокрой. Это был смех гиены, которой наступили на яйца. Это был скрип ножа по стеклу, когда маньяк подходит к своей жертве. Это был смех убийцы её родителей.

Забыта боль в пятой точке – её вытеснила ярость. Траурной вуалью злость застилает глаза. Он там! И Том там. А она снаружи.

– Держись, жирдяй! – кричит детектив Джулиан.

Оскальзывается на слизи и разбивает нос о ступеньку. Яркая вспышка перед глазами. Боль? Молния? К черту всё. Сейчас нужно попасть внутрь и настигнуть хохотунчика. Арестовать этого смешливого мерзавца!

Дверь оказывается закрыта. Ручка настолько склизкая, словно её только что вытащили из болотного ила. Кулаки бьют в дверь. Капли стучат по макушке. Сердце колотит в грудную клетку. Дорога каждая секунда! Неужели она потеряет и этого неуклюжего недотепу? Хоть он и толстый и крови в нем много, но долго он не продержится.

Раздается пронзительный крик! Такой можно услышать, когда кастрируют кота без наркоза. Неужели Тома тоже лишают мужской гордости?

Детектив Джулиан Дав недаром имеет черные унты по борьбе нанайских мальчиков: бедра напряжиниваются, икры превращаются в камень, толчок носками, и она взмывает свечкой над ненавистной дверью. Черета быстрых ударов сделает честь безумному барабанщику, а ведь она бьет ногами.

«По перрону рассыпали горох» – так она называет свой коронный удар. Ни один мясной шкаф, полный дерьма и перегара, не мог устоять перед бешеным вихрем. Не может этого сделать и дверь. Дверь взрывается, как от динамитной шашки. Щепки разлетаются в стороны, а черный проем двери смотрит на детектива беспросветной темнотой.

Верный фонарик на мобильном телефоне чуть отодвигает непроглядный мрак. Детектив Джулиан набирает в грудь воздуха и шагает навстречу неизвестности.

Неизвестность пахнет сырым деревом и ладаном. Темнота старается окутать шелковым покрывалом, увлечь, усыпить и успокоить навеки...

Снова раздается зловещий смех, а следом женское пение:

– Милый малыш, глазки закрой. Ну что ж ты не спишь, ведь я рядом с тобой. Вытяни шейку, открой кадык. Гроб нам с тобою будет впритык. Сделаем в нем мы тык-тык.

Звуки раздаются откуда-то сверху. Глаза детектива начинают привыкать к темноте, и она различает старинную лестницу с широкими ступенями. На ступенях темнеет ковер. Именно на него и наступает военный ботинок Джулиан.

Яркая вспышка сначала ослепляет, и под сомкнутыми веками вспыхивают обжигающие круги. Девушка отпрыгивает назад и выставляет перед собой пистолет. Если вам приходилось выходить из темного подвала на яркое солнышко, то вы поймете состояние детектива в этот момент.

Ничего не происходит. Девушка часто-часто моргает, чтобы глаза привыкли к яркому свету. Сверху слышится веселый женский смех. С таким звоном хрустальные бусы могут рассыпаться по мрачному надгробью.

Глаза привыкают к яркому свету, и проклятье срывается с губ

детектива. Насколько отвратен и кошмарен дом снаружи, настолько же прекрасен он изнутри. Джулиан словно попала в гребаную сказку про Золушку.

Огромная люстра под расписным потолком светит ярче тысяч солнц. Лучи плещутся в декоративном фонтане слева от величественной лестницы с рельефными перилами. Красная ковровая дорожка скользит по мраморным ступеням, золоченые статуи ангелочков по бокам заставляют забыть о непогоде за спиной.

Под ногами раскинулась причудливая мозаика, изображающая огромную розу, стебель которой начинается в фонтане, а сам бутон раскинулся в центре. По задрапированным алой тканью стенами развешаны картины незнакомых красивых женщин и смазливых мужчин.

– Я ждал тебя, дитя мое, – слышится сверху голос и детектив инстинктивно наставляет «Беретту» по направлению голоса.

– Не двигаться, мать твою! Иначе мозги вышибу! – рывкает она и замирает.

Такого красивого мужчину она не видела даже по зомбоящику, а там каких только мучачей не показывали. Высокий, худощавый, кожа слегка отдает болезненной белизной, словно он только что вылез из мешка с мукой. Черные волосы зачесаны назад и спускаются толстой косой на белоснежную рубашку с оборками. О высокие скулы можно порезаться, кроваво-красные губы изогнуты в снисходительной улыбке. Но самым поразительным на его лице были глаза – черные как первородный грех и завлекающие, как мираж оазиса в жаркой пустыне.

Тонкие пальцы ложатся на перила, и он начинает спускаться. Где же он делает маникюр? Ногти длинные, словно только что сделал «френч». От него прямо таки веет аристократизмом и властью. Словно этот мужчина рожден для того, чтобы повелевать армиями и разбивать женские сердца.

– Я знал, что ты придешь. Ты не можешь удержаться от моего зова, малышка, – счастливо улыбается мужчина и девушка видит, что два верхних клыка гораздо длиннее остальных зубов.

История седьмая, в которой обольстительный вампир обольщает

Легким прыжком хозяин особняка оказывается внизу, рядом с декоративным фонтаном. Ого, это же метра три, не меньше. Он садится

на бордюр фонтанчика и опускает ладонь в прозрачную воду, холодную даже на вид.

Джулиан переводит ствол пистолет и чувствует, что это действие дается ей с трудом. Словно она находится по шею в озере и сейчас преодолевает сопротивление воды. Мужчина улыбается и снова среди белых зубов выделяются два клыка.

– Стой на месте, ублюдок, – командует девушка твердым голосом, но из груди вырывается цыплячий писк.

– Стою на месте. Только я не ублюдок, а чистокровный граф и мой род уходит вглубь веков. Я потомок румынских королей, – мужчина говорит мягким, убаюкивающим голосом.

Он словно завораживает, заставляет кровь течь медленнее и снимает яростную пелену с глаз детектива. Джулиан ловит себя на том, что пистолет смотрит в центр розы на полу, а вовсе не в напояженную черепашку этого типа.

– Твой долбаный род пойдет ко всем чертям, а ты побежишь впереди и будешь показывать дорогу, если не прекратишь свои гипнотизерские штучки! – пистолет занимает первоначальное положение. – Где мой напарник? Где Том?

– А ты про этого пухлого шалуна? Он наверху. Тычет стволом своего оружия в одну из моих жен. Если тебя это возбуждает, то мы можем присоединиться, – мужчина делает приглашающий жест в сторону лестницы.

Откуда он догадался о возбуждении? Судя по нервно подрагивающим ноздрям, он сумел его почуять. Да, у детектива Джулиан давно не было сексуального партнера. Однако вряд ли это повод так намочить тем лоскутам ткани, которые прикрывают низ живота. Хоть выжимай.

– Иди вперед и не вздумай шутить, кузнечик. Стреляю без предупреждения, – девушка машет стволом в сторону лестницы.

Как же легко и пластично двигается этот мерзавец. Он словно специально напрягает ягодичные мышцы, четко обрисованные черной тканью штанов. Белая рубашка, черные брюки, белое лицо, черные глаза и единственной красной кляксой выделяются губы, которые сейчас кривятся в сардонической усмешке. Он поднимается по лестнице, а Джулиан идет за ним.

Золоченые ангелочки кривят злобные мордочки за её спиной, но

она этого не видит. Люди с портретов тоже следят за идущей парой. Мозаика на полу блекнет, словно роза засыхает и теряет свою кровавую красноту.

Детектив поднимается на второй этаж и резко кивает, когда мужчина с останавливается у резной двери. Золоченые вензеля скользят по черному полю и тянут тонкие щупальца к мастерски вырезанной розе. Цвет лепестков очень напоминает цвет губ мужчины, таких желанных, таких обольстительных.

Нет! Джулиан стискивает рукоять, и небольшая боль отрезвляет её. Хозяин дома вновь ухмыляется и толкает дверь. С мягким шорохом она распаивается и на несколько секунд детектив забывает – как нужно дышать. Она помнит, что нужно втягивать этот грязный воздух, пахнувший потом и ладаном, но не может себя заставить. То, чем занимается напарник, выходит за все рамки приличия.

Да, в полицейском участке не скрывали того, что иногда бесплатно пользуются услугами шлюх, рекомендовали друг другу. Передавали, как эстафетную палочку... вместе с сифилисом и гонореей. Да, были и такие кадры, которые рассказывали, как «утешили» молодую вдову и оттрахали её во все дырочки... Однако, чтобы так...

– Том, мать твою, ты что делаешь? – взвизгивает девушка.

Увы, её визг пропадает в шуме стонов и страстного дыхания.

Картина оргии разворачивается во всей своей омерзительной сексуальности. Такого жесткого порно Джулиан вряд ли видел.

Рыхлые белые ягодицы Тома приподнимаются и опускаются между точеных ног обнаженной темноволосой красавицы. Он старается работать как поршень в двигателе, который загоняет округлую головку в хорошо смазанный канал. Пузо хлопается на плоский живот, приподнимается, чтобы через мгновение снова упасть обратно. Скорость и громкость хлопков напоминает бурные аплодисменты, когда президент выступает с хорошими новостями. Если бы жирный недотепа с таким же рвением приступил к работе, то через месяц смог бы возглавить полицейский участок.

Красавица кричит под ним громче заводского гудка. Её острые когти царапают спину любовника. Из-под коготков возникают мелкие бисеринки крови, которую тут же слизывают ещё две обнаженные девушки. Блондинка и шатенка.

Всю троицу красавиц легко можно выставлять на подиумах страны

– успех моделям будет обеспечен. Тугие тела словно созданы для позирования художникам. Высокие груди заставляют сглотнуть даже Джулиан. Упругие попки манят шлепнуть по ним. Джулиан ни разу не подозревала себя в лесбийских наклонностях, но сейчас ей мучительно захотелось оказаться наедине с этими обнаженными красавицами. Но среди восхитительных тел шевелится толстая личинка по имени Том.

Обстановка в комнате словно из исторических фильмов. Кровать размером с аэродром, над ней балдахин с тяжелыми золочеными кистями. Цветастые ковры на полу с таким высоким ворсом, что по нему можно пускаться вплавь. На стенах всё та же красная шелковая ткань. За витражными стеклами видны редкие всполохи молний. Редкие свечи в комнате добавляют сексуальности действию на кровати.

– Ты можешь присоединиться, малышка. По крайней мере, твой напарник сейчас счастлив. Неужели ты хочешь обломать самый восхитительный секс в его жизни. Эй, молодой человек, вам хорошо? – спрашивает хозяин дома у пыхтящего Тома.

– О-о-о, да-а-а, – срывается стон с губ напарника, когда он продолжает шлепать пузом по животу лежащей темноволосой девушки.

Жирный зад продолжает методично подниматься и опускаться. Теперь его оплетают ноги, и девушка пятками заставляет Тома проникать ещё глубже. Стоны усиливаются. Струйка слюны протягивается от обвислых губ Тома к щеке девушки.

Джулиан смотрит. Внизу живота становится так жарко, будто села на головню. Продолжительный период без секса дает о себе знать и ей хочется... Хочется оказаться на месте красавицы? Она еле сдерживает руку, чтобы не залезть в брюки и не заняться самоудовлетворением. Бюстгальтер становится слишком тесным для разбухших сосков. Нежная ткань кажется брезентом.

И этот напояженный мерзавец улыбается. Он делает шаг по направлению к детективу и оказывается рядом. Ствол пистолета упирается в грудь. Его глаза пронизывают девушку почти так же, как жирный похотливый Том – жену хозяина особняка.

– Позволь я представлюсь и назову своих милых женушек. Мое имя Милош. Милош Попеску. Та, которая находится под твоим напарником, Дэкиена. Беленькую зовут Ленута, а рыженькую бестию – Злата. Они очень рады вас видеть. Правда, мои хорошие? – повышает голос хозяин

дома.

– Да-а-а, мы очень любим гостей, – мурлычат блондинка и шатенка, продолжая слизывать мелкие бисеринки алой влаги с царапин на теле Тома.

– А о-особенно та-аких стра-астных го-остей, – между толчками произносит Дэкиена.

– Том, твою мать! Перестань трахать эту курицу и вспомни – зачем мы здесь! – вырывается у детектива тонкий вопль.

7.2

Том удивленно оглядывается. Видит детектива Джулиан и на миг застывает. Всего лишь на миг, потому что Дэкиена толкает его зад розовыми пяточками, и он возвращается к фрикциям. Его огромное хозяйство входит в блестящую щель почти полностью, а яички... если можно назвать яичками два помидора сорта «Бычье сердце» помещенные в резиновый мешочек... его яички шлепают чуть ниже. «Он же ей синяк там поставит» – почему-то вертится в голове Джулиан.

– Я ве... веду допрос с при... с пристрастием, – отвечает Том, продолжая «допрашивать» подозреваемую.

«Подозреваемая» стонет под тяжелой тушкой и продолжает царапать пухлую спину. Блондинка и шатенка скользят грудями третьего размера по коже Тома и по-кошачьи слизывают мелкие капельки. Все заняты делом, лишь детектив еле держится на подгибающихся ногах и мужчина рядом с ней продолжает загадочно улыбаться.

– Не хочешь присоединиться к допросу? Или давай я тебя допрошу? – бархатным голосом говорит мужчина и отодвигает в сторону руку, держащую пистолет. – Или можешь ты меня допросить... С пристрастием...

Когда он подошел вплотную к ней? Это остается загадкой. Только что он был на расстоянии метра и вот уже нависает над ней. Глаза... Они заставляют Джулиан сдать все позиции. Они завораживают и обещают скорое счастье. Что-то с глухим стуком падает на ковер. Пистолет? Да, её руки свободны и они сами поднимаются к его плечам. Детектив пытается притянуть его к себе, чтобы впитаться в ярко-красные губы, но легче сдвинуть фонарный столб, чем подчинить этого мужчину.

Милош не торопится, наслаждается её беспомощностью и

покорностью. Легонько касается подбородка и поднимает симпатичное личико к себе. Медленно, ужасно медленно этот садист приближается к её губам. Другая рука ложится на талию и чуть притискивает к железному телу. В низ живота детектива упирается твердый предмет, напоминающий черенок от зимней лопаты.

– Не бойся, я буду ласков, – на миг отрывается от губ напомаженный тип.

– Ты... ты убил... моих родителей, – шепчет Джулиан, потому что сказать громко у неё не получается, голос куда-то пропал.

– Ах, вот откуда мне знаком твой запах. Твоя мать пахла полыньёю и цветущим каштаном. Да-а-а, помню, как она извивалась на мне, как просила ещё и ещё...

Мужчина говорит, а его руки расстегивают куртку Джулиан. Кожаная оболочка падает к ногам девушки. Рука мужчины, словно невзначай, касается правой груди детектива, и девушка подается чуть вперед, чтобы прикосновение стало более ощутимым, чтобы он смог оценить её размер, форму и упругость.

– Ты мразь, – срывается с губ Джулиан.

Губы Милоша кривятся в презрительной улыбке. Одну за другой он расстегивает пуговицы на бежевой блузке девушки. Шлепки, хлюпанье и стоны продолжают раздаваться со стороны жирного Тома и обольстительниц. И это возбуждает Джулиан ещё больше. Ей кажется, что штаны намokли до колена, колени дрожат, а соски так набухли и окаменели, что ими можно резать стекло.

– Я знаю, – шепчет мужчина. – Именно так и говорила твоя мать, когда полностью принимала меня.

Он резким движением срывает блузку с плеч девушки и на свет появляется сплошной черный лифчик. По всем канонам на девушке должно было надето кружевное сексуальное белье, обтягивающее и дразнящее, но как назло вчера у неё была большая стирка. Джулиан успевает ещё подумать о трусах-боксерах, которые намokли настолько, что натирают нежные складки. Как она их покажет обольстительному ублюдку?

Свечи моргают, и в их неровном свете показывается сначала одна, затем вторая грудь Джулиан. Девушка дрожит в его руках, но не от холода, наоборот – жар заполняет тело и, кажется, что ещё чуть-чуть и появится запах горелых волос.

– Какое чудесное зрелище. Так бы всю жизнь не отрывался от него, – мужчина наклоняется и целует ложбинку между двух полусфер. – Будто крышечки на небольших блюдцах, а ручки ещё и увеличиваются в размерах, чтобы удобнее было брать.

Он сжимает левый сосок и словно разряд тока сотрясает тело девушки. Волна мучительного блаженства, сопровождаемая мурашками, проносится от копчика до легкого пушка на шее. Легкий стон слетает с губ Джулиан. Мужчина улыбается и сжимает второй сосок, мягко, но твердо. Словно накинуд клеммы для «прикуривания» аккумулятора. Джулиан чувствует вторую волну. Она гораздо мощнее первой. Ещё чуть-чуть и она зайдется в пароксизме оргазма. В эту самую секунду она жалеет, что у неё нет третьего соска, а у него третьей руки.

Однако, Милош лишь чуть больше растягивает губы в улыбке, чуть приседает и прижимается к горячему телу детектива. У девушки возникает ощущение, что она уселась на перила – настолько твердым и большим кажется тот черенок, который протискивается между её ослабленных бедер. И да – он нажимает на тот самый сосок, которого так не хватало девушке.

– А-а-а, – срывается с её губ звук из порнофильма.

Она выгибается назад, словно пытается встать на мостик, но железные пальцы держат крепко, и девушка возвращается обратно. Конвульсии... Судороги, словно она находится в центре эпилептического припадка, бьют её полуобнаженное тело. Она впивается когтями в рубашку своего сладостного мучителя и, сотрясается в затухающих подергиваниях, и в этот момент ей хочется только одного – сигаретку с ментолом и сто граммов виски.

У мужчины же на этот счет другие планы. Он терпеливо ждет, пока Джулиан перестанет содрогаться и её дыхание чуть выровняется. Потом чуть подцепляет пальцами кожаный ремень на джинсах детектива и легко, словно ниточку, разрывает его. Ковер тушит звон бляхи, а также кнопки-пуговицы, которая падает следом. Одним ловким движением, словно снимает кожуру с банана, Милош опускает её джинсы вместе с намокшими трусами-боксерами. Джулиан инстинктивно прикрывает пах. Если бы знала, что сегодня будет секс...

– Обожаю кудреватый мох на тайных местечках, – улыбается снизу вверх напомаженный мерзавец. – А уж как пахнет, когда подступает

возбуждение.

Шлепки, стоны, аханье и урчание продолжают доноситься с кровати. Том работает так, словно он никогда не собирается испытывать оргазм. Теперь под ним колышется рыженькая женщина. Когда только успели поменяться? Меж тем его спина начинает напоминать спину йога, который не очень удачно повернулся во сне на кровати из гвоздей.

Милош поднимается с корточек и тянет Джулиан за собой:

– Пойдем, на кресле нам будет удобнее. Твоей маме очень нравилось там. А папа тоже, как и твой напарник, был в восторге от моих жен. А они были в восторге от него.

Джулиан переступает через джинсы и идет за ним, всё также целомудренно прикрывая паховую область ладонью. Кресло-качалка сделано в том же стиле, что и остальная мебель. Вензеля на подлокотниках, расшитая золотом спинка, ткань сиденья словно взята из камзола какого-нибудь из Людовиков.

Хозяин дома подхватывает с пола раскиданные плюшевые подушечки и кладет их стопкой на сиденье. Затем мягко усаживает Джулиан на получившееся возвышение, а её ноги разводит в стороны и кладет их на подлокотники. Детектив почему-то вспоминает гинекологическое кресло – там так же бесстыдно раскрывается самое сокровенное.

Мужчина не отводит от неё проницательных глаз. Он начинает медленно расстегивать рубашку. Мускулистое тело напоминает старинную булыжную мостовую – кругом одни красиво очерченные мышцы и ни капли жира. Не то, что рыхлое тело Тома, которое продолжает подпрыгивать на шатенке. Милош берет за ремень брюк:

– Теперь мне пора познать тебя, малышка. А ты испытаешь то, чего не испытывала ни с одним мужчиной. Жаль, что это будут твои последние оргазмы. Но ты не беспокойся об этом – ты уйдешь на пике счастья.

История восьмая, в которой открывается истина и звучит знакомый "Курлык"

Под мерцающие проблески свечей наружу выскальзывает... О, дьявол! Если бы Джулиан увидела такой огурец на рынке, то сразу бы прошла мимо – явно без китайской подкормки здесь не обошлось. Когда детектив ещё патрулировала улицы, то у неё была черная резиновая дубинка, но сейчас оружие усмирения наглецов кажется в три раза

меньше по объему и на пять дюймов короче вампирского органа. Милош улыбается. Он наслаждается произведенным эффектом.

– Теперь же настала пора пронзить тебя и доставить неземное блаженство. Не бойся, всё будет хорошо. Тебе понравится.

Милош чуть наступает на напольную дугу и кресло качается в его сторону. Джулиан вздрагивает, когда своим естеством касается напряженной плоти. Милош отступает и кресло уходит назад. Нажатие чуть сильнее и Джулиан не может сдержать стона от сладостного погружения в неё твердого предмета. Она не сводит глаз с огромного монстра, которого напояженный мерзавец держит в руке. Кажется, будто розовый любопытный удавчик засовывает головку в пустую норку мышки-полевки и выползает обратно, когда Милош отпускает дугу.

– О-о-о, да. Ещё глубже, ублюдок, – стонет Джулиан, когда видит, как «удавчик» снова намеревается нырнуть в неё.

Мужчина не торопится. Он размеренно качает кресло, и Джулиан то нашпиговывается твердым мясом, то вновь пустеет. Она уже готова спрыгнуть с этого долбанного кресла, повалить мерзавца на пол и скакать, скакать, скакать на нем, как ковбой на родео. Джулиан легко бы установила рекорд по удержанию на бешеном животном.

– Ты такая же нетерпеливая, как и твоя мать. Она была ещё той шлюшкой. Ты тоже шлюшка, Джули? – мерзавец явно издевается, когда на миг останавливается.

Детектив ощущает себя люля-кебабом, насаженным на деревянную палочку. Но ей хочется ещё и ещё. Она готова сказать всё, что угодно, лишь бы это покачивание продолжалось. Готова предать память матери, готова простить этого соблазнительного уroda за смерть отца... Она готова принять его всего... А ведь в ней всего лишь половина...

– Да, я... я такая же шлюшка... – шепчет Джулиан и получает награду – проникновение чуть глубже.

– А скажи ещё...

И Джулиан говорит. Она говорит и с каждым словом наполняется всё больше и больше. Ещё чуть-чуть и её кудрявые волосы сплетутся с его шерстью. Милош наслаждается женской беспомощностью. Он ласкает твердые полушария, сжимает соски и с удовлетворением наблюдает, как волны блаженства сотрясают женское тело. Сколько раз она испытала оргазм? Пять? Десять? Её тело одна сплошная точка Джи

и любое прикосновение приносит мучительную сладость. Её оргазмы, как доза для пострадавшего наркомана. Она хочет ещё и ещё...

– Ещё немного и ты взлетишь с кресла. Я вижу, как бьется жилка на твоей шее. Позволь, я чуть прокушу твою шейку и слизну каплю крови? – мурлыкает Милош, продолжая покачивать кресло.

– Не-е-ет, – какая-то отдаленная часть сознания пытается сопротивляться.

– Нет? Ты не хочешь ещё раз испытать вот это? – Милош с силой нажимает на дугу и тело Джулиан подается навстречу.

О, черт! Он полностью в ней. Влажными складками она прижимается к его мокрым волосам. Обхватывает мускулистое тело руками и ногами. В этот момент она очень напоминает ленивца на стволе эвкалипта. Плевать. Главное, что его сучок полностью в зверьке. Милош пытается снять её, но не тут-то было. Переплетение рук и ног настолько сильное, что без домкрата не обойтись.

– Инспектор, сдаётся мне, что в этот момент он массирует ей гланды, – раздаётся спокойный голос от дверей.

Кто? Кто посмел помешать в этот сладостный миг? Джулиан не узнает голос мужчины, который в полицейском отделении постоянно сшибал мелочь на кофе. Лишь спустя два стука сердца она поворачивает голову и обнаруживает пятерых полицейских с упавшими на ковер челюстями.

Ну да, картинка та ещё. А Том-то, Том... Он так и продолжает прыгать на шатенке, хотя остальные две дамочки успели соскользнуть с него и теперь чуть слышно шипят, стоя у витражного окна по другую сторону кровати.

– Детектив Джулиан, будьте любезны слезть с подозреваемого и принять более приличествующий вид, – хрипит инспектор Джувс, наблюдая, как девушка содрогается на Милоше.

– Как же вы не вовремя, джентльмены, – досадуя говорит хозяин особняка и выпутывается из объятий девушки. Он выходит из неё со звуком выдергиваемой пробки из бутылки шампанского.

Обнаженный, мускулистый, похожий на Давида работы Микеланджело, только не с тем пупырышком, который покоится на яичках, а с огромной... Ну, вы помните рассказ о полицейской дубинке. И этот ствол был сейчас наставлен на полицейских, словно Милош собирался их расстрелять из природного оружия.

8.2

– Мы всегда вовремя. Если бы мы не появились, то ты выпил бы нашего ценного сотрудника, как и её мать. Джулиан, ну не трясись своей небритостью. Оденься же, – инспектор толкает ногой джинсы детектива. – Ого, да ты носишь «боксеры»?

– У меня вчера была большая стирка, – бурчит Джулиан, пока пытается попасть ногой в одно из отделений джинсов.

Её коллеги даже не смотрят на неё – гораздо интереснее созерцать прелести обнаженных красоток, которые перестали шипеть и теперь принимают различные соблазнительные позы. Демонстрация проходит успешно, раз полицейские начинают шумно дышать.

– Джентльмены, вы позволите мне одеться? – спокойно спрашивает Милош, когда всё внимание приковывается к его женам.

– Да-да, можете одеваться, – рассеянно говорит инспектор Джувс, который тоже с вожделием рассматривает красоток из порнофильмов.

Улыбающийся Милош надевает штаны. Ему приходится заправить в брючину свой не желающий опадать предмет удовлетворения Джулиан. Та облизывается. Том не обращает ни на что внимания и продолжает пыхтеть над шатенкой. Джулиан становится обидно – почему её согнали с мужчины, а напарника нет?

– Инспектор, вы что-то говорили о подозреваемом... – напоминает она о цели визита полицейских.

Инспектор Джувс, чье красное лицо напоминает помидор, а ширинка начинает топорщиться вовсе не от пистолета, вздрагивает и переводит на неё взгляд.

– Ты прекрасно справилась, девочка. Хорошо ещё, что мы установили на тебя микрофон.

– Вы... да я... Да вы что? Я была приманкой? Вы занимались ловлей на живца? – Джулиан чувствует, как задыхается.

– Да-да, конечно. И тебя неплохо наживили, как я посмотрю. Не стоит благодарности, это наша работа. Милош, вам предъявлено обвинение в многочисленных нападениях на людей. Зафиксировано пятнадцать случаев смерти, семнадцать раз удалось спасти жизни людей и имели место четыре случая схождения с ума. Во всем чувствуется ваша рука, господин Милош Попеску. Вы имеете право на адвоката...

– Мне плевать на то, на что я имею право. Вас слишком мало, чтобы поймать меня, – скалится на помаженный мерзавец.

– Зато нас достаточно, – раздаётся из-за спин полицейских и под мерцающий свет выходят трое человек в кожаных плащах.

– Охотники на вампиров, – ощеривается Милош. – Вам так просто не взять меня.

– Не смотрите на них, отвернитесь и постарайтесь занять себя разговорами, – командует один из вошедших в сторону полицейских.

Нагие красавицы шипят на новых людей. Шатенка выскальзывает из-под дергающегося Тома и присоединяется к сестрам. Жирный напарник недоуменно оглядывается по сторонам и кривится, когда чувствует боль на располосованной спине:

– Что здесь происходит и где мои вещи?

Женщины шипят громче разъяренных кошек. Из-под алых губ вырываются острые клыки. Рыжевласка легко взбегаёт по стене и скалится на группу людей. Женские лица меняют форму и принимают форму маски летучей мыши. Полные груди худеют и теперь болтаются сморщенными мешочками. Под руками вырастают перепончатые крылья. Вместо трех очаровательниц на людей шипят три кошмарные демоницы. Милош продолжает оставаться в человеческом обличье.

– Разговаривайте же! Или они вас окончательно зачаруют! – рявкает охотник на вампиров, который похож на Джерарда Батлера.

— Две недели лупил кота за лужу в туалете, а оказалось бачок протекает... – неуверенно произносит один полицейский другому.

— Правильно лупил, какого хрена он его не починил за две недели-то? – так же неуверенно отвечает ему второй.

Оцепенение спадает с присутствующих, и они начинают громко обмениваться мнениями. Лишь один Том испуганно смотрит на происходящее и пытается укрыть тело простыней. На белой ткани тут же появляются красные пятна.

– Ну что же, потанцуем, – ухмыляется Милош, взмахивает руками и превращается в огромное подобие летучей мыши с руками и ногами человека. И этот ублюдок засовывал в неё свой... Джулиан чувствует, что сейчас потеряет сознание.

Дальнейшее действие напоминает круговорот урагана. Охотники на вампиров прыгнули к своим врагам, а те бросились врассыпную... Стоны, крики, удары, хруст сломанной мебели заполнил комнату. Полицейские жались к стенам, выставляли пистолеты и, судя по губам, молились пресвятой Богородице.

Четыре тела на полу ещё шевелились, когда охотники на вампиров вытащили из-за наплечных рюкзаков остро заточенные колья. Несколькими ударами каждый из кровососов пригвожден к полу. Они ещё живые, если можно называть упырей живыми. Неожиданно блондинка вскидывается и пытается соскочить с кола. Однако, сильный удар не дает этого сделать.

– Димка! Димка, тебе надо было меня первую раскладывать, а не с этими курицами кувыркаться! – кричит блондинка.

Жирный Том пытается броситься к ней, но руки полицейских удерживают его от этого шага.

– Да отстаньте вы, дайте ей вдуть! Блин, нет времени объяснять. Дапусти ты мой конец, полудурок! – кричит Том-Димка, но двое охотников преграждают ему путь.

– Он очарован ею, не давайте ему подойти! – командует охотник, похожий на Джерарда Батлера

Тома-Димку валят на пол и не дают вырваться. Блондинка протягивает к нему руки, но не в силах соскочить с пронзившего кола.

Джулиан не отрывает взгляда от лежащего Милоша. Он снова принимает форму мускулистого мужчины. Его пальцы складываются в фигуру из трех пальцев и перед ослепительной вспышкой, в которой пропадает Том-Димка, блондинка-Анютка и Милош, в комнате раздается громкое:

– Курлык!

История девятая, в которой сказка становится былью

– Вот тут можно остановиться! – щупальцем показываю на зелено-голубую планету.

– И зачем же? – скрипит голос робопauка.

Ох, как же надоел за время полета... Постоянно ноет, упрекает, ехидничает. Так бы и выключил, но боюсь одиночества в огромном пространстве космоса. Да и гербарий для домашнего задания хорошо собирает – почти все нужные планеты облетели. Нет, пусть пока побудет рядом.

– Передохнем, сменим обстановку, запасемся водой и местными растениями. И вообще, зачем я оправдываюсь перед роботом-служгой? Сказал – здесь остановимся, значит, остановимся здесь! Чтобы не пугать аборигенов, выбери точку приземления подальше от жилищ, где-нибудь посреди леса! – добавляю в голос металлических ноток, для

убедительности моргаю чёрной волной.

Это только с виду я размазня размазней, но более жесткого критирианца не найти... По крайней мере в этой метагалактике. И, хотя снаружи я похож на местный изгиб природы, под названием медуза – внутри меня располагается органично выстроенная система жизнедеятельности, которая позволяет функционировать почти в любой среде обитания.

– Ладно, но это негативно отразится на оценках! Если не успеем доставить растения, нас же трасплюктурируют! – голос продолжает занудствовать, и я снова задумываюсь о сбросе болтающего балласта.

С каждой секундой зелено-голубая сфера увеличивается в размерах, стремится поглотить, растворить в себе. Челнок трясет при входе в атмосферу со страшной силой, кажется, что это не мы приближаемся к планете, а наоборот – она падает на нас. Обшивка раскаляется, корабль болтает из стороны в сторону, по экранному монитору бегают всполохи огня. Еще рывок и мы выходим из верхних слоев.

– И не нужна нам эта планета, только топливо напрасно расходует! – скрипит голос робота.

Я не обращаю на него внимания, жадным взором впитываю новые картины: голубоватую дымку на горизонте, желтизну летних полей, зелень дремучих лесов, синие артерии рек. Планета похожа на спящего зверя, по которому шастают мелкие паразиты-аборигены. Их поселения мы тщательно облетаем стороной. Среди нагромождений крыш, золотыми куполами сверкают высокие дома, на чьих макушках, как антенны, возвышаются кресты.

Челнок аккуратно приземляется посреди густого зеленого массива. Автоматически проходит наружная маскировка под аборигенскую избу – вдруг нас увидят! Начинается традиционная работа космического путешественника в новом пространстве: проба грунта, измерение насыщенности воздуха кислородом, содержание азота и других химических элементов. Приборы мигают и перекликаются между собой.

Я достаю тюбик с куруанскими гаунастрами – на вкус, как биркоминские козябутры, зато питательно.

– Избушка, избушка! Повернись ко мне передом, а к лесу задом! – раскатывается снаружи молодецкий рев.

Мы с роботом удивленно переглядываемся. Десятиногий паук

страдальчески закатывает окуляры: мол, я знал, что так и будет.

В иллюминаторе красуется кудрявый абориген в чешуйчатой переливающейся шкуре, в руках блестит длинная полоса металла. У меня из щупалец выскакивает тубик и закатывается под кресло. По телу струятся зеленые волны огорчения. А челнок поворачивается к аборигену люком. Может, так принято на непонятной планете, что все дома вращаются для удобства посетителя?

– Что будем делать? – шепчу я.

– Как что? Конечно же храбро убежать! – зажим робота тянется к рычагам.

– Да я про гаунастры, они же выветрятся! – я смотрю на открытый тубик.

– Нас тут вертят, как хотят, а ты все о еде!

– Может, он уйдет сейчас? Давай не будем открывать! Сделаем вид, что никого нет дома! – я задумчиво чешу хоботок.

Раздается мощный удар во входной люк. Корабль мелко вибрирует, как при входе в атмосферные слои.

– Кто-кто в теремочке живет? Кто-кто в невысоком прячется? Кому-кому избушку по бревнышку раскатать? – прокатывается звучный рык.

– Значит так, я принимаю вид домашнего животного, преобразую всё под стиль местного убранства, а тебя превращаю в самку противоположного вида. Аборигены их вроде не трогают, по каким-то странным этическим убеждениям. А ты избавься его как можно скорее! – я прыгаю на робота и поворачиваю регулятор модификатора искривлений.

Слабо померцав, он скрывает меня от посторонних глаз, превращает в одно из земных существ. Я становлюсь антрацитово-черный, мохнатый и с хвостом, аборигены назвали бы меня "котом".

– Эй! Я не хочу в самку! А вдруг он надумает начать любовную игру? – окуляры робота испуганно втягиваются.

– Не переживай, я из тебя такую красотку сделаю, что он помчится без оглядки! – я успокаивающе похлопываю его по корпусу.

Голограмматор изменяет каюту, преобразует под помещение, найденное в одном из дизайнерских файлов планеты. Вместо командного пульта – огромная печь, взамен удобных кресел – колченогие табуретки, по стенам развешаны пучки пахучих травы,

посередине косопузится здоровенный котел. До чего же убого живут на этой планете!

Робот преобразается из колченогого паука в сгорбленную аборигенку. Лохмотья, седые космы, горбатый нос, торчащий клык – выбрано все, что может отпугнуть эстетический взор молодого самца.

– Иду, иду! – скрипит аборигенка. Хотя обличье и меняется, а вот голос остается прежним, противным и скрежещущим.

– Что ж ты, старая, гостей не привечаешь? Али на полатях кости греешь? Ух, ну и страшна же ты, аки кошмар ночной! – приветствует самец с полосой металла в руках.

Каюта, не рассчитанная на высокий рост, тут же прогибается выпуклостью в потолке – ну вот, еще и вмятину после визитера выпрямлять. Одни убытки с этими аборигенами. Кучерявый гость, огромный как кугатырский пересерок, оглядывается по сторонам.

– Ага, страшна! Это ты еще «Мисс Вселенная пятого квазара» не видел, вот бы где страху натерпелся, – ворчит робот, потряхивая седыми прядями. – Говори, чего пришел или проваливай подобру-поздорову!

– Что за слова непонятные говоришь? Никак заколдовать задумала, бабка? – рука приподнимает острую железяку, робот испуганно мотает головой, и визитер смягчается. – Как хоть величать-то тебя? Меня все Иваном кличут!

– Бабка? – робот осматривает себя, фотографирует на вытянутый из рваной кацавейки планшет и смотрит на изображение. – Точно! Бабка! Ага! Я это зафиксирую для отчета, – говорит уже в мою сторону.

– Бабка-Ага, а что это у тебя за блюдце такое? В нем вроде как ты отражаешься, хотя и стоишь не супротив, – Иван заглядывает через плечо робота на планшет.

Я чувствую, как от молодца идут запахи клубня растения под названием "лук". На глаза наворачивается влага, смахиваю её кисточкой хвоста.

– А это, милок, блюдце волшебное, четырёхугольное! Видишь, по нему яблочко катается, и показывает, где и что творится! Можно даже в «Тетрис» сыграть на привале, – робот показывает морщинистым пальцем, как правильно двигать и обрушивать ломаные фигуры.

Исподтишка двигаю лапой по седому затылку, чтобы напомнить о выставлении визитера.

– Ай! Совсем забыл...а! – клюёт носом старая карга. – Дык ты чего

припёрся-то?

– Увидал, как по небу громада летит, да дым за нею тянется. Сюда-то она и шарахнулась. Вот и пришел любопытствовать – кто это о землю шмякнулся, авось в беде моей поможет? Вдруг это Змей Горыныч пролетел – говорят, что если он сытый, то и на выручку придет? А тут твоя избушка на странных ножках, что больше на куриные смахивают! – вздыхает богатырь.

– Точно! Змей это был! Горыныч! Залетел, поболтали, дала ему травку от изжоги, а то не все принцессы одинаково полезны. И пошел он пешком прогуляться. Говорит: нужно для здоровья, – вдохновенно врёт робот. – А что за беда у тебя? Куда дорогу держишь?

– Дорогу хотел узнать до Кощея Бессмертного, Василисушка у него томится. Иду освободить! – рассказывает Иван, под его задом трещит табуретка, похоже, что робот останется без кресла.

– Ась? До Кощея? Ну, это мы сейчас найдем! – крючковатые пальцы бегают по планшету, выискивая информацию. – В общем, иди по тринадцатому меридиану, через неделю уклонись на четыре градуса. Ещё два дня до седьмой горы, а там увидишь дуб.

– Куда? Чего? До какой горы? – переспрашивает Иван. – И зачем мне дуб?

– Ай, ладно, вот видишь на коробочке круглую точку и синюю линию? Вот иди так, чтобы этот колобок не сходил с пути. Тогда и дойдешь до дуба! – улыбается робот одним зубом, и протягивает навигатор.

– А это что за бутылочка? – Иван слегка наступает на тубик с моими гаунастрами, но не давит, а поднимает для разглядывания. – И да! Дуб-то мне зачем?!

– Тут живая вода, как проголодаешься, так сделай глоток, она и насытит бодрящей влагой! – находится вошедший в роль робот. – До дуба дорога длинная.

– Да зачем мне дуб-то этот?! – кричит раздраженный богатырь.

– Чего орешь, окаянный? Так бы сразу и спросил! – робот чешет локаторы под платком. – С кондачка Кощея не одолеть. Нужно с высокого дуба снять сундук, а в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце игла. Поломаешь иглу – помрёт Кощей. Помрёт Кощей – спасется твоя Василиса. Прочувствовал масштаб трагедии?

Иван благодарит старушку, долго кланяется, пока не скрывается в

густой чаще. Мы ждём ещё пять минут, пока треск полностью не затихает.

9.2

Я отключаю модификатор искривлений и пристально смотрю на работа во все сорок два глаза. Тот сначала делает вид, что ничего не замечает и всего лишь набирает воду в резервуары. Даже пытается незатейливо посвистеть. Потом пару раз ёжится, и, наконец, не выдерживает.

– Ну, что ты так смотришь? За навигатор вычтешь из зарплаты! Но не мог я не помочь человеку, попавшему в беду! Вот если бы ты попал в такую неприятность, то я бы тоже не пожалел навигатора! – взвизгивает робот, но, видя что его речи не приносят эффекта, идёт на компромисс. – Ладно, ты забываешь про этот случай, а я не отражаю его в отчете.

– Вот теперь тебя люблю я! Вот теперь тебя хвалю я! – я похлопываю работа по металлической поверхности. – Молодец, не зря в тебя так долго эмоции закладывал!

– Эх, другим роботам больше повезло с хозяевами! Выполняют работу, и никто им материнскую плату не крутит! – говорит паучок и тут же ловит мои щупальца, отражая удары, – Да пошутил я, пошутил!

– Хорошо, шутник, а что за дуб такой? И как ты запишаешь утку в зайца, извращенец металлический? – мой хоботок укоризненно качается.

– Да никак! Когда он твои гаунастры выпьет, то в такое галлюциногенное путешествие отправится, что не только утку в зайце увидит, но еще и звери с ним разговаривать будут. Может и рыбы пару слов скажут! Не умрет, но цветных снов насмотрится! – робот довольно поблескивает окулярами.

– А как это ему поможет в борьбе с Кощеем?

– Тоже никак! Это мы ему поможем. Уж больно душевный парень попался, – скрипит робот и суетливо орудует захватами по командному пульту.

– Сами наkostenяем местному злодею? Гербарий не засохнет? – я одобрительно хлопаю по корпусу.

– Хотя бы посмотрим, почему он Бессмертный. Для науки это тоже будет полезным опытом! – от нажатого запускакорабль легонько вздрагивает.

Люк автоматически задраивается, втягиваются ноги-распорки.

Несколько секунд и мы стартуем по координатам робота. Для маскировки корабль принимает вид трехголового змея с маленькими крылышками – в честь фантазии нашего гостя.

Внизу остаются поющие птицы и забавные звери. Я в иллюминатор вижу идущего Ивана. Тот приветливо машет «пролетающему дракону».

В таком виде мы планируем над тучными полями, глухими лесами, глубокими реками. Дух захватывает от красоты и обилия красок. Робот открывает иллюминатор и высовывает окуляры навстречу несущемуся воздуху. Его соединительный кабель свешивается набок и бултыхается так, что вот-вот оторвётся.

Острыми зубами торицапотса из земли выскакивают горы.

– Вон он, тот самый замок. Что-то знакомое в нем, словно где-то видел! – комментирует робот проплывающую картину.

Высокие вычурные башенки, черные неприступные стены. Замок больше похож на свалку почерневших костей, чем на место для жилья. Окна напоминают бойницы, а не отверстия для поступления света и воздуха. На карнизах страшные горгульи скалят длинные зубы.

– Удручающее зрелище! – я невольно пускаю фиолетовую волну по телу.

– Мда, как раз для того, чтобы напугать местное население. Пришвартуемся? – робот показывает на светящееся окно в самой высокой башне.

– С громом и молниями? – я тоже не прочь похулиганить.

– Ага, напугаем и посмотрим – помрет или нет! – робот отрывисто скрипит.

Что-то есть в местном воздухе – я не узнаю своего подручного. Вместо вечно ноющего бюрократа он на глазах переходит в адекватного спутника. Я включаю на динамиках громовые эффекты, робот выпускает пучки лазеров. Одна срезанная горгуля шлепается вниз и рассыпается на антрацитовые куски.

– Ух ты, здорово! А дай я попробую! – я прицеливаюсь и сбиваю еще одну.

Горгуля не успевает долететь до земли, когда в нашей каюте раздаётся мрачный голос:

– И сколько еще моих видеокамер вы собираетесь уничтожить? Приземляйтесь!

Из верхней башни выезжает площадка.

Мы виновато переглядываемся, и наш корабль аккуратно садится. Мне кажется, что остальные горгульи украдкой крестятся.

Робот снова принимает вид старушки-веселушки, а я взгромождаюсь ему на плечи, под видом черного кота. Покряхтывая для соответствия роли, робот проходит в большую комнату.

– Рад приветствовать в своей скромной обители многоуважаемую сударыню! – угрюмый голос гремит под высокими сводами, толкается между пышущими факелами, огибает вычурные колонны и разбивается о мраморную плитку у наших ног.

Костлявый мужчина в черных доспехах, страшный своей худобой и изможденностью, приветливо улыбается тремя оставшимися зубами. Сидит на троне из человеческих костей, однако подложил под зад атласную подушечку. В боевых рукавицах сверкает волнистый меч, извивами он походит на длинный язык пламени. Глубоко запавшими глазами хозяин замка буравит старушку насквозь, заодно прожигает и меня.

9.3

– Триста сорок пятый ХА! Так вот ты куда делся! – верещит робот и кидается к сидящему.

– Четыреста тридцать восьмой ХИ! Как же я рад тебя видеть! – мужчина вскакивает со своего страшного трона.

– Только не обнимай! – мой робот уворачивается от распахнутых объятий, – На плечах космолетчик, еще раздавишь – с кем тогда ругаться буду?

Я легонько шлёпаю по буйной седой головушке и принимаю свой обычный вид. Кощей приветственно склоняет голову, я моргаю желтой волной в ответ.

– А где твой космолетчик? – спрашиваю я.

– На троне, где же еще! – бурчит атласная подушечка и выключает маскировочный функционал.

– Профессор Глюкометр! Вы? Здесь? – мои сорок два глаза чуть не вылезают из орбит.

– Здесь-здесь! Попал под метеоритный ливень, повредились детали корабля, вышел из строя престоратор, и пришлось совершить аварийную посадку. Сломался сигнальный передатчик, и я уже тысячу лет кукую на этой планете. Жду, пока аборигены эволюционируют до космических полетов! – профессор пускает зеленую волну огорчения.

– Я же вырос на ваших научных трудах! Вас же считают без вести пропавшим, даже памятник создали в нейронных сетях! А вы тут женщин похищаете. Кстати, зачем вы их воруете? – я аккуратно спускаюсь с плеч робота.

Роботы тут же принимают настоящий вид, мой оглядывает «Кощея», подпаивает какие-то детали.

– Для вызова эмоций – вон «Кощей» ворует женщин, потом огребают от богатырей. А я получаю заряды чувств, которые вырываются у людей при воссоединении, и перерабатываю их в гуанистры. Роботу что? Полежит пару деньков и восстановится, а я обеспечен пищей на год. Так и появилась легенда о Кошее Бессмертном. А я по мере сил и возможностей поддерживаю ее. Хорошо, что вас сюда занесло, а то надоело из года в год одно и то же. Возьмете попутчиков на борт? – профессор вопросительно смотрит на меня.

Я согласно пускаю красную волну. Роботы радостно переплетают захваты, а профессор мигает всеми цветами радуги. Всё же веселее лететь будет.

– Надо бы местному аборигену помочь, а то он к вам собирался! – я проецирую картинку, где на лужайке задорно храпит Иван.

– Чего это с ним? Посреди дня завалился спать? Вот она, любовь настоящая, – профессор мигает зеленым.

– Ого, уже гаунастров натрескался, вот же торопыга! – хмыкает мой робот. – Профессор, может положим возле него Василису, да и пусть домой идут?

– Тоже заложенная эмоциональность? – профессор кивает на робота, – Правильно, хоть и существует негласный запрет, но лучше летать с болтающим балбесом, чем с молчащим занудой. Однако мысль хорошая. Усыпим Василису, и пусть голубки проснутся в объятиях друг друга.

Ему достаточно подмигнуть половиной глаз, как робот-Кощей тут же мчится в неприметную дверь и спустя несколько минут возвращается со спящей женщиной. Захваты аккуратно несут крепкое тело в цветастом сарафане, белокурые волосы выбиваются из-под кокошника и слегка метут по полу.

– А ваш корабль? Или вы оставите его на поругание аборигенам? – я вспоминаю на что похожи башни.

– Включу программу самоуничтожения, и легенда доживет до

логического конца. Замок должен быть разрушен, Кощей должен умереть. Единственно, что возьму с собой кустик калины – уж больно хорошая ягода, и глаз радует, и душу успокаивает, – щупальца профессора подхватывают небольшой кустик.

– И нам она пригодится в гербарий! – я тоже мигаю радугой.

– Студиозус, после моего возвращения, вам автоматом проставят все оценки. Уж поверьте старому учителю, который имеет общие щупальца с остальным деканатом, – негромко, чтобы не услышали роботы, уведомляет профессор.

– Профессор, можно последний вопрос? А почему всё-таки Кощей? Или кислород спалил всю фантазию?

– Но-но, хотя вы мне и помогаете, однако забываться не смейте! – он тут же смягчается. – Местный мальчишка увидел моего робота в наряде грозного рыцаря, и закричал: "Он же из костей!" А так как у него не хватало передних зубов, и он страшно шепелявил, то и получилось: "Он же кощей!". Ну, Кощей и Кощей, мне было всё равно.

После нашего отлета черные стены замка взрываются изнутри. Горгульи испуганными воронами рассаживаются по деревьям и печально смотрят нам вслед.

Мы делаем ещё одну остановку на солнечной полянке. Белокурая головка Василисы ложится на плечо храброму Ивану. Тот причмокивает во сне губами и слегка всхрапывает.

– Наверное, сейчас вытаскивает утку из зайца, – поскрипывает робот. – А я навигатор забрал.

– Шутник! Все бы тебе хохмить! Поехали, Баба-Ага! – я последний раз вдыхаю свежий воздух и наглухо захолопываю люк.

Звездное небо распахивает свои объятия. Мы улетаем, а я продолжаю смотреть на лежащую пару. В одно из мгновений я понимаю – что-то идет не так. И тело у меня должно быть другое и находиться я должен в другом месте. Я смотрю на людей, которые должны соединиться, чтобы мы вернулись обратно в свое время и понимаю, что в этот раз мы не вернемся, так как они крепко спят.

– Ку-у-урлык, – пускаю по телу черную волну огорчения.

История десятая, в которой всё сразу идет не так как надо

Сегодня у Элмер даже утро начинается паршиво. Вместо приятного пробуждения от запаха кофе и сладкого аромата свежих булочек, на голову выливается целый водопад холодной воды.

– Бамбарбия! Кергуду! – кричит она любимое ругательство ректора Рубатина и выскальзывает из болота, в которое превратилась её кровать.

Ага! Подлые соседки потихоньку смылись и даже не удосужились разбудить её. Неужели они обиделись за то, что Элмер переспала с их парнями? Причем с двумя за один раз.

Эх, эти зануды не понимают, что в Боевой Академии Магии, или в БАМе, нужно наслаждаться каждым мгновением жизни. Кто знает, когда придется выступить по вызову короля и принять смерть за очередную глупую монаршую прихоть?

Эти стервы свои «будилки» (облачка с небольшим количеством воды) тоже разместили над Элмер. Ладно, зато сэкономим время на душ.

Элмер хлопает в ладоши и шипит:

– Сушина-камьшина.

Вода испаряется с розовой пижамы, лишь волосы встают дыбом после экстрасушки. Девушка видит в зеркале белобрысый одуванчик с задорно поднятым носом. Она чуть приподнимает пышную грудь – если кто-то наверху решил, что у неё будет красивое тело, то этот кто-то явно решил посмотреть хорошую порнушку с её участием. И пока она не разочаровывает того, кто наверху.

Однако, надо торопиться! Ещё десять минут и начнется зачет по выживанию. Опаздывать нельзя, иначе пойдут прахом пять лет обучения. Хмурые коридоры общежития пусты так же, как желудок Элмер. Призрак общежития Голобуста Великолепный с воем кидается к одинокой фигуре, но девушка досадливо отмахивается и призрак улетает в правую стену коридора. Высовывается обиженная дымчатая рожица и показывает язык вслед улепетьвающей фигуре.

Вахтерша-паучиха Тронда ловко ловит брошенный ключ и вешает на крючок.

– На зачет?

– Да, бабушка Тронда, на него. Пожелайте мне удачи, – улыбается Элмер и бежит к входной двери.

– Удачи тебе, деточка, – улыбается в ответ восьминогая вахтерша, а когда адептка скрывается за дверью, добавляет. – Чтобы ты завалила всё на свете и уехала в свою деревню, коровам хвосты крутить, шлюха!

Расстояние до БАМа составляет пять километров, но студентки пятых курсов всегда выходят из общежития последними, а успевают

ровно за десять минут до начала занятий. Телепортация у Элмер сдана на «хорошо» ещё в прошлом семестре. И приземляется она всегда в одном и том же месте – на нижней ступеньке широкой лестницы, ведущей в академию.

Сосредоточение на месте выныривания, глубокий вдох, и мысленный приказ переместиться. Всё как всегда...

ТВОЮ ЖЕ МАТЬ!!!

Какому мерзавцу пришло в голову поставить на ступеньку ведро с грязной водой? Розовый сапожок Элмер скрывается в нем наполовину. Рядом раздаётся хихиканье. Элмер грозно озирается на посмевшегося выразить неуachtивость и видит черноволосого первокурсника. Оттенок кожи кричит, что мальчишка приехал из Индии, а красная точка на лбу светится, будто след от лазерного прицела. Вот эту точку Элмер и хочет поскрести, чтобы узнать – что под ней. А заодно и накажет дерзкого первокурсника.

Она выхватывает магический нож и уже хочет поймать индуса. Но не тут-то было – сапог накрепко застревает в каком-то вязком веществе и вытащить его нет никакой возможности. А ведро оказывается намертво приклеено к ступени. Мальчишка же мигом убегает вверх по лестнице. Вряд ли он такой дурак, чтобы ждать, пока пятикурсница освободится.

Ловушка!

Неужели зачет начался?

– Вляпалась, подружка. А ведь это эксклюзивные сапожки из шкуры бронтоежика. Черт, ну почему именно сейчас? – бормочет про себя Элмер, пока взрезает ножом мягкую кожу сапога.

Магическое лезвие не оставляет ни следа на хозяйке, недаром же в рукоять влита капля крови Элмер. Этот нож знает свою хозяйку и никогда не доставит ей неудобств. Зато никому другому он не дастся в руки – просто распадется на осколки и постарается поранить как можно больше других людей.

Вещество радостно хлюпает, когда Элмер выдергивает ногу из сапога. Оно нашло добычу и теперь порезанный сапожок медленно скрывается под слоем грязной воды. Скорее всего в глубину ведра положили медузотявка, магически измененную медузу, созданную перерабатывать разнообразный мусор. Попавшие в неё предметы обратно не возвращаются. Эта тварь сжирает всё, что не намазано

отвращающей мазью.

В розовом сапожке на одной ноге и зеленом носочке на другом, Элмер легкой тенью подлетает к дверям академии. Но сегодня очевидно, что не её день. В последнюю секунду двери академии захлопываются, и она остается на улице. Лезть в узкую щель было подобно смерти – дверям наплевать кто между ними, они закрываются ровно в девять часов и открываются в три.

– Бамбарбия? Кергуду? – участливо спрашивает горгулья над створкой двери. Каменное изваяние знает Элмер и запомнило любимое ругательство ректора Рубатина.

– Именно. Но я так это дело не оставлю, – хмурится девушка.

Она выдыхает, сосредотачивается, представляет место, где хочет очутиться и...

Такого изощренного мата стены академии не слышали давненько, а уж они-то наслушались всякого. Элмер появляется на подоконнике своей аудитории, и вторая нога у неё оказывается... Угадайте – где? Если вы думаете, что в птичьей гуано, то вы не угадали.

А вот кто-то сказал про ведро с медузотявкой? Вот это умный читатель – сразу видно, что предугадывает перипетии судьбы пятикурсницы на раз-два.

Молодчинка!

10.2

Когда носокрылы, которые резвятся на площадке неподалеку, окончательно покраснели от словесных излияний Элмер, девушка выпрямляется. Уже без сапог, зато на лице нарисованная полная решимость выяснить – какому шутнику так сильно жмут зубы?

За кованой решеткой видны лица однокурсников. Скалятся. Ну ничего, надо выпрямиться, одернуть форму-мантию с серебряными галунами и постараться войти. Увы, стены академии зачарованы от телепортации, поэтому в них приходится заходить только ногами.

Решетка поддается не сразу, но тем не менее, магический нож отгибает твердый металл, и девушка спрыгивает на пол в аудиторию.

– Спасибо, милый, – улыбается она Фреду Митропу.

Молодой человек влюблен в неё с первого курса, но максимум, что ему досталось – подержаться за левую грудь, когда Элмер набралась волшебного пунша на праздновании Хэллоуина. Девушка почему-то предпочитает держать его на расстоянии, хотя он совсем недурно

сложен... как раз в её вкусе.

– Почему ты в одних носках, Элмер? – спрашивает Фред, когда они садятся на длинную скамью.

– Покормила медузотявок. Ведь они такие милые... Я не могла удержаться, – говорит Элмер, а сама осматривает аудиторию в поисках ехидных улыбок.

Ага! Вот и улыбки. Джинни и Миранда. Её соседки. И ведь как всё рассчитали, всё до последней секундоочки. Ну ничего, она им сегодня устроит. Недаром же сегодня будет зачет по выживанию, где половина класса просто обязана взять верх над другой половиной. И Элмер постарается быть в другой половине!

Аудитория напоминает зал рыцарской славы – по каменистым стенам развешаны портреты ректоров академии, ниже и выше их располагается оружие ректоров. Макеты, потому что оригиналы рассыпались вместе со смертью хозяев. На кафедре огромный стол, поверхность которого сегодня пуста. А за ним доска, накрытая черной тканью с эмблемой академии – скорпионом, нападающим на орла.

– Фред, ты будешь в моей группе? – спрашивает Элмер у соседа, который не отрывает от неё восхищенных глаз.

– Я не смею о таком и мечтать. Слушай, а можно тебя пригласить на выпускной после зачета? – молодой человек едва не пускает слюни, когда разговаривает с Элмер.

– Посмотрим! Если всё пройдет как надо, то... не исключено, – мило улыбается девушка, которая уже пообещала свою руку Джону Смиту с соседнего курса.

По сплетням девчонок, этот самый Джон может заниматься сексом всю ночь напролет, поэтому Элмер и оставила его на сладкое – на выпускной бал. А Фред... А Фреду будет лучше с другой девушкой. Он слишком домашний мальчик, тихий и спокойный. Элмер же нужен огненный мужчина, такой, который навсегда растопит её сердце и прикует к себе надежной цепью. Вроде ректора Рубатина, но помоложе.

А вот и он сам. Влетает воробыной походкой и тут же устремляется к черной ткани на доске. Останавливается возле неё и окидывает аудиторию мрачным взглядом. Воцаряется такая тишина, что становится слышно, как сопят носокрылы за окном.

– Изначально вас набрали пятьсот человек. Пятьсот молодых людей с горящими сердцами и жаждой жизни. По истечении пяти лет

вас осталось всего сорок. Сорок претендентов на звание боевого мага. Вы все знаете – кто такой боевой маг? – хрипло спрашивает ректор.

– Боевой маг – это главная сила армии! Это генерал для воинов, это советник короля, это защита и опора всего королевства! – хором отвечает аудитория заветные слова.

– Да, именно так. Но из сорока выпускников лишь двадцать будут удостоены алмазного знака Нвахра! Те, кто выживет, но не получат знака, лишатся памяти, как и остальные студенты, выбывшие из академии. Такова воля нашего короля, а мы все исполнители великой воли!

– Хрум! Хрум! Хру-у-у-ум! – кричат студенты, которые верят, что именно они будут выпускниками.

Ректор проходит мимо стола, вытаскивает свой волшебный топор и обухом постукивает по столешнице. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук. Мерные удары имитируют биение сердца и на тех местах, куда падает обух, возникает лицо одного из Великих Боевых магов.

– Ренунг Яростный, Торвальд Могучий, Инесса Неистовая, Джим Дерзкий, – перечисляет ректор возникающие лица. – Том Сойер, Евпатий Невозмутимый, Тробус Гневный, Милена Отчаянная... Всех этих славных Боевых магов выпустила именно наша академия. Я не буду перечислять всех их заслуг, они и так известны, но знайте, что сегодня у вас есть шанс встать среди них. Среди великих героев, которые покрыли себя оглушающей славой! Бамбарбия! Кергуду! Вы готовы к этому?

– Хрум! Хрум!! Хру-у-у-ум!!! – кажется, что стены сейчас рухнут от вопящих студентов.

– Тогда слушайте условия. Две группы зайдут в Великий лабиринт, наполненный ловушками и зебroyащерами. Мы будем смотреть на вас с тысяч камер. Не скрою, что преподаватели и другие учащиеся сделали ставки на тех, или иных студентов, поэтому интересно будет всем. Не подведите и покажите всё, на что вы способны. Когда последний из группы коснется заколдованного шара в центре Великого лабиринта, то именно в этот момент испытание прекратится. Вы готовы?

– Да!!! – вопль заставляет картины всколыхнуться.

– Хорошо, – голос ректора понижается до таинственного шепота, но его слышно даже на последних рядах. – Пришло время узнать – кто будет в группе Северного входа, а кто зайдет с Южного.

Ректор легким движением волшебного топора срывает ткань с доски и на черной плоскости зажигаются имена. Справа и слева. Энтони Флеминг, а напротив Джордж Коллинз. Два вдоха и молодые люди, которые на протяжении пяти лет были не разлей вода, отодвигаются друг от друга.

Джон Хьюстон и Джинни Скиннер. Рыжий парень бросает взгляд на соседку Элмер. Та хмурится в ответ.

Дальше больше. Появляются имена и люди смотрят на тех, с кем прожили пять лет бок о бок. Былые друзья разбегаются по разным сторонам. В аудитории становится холодно.

– Элмер, я молюсь, чтобы мы были в одной группе, – шепчет Фред, когда на доске сверкают двадцать имен.

– Я тоже, – улыбается девушка. Помощь Фреда будет не лишней.

Миранда Уилер и Роберт Харрисон. Вот и пришел конец сладкой парочке. Она успела простить ему измену с Элмер, но вот свое будущее вряд ли сможет уступить.

Имена загораются. Люди отодвигаются друг от друга. Теперь их ничего не связывает. Теперь они чужие люди.

Элмер Монтгомери и Фред Митроп...

Фред, влюбленный мальчишка, которому едва исполнилось двадцать два года, издает приглушенный стон. Он вовсе не желал такого, но судьба-проказница вынесла свой приговор. Вот только лицо Элмер остается таким же каменным. Неужели ей не жаль того, что они оказались по разные стороны баррикад?

– Ну, не повезло, – отвечает девушка и пожимает плечиком. – Значит, будем бороться друг против друга.

Её глаза уже высматривают Харрисона. Не сказать, что секс с ним был выше всяких похвал, но в соревновании он очень может пригодиться. Нужно будет отвесить ему пару комплиментов, ведь мужчины такие глупые и заносчивые – скажешь, что они боги секса и всё, можно крутить как хочешь.

Фред фыркает в сторону вероломной девушки. А ведь он любил её всё это время. Ведь он вспоминал тот момент, когда коснулся её груди, как самый светлый в жизни. А она...

– Да начнется зачет по выживанию! – гремит под сводами аудитории громкий голос ректора.

История одиннадцатая, в которой проход по магическому

лабиринту не так прост, каким его рисовало воображение

Каменный лабиринт изнутри напоминает кишки минотавра. Кто в них побывал, тот, несомненно, узнает эти извилистые закоулки и мрачные ниши. Две группы разделились ещё на главном входе. Профессор Флаффикус повел группу Элмер в другую сторону от группы, куда входили Миранда, Джинни и Фред. Напоследок все обменялись мрачными взглядами.

– Дети, будьте аккуратны и осторожны. Помните, чему я вас учил... То есть как я вас не учил? Вы не из моей группы? А-а-а, тогда мне по большому счету наплевать, что с вами будет. Заходите и постарайтесь не попасться в ловушки хотя бы в первые пять минут. Всем хорошего зачета, – последние слова профессора переходят в едва слышное бормотание, и вот он уже спешит к себе в ложу.

Великий лабиринт окружает огромная стена, сплошь состоящая из ячеек-сот. В шестиугольных кабинках-сотах видны любопытные рожицы студентов, улыбочивые рожи преподавателей и даже каких-то горожан пустили, чтобы посмотреть на зачет по выживанию.

В небо взмывает волшебный фейерверк, отличный от обычного тем, что при взрыве он разражается страшной бранью. Спустя миг кованые двери лабиринта распахиваются перед студентами.

Как живительная влага в кишки минотавра в Великий лабиринт струится поток из пятикурсников. Элмер старается оказаться рядом с Робертом. Нет, конечно же не для занятий сексом, но для того, чтобы он вспомнил о предыдущей ночи, снова её возжелал и стал верным защитником и союзником.

Харрисон почему-то тупит и не очень стремиться стать её рыцарем. Он даже пару раз отталкивает Элмер, когда та повисает на нем огромной пиявкой.

– Не мешай. Хочешь выжить? Так не трись об меня титьками, а гляди по сторонам. То, что мы переспали, ещё ни о чем не говорит, – бурчит Роберт, когда они сворачивают в один из многочисленных каменных коридоров.

– Грубиян, – игриво бьет его по плечу Элмер. – Твоё счастье, что я люблю грубость. А то размазала бы по каменным стенам.

Почему каменным? Ведь они напоминают кишки минотавра? Если покажете эти органы мифического зверя из дерева, то можете бросить в меня камень. Да-да-да, поднимите бульжник и фигакните в монитор – я

буду очень огорчена.

Нет, не хотите? Тогда следим дальше за развитием событий.

Первая жертва изоцрненной фантазии преподавателей запутывается во вьюнке крапивоидном. Томми Джинкс наступает на ничем не выделяющийся булыжник, и из стен тут же вылетают плети вьюнка. За один момент молодой человек начинает напоминать зеленую мумию, которую утаскивает в стену злой колдун. Только расширившиеся от боли глаза напоминают, что внутри кокона находится живой человек.

– Ничего себе, – выдыхает Элмер. – Не хотела бы я оказаться на его месте. Ведь это же надо – после вьюнка крапивоидного остаются красные волдыри и постоянное жжение. Уж я-то знаю – как-то не оказалось под рукой туалетной бумаги, и я в темноте сорвала пучок этого вьюнка...

– И что? – Роберт даже остановился.

– Ну... я только руку себе ошпарила. Больше ничего не успела потерять. Честно-честно, – Элмер чувствует, как кровь приливает к щекам.

Зря она расхвасталась своими познаниями в ботанике. Остальные студенты тихо посмеиваются над ней. Эх, вот у генералов такие грозные прозвища. Могучий, Дерзкий, Невозмутимый. А у неё что будет? Элмер Краснозадая?

Ладно, до конца испытания ещё дойти надо. Она делает вид, что ничего не случилось и идет след в след за Робертом. Огромная крокозявка подлетает с севера и в её копытах оказывается Том Рольфсон. В чем коварность крокозявок – они всегда подлетают неслышно и не успеваешь ничего сделать, как теряешь почву под ногами.

– Ох, вот ещё один, а мы только на десять метров от входа отошли, – вздыхает Милисса Браун.

Её тощий хвостик укоризненно покачивается над худенькой шеей. Бедная, даже не подозревает, что именно она окажется схваченной лапищами диносуслика.

По мере продвижения по коридорам лабиринта их группа мельчает. Нет, магическое оружие помогало, но на место одного противника тут же набегал десяток других и справиться было гораздо труднее. Бирюзовые карганоде, которые водились только в Великом лабиринте уже утащили вопящего Джона Хьюстона. Мощная каменная гряда,

выросшая между группой и пятью человеками, не дала рассмотреть – почему за ней послышались истошные крики.

– Что происходит, Роберт? Мы же должны были дойти до волшебного шара все вместе, а теперь нас осталось меньше половины. Вон и Билла только что проглотил гладырь пузереватый. Это что же, ректор нас обманул? – Элмер старается прижаться грудью к хмурому Роберту.

Как-то так получилось, что именно его негласно выбрали в лидеры – он уже три раза успел отразить вылетающие канаты вьюнка. Даже изюбр крылаточешуйчатый остается без добычи, когда Роберт умелым движением кортика срезает хищнику отросток рога. Тот самый отросток, которым изюбр свистит, парализуя жертву.

– Нет, мне кажется, что ректор просто утаил часть правды. Смотри – на нас нападают те, кто при всем желании не может принести вреда. Так, покусает, пожалит, оторвут ногу-руку и всё. Но наша группа уменьшается. Значит, до волшебного шара должен дойти только один. Самый уверенный, сильный и могучий. Поэтому, милая, пройди вперед три шага, а мы посмотрим – годишься ли ты на роль уверенной, сильной и могучей? – коварная улыбка Роберта подошла бы Сатане.

Элмер вспыхивает от такого предложения. Она не хочет быть приманкой. Но всегда среди людей находится глупец, который не понимает сарказма, а принимает чужую подначку как руководство к действию.

– Я буду тем, кто первым коснется шара! – выкрикивает толстяк Сэм Поткинс и расталкивает ребят, чтобы ринуться вперед.

– Безумству храбрых мы крутим пальцем у виска, – задумчиво говорит Роберт, глядя, как сиреневое щупальце цыпловолка утаскивает орущего Сэма. Тот не успел сделать и двух шагов, как оказался опоясан хлестким ремнем.

Элмер хмыкает – а ведь Роберт хотел её пустить впереди. Нет уж, она будет хитрее и останется по центру группы. Пусть спереди и сзади нападают звери, растения и ловушки – в центре не так уж сильно дует. Шаг за шагом они продвигаются по Великому лабиринту.

В ячейках стен видны маленькие человечки – они радуются, когда кто-нибудь из студентов оказывается в ловушке. Элмер вздыхает. Когда-то и она была на их месте. Тоже прыгала и радовалась, а теперь вынуждена приседать и чуть ли не ползком пробираться под хищной

зубастой пастью ромашковасилька.

Поворот, поворот, поворот. Кажется, что каменные тоннели никогда не закончатся. Вот в стене скрывается Энтони Чпокс, захваченный врасплох шаромышью, которая выскочила из-под земли и втянула в свой прозрачный живот пятикурсника. Элмер ещё видела, как он пытался выбраться наружу, но железное тело крепко держало свою добычу.

– Роберт, похоже, что мы с тобой остались одни, – говорит Элмер.

– Если ты считаешь меня за идиота, который не умеет считать, то ты ошибаешься, – огрызается молодой человек.

– Чего ты такой грубый? Что я плохого сделала? – недоумевает девушка.

– Капаешь на мозги. А сейчас нужно сосредоточиться как никогда. Если мы не дойдем, то выиграет другая группа. Поэтому заткнись и смотри под ноги. Кстати, почему ты без обуви?

– Её сожрали медузотявки. Кто-то подстроил ловушку.

– Понятно. Ладно, пошли вон в тот проход, – Роберт показывает на правое ответвление коридора.

Легкой походкой они добираются до прохода и...

О чудо!

На прямоугольном постаменте красуется волшебный шар. Серебристый и блестящий, словно зеркальный светоотражатель с дискотечного танцпола, он находится в центре круглой площадки. Элмер даже на миг показалось, что сейчас заиграет музыка и возле шара появятся одноклассники со стаканами волшебного пунша в руках.

11.2

К подножьям стен примыкают черные плиты, чистые, совершенно без каких-либо насечек. А дальше на земле лежат белые мраморные плиты со странными рунами и знаками. Элмер вспоминает про них – вроде бы они изучали руны на первом курсе. Но вот что именно они означают? Нет, как ни старалась, вспомнить не могла, кроме одной.

На стенах гнездятся различные выступы и ржавые крючки. Даже с расстояния они смотрятся угрожающе.

– Аккуратно! Идем по стенке и держимся рядом. Не отставай. Если увидишь что-нибудь подозрительное, то сразу же кричи, – говорит Роберт и делает первый шаг.

– Вообще-то мы с тобой с самого начала находимся в

подозрительном месте. Давай бросимся к шару, коснемся его и выиграем? Тут всего несколько метров, – почему-то шепчет Элмер, не отрывая взгляда от шара.

– Нет, самые последние метры должны быть самыми сложными. Иначе я плохо знаю этих пройдох, – Роберт кивает на высокие стены.

Наверху располагаются ложи преподавателей. Ректор, наверное, уже потирает руки, предвкушая отличное зрелище.

– Пойдем тогда по рунам счастья. Видишь, они клетками шахмат ведут прямо к шару, – вот эту-то руну Элмер и вспоминает. Другие остаются в тумане памяти.

– Это будет самое простое. Надо сначала всё обойти, а уже потом...

Что «потом» Элмер так и не успевает узнать. С другого входа раздаётся окрик. Он настолько громко звучит, что девушка вздрагивает и впивается коготками в руку Роберта.

Миранда и Фред вываливаются на площадку с другой стороны и застывают, оглядывая всё вокруг. Без сомнения, они видят Элмер и Роберта. Вот только радости на лицах почему-то нет. Сейчас решается – кто из них останется без памяти и будет прислуживать при академии, а кто обретет славу и чудесную жизнь, полную сражений и великих побед.

– Роберт, я могла предположить, что ты доберешься до шара, но, чтобы рядом с тобой оказалась эта шлюшка... – язвительность Миранды можно резать волшебным кинжалом.

– Я тоже рада тебя видеть, милая соседка с вонючими ногами. Неужели на твое тощее тело ни один зеброзавр не позарился. Скорее всего эти кошмары приняли тебя за свою, – не остается в долгу Элмер.

Пять лет под одной крышей и пару раз под одним парнем забыты – теперь они соперницы. Вот Фреда жалко. Молодой человек всё ещё смотрит влюбленными глазами на Элмер. Хотя он и пытается себя убедить в обратном, но... Увы, любовь сильнее ненависти.

Элмер собирается шагнуть вперед, на Дробату – руну счастья, но останавливается, когда слышит окрик Фреда.

– Стой, Элмер! Пусть мы по разные стороны баррикад, но я не могу позволить тебе пропасть. Все белые плиты заряжены черной магией. Если ты шагнешь вперед, то мигом исчезнешь. Тут должно быть что-то другое...

– То есть как? Если я наступлю на белое...

– Это будет последнее твое действие, – заканчивает за неё Фред.

– Миранда, милая! Я знал, что ты тоже дойдешь до конца. В тебе чувствуется дух бесстрашного воина и великого полководца. Жаль, что мы оказались по разные стороны шара, – говорит Роберт и делает маленький шагок вправо. На черную плиту. Ничего не происходит. Он делает ещё шагок и снова тишина.

– Да как ты можешь такое говорить... Жаль ему... А как же я? Ведь я же лучше этого супового набора! – Элмер оглаживает себя по груди. Соски под тканью начинают выделяться двумя круглыми орешками.

Девушка обладает способностью быстро возбуждаться.

С её движением серебряный шар начинает светить ярче. Он даже приподнимается на постаменте.

– Элмер, ты видишь? – Роберт застывает на месте.

– Вижу, что ты хуже близканутого худряка, тот хотя бы в лицо плюет, а не бьет в спину. Не лезь ко мне со своими лапами, – обиженная девушка ударяет по рукам Роберта, которые тянутся к её груди.

Шар тут же меркнет и принимает первоначальный цвет.

– Да подожди ты. Неужели не заметила?

– Заметила, что ты тот ещё засранец, – девушка раздраженно фыркает.

Роберт глубоко вздыхает. Вот же дернул черт связаться с этой тупоголовой. Объясняй ей теперь то, что другая пара и так уже поняла! Иначе ничем не объяснить того, что Миранда впивается крепким поцелуем в губы Фреда.

Серебряный шар светлеет и... чуть качается над квадратным постаментом в сторону Миранды и Фреда.

– Теперь видишь, глупая брабурица, что шар реагирует на сексуальную энергию? – ворчит Роберт и показывает на шар. – Похоже, что нам придется заняться сексом, чтобы шар подлетел к нам.

Элмер вспыхивает от радости. Неужели последнее испытание — это то, в чем она главный специалист академии? Куда там фригидной Миранде и девственному Фреду. Сейчас она устроит настоящее шоу.

– Да, называй меня так. Я люблю грубость, – жарко шепчет Элмер и прижимается грудью к плечу Роберта.

Молодой человек кладет руку на соблазнительную попу. Её не видно под тканью, но она там точно есть. Роберт же помнит. И Элмер помнит его горячую руку. Она мурлыкает и языком щекочет ухо

молодого человека.

– Смотри! – вскрикивает Роберт.

Шар с уверенностью катится в их сторону и замирает на самом краешке. Ещё чуть-чуть и он сорвется вниз. Фред с Мирандой тоже это видят. Соседка Элмер кладет руку на выпирающий пах Фреда и начинает поглаживать.

– Не... Не так сильно, – выдыхает Фред, когда шар стремительно катится к ним и зависает на краешке.

– Ты и в самом деле девственник? – спрашивает Миранда, когда он ловит и чуть притормаживает её руку.

– Ну... у меня уже был опыт... – мнетя молодой человек.

– Так ты вдул кому-нибудь или нет?

– Нет, – Фред опускает глаза.

– Вот же угораздило попасть с таким в одну группу. Ладно, я буду нежной, ты только доверься мне и откройся новым ощущениям.

Шар уже катится в обратную сторону, когда Роберт запускает руку под мантию Элмер. Под мантией, кроме зеленых носочков нет ничего. Девушка любит, когда шаловливый ветерок залетает под ткань и приятно холодит между ногами. Шар снова катится в их сторону, когда средний палец Роберта касается её интимной стрижки...

История двенадцатая, в которой счастье было так возможно... и так возможно... и вот так...

Стоит ли описывать словами то, что будет происходить дальше? Хм, глупый вопрос, ведь мы не сомневаемся, что вы ради этого и читаете. Будь тут социальная сеть, то мы бы поставили улыбающийся смайлик, но не будем, так как законы литературы не предусматривают подобные вольности. Хотя...

На чем мы остановились? Ах да!

Палец Роберта касается интимной стрижки Элмер и девушка чувствует, как по телу пробегает табун мурашек. Сначала они мчатся по плоскому животу, потом забираются на холмы грудей, подскакивают к подбородку и, как малыши с горки, летят обратно.

Легкий стон срывается с пухлых губ Элмер. Шар тоже срывается с постамента и... зависает в воздухе. Всего каких-то четыре метра до блестящей поверхности.

– Ещё, – шепчет девушка и палец молодого человека продвигается

дальше. Касается заветного пупырышка, его ещё в эротических романах ласково называют «бугорок». – Ещё немного и мы коснемся шара.

Но шар замирает. И причина вовсе не в том, что Элмер «остывает» или Роберт прекращает движение. Нет. Причина в том, что Миранда сбрасывает с себя мантию и ткань осенним листком падает к тощим ногам девушки.

Черное кружевное белье подчеркивает белизну гладкой кожи. Роберт на несколько мгновений застывает, глядя на другую сторону поля. И Фред, тот самый девственник, который бегал за Элмер и чуть ли не спускал в штаны от вида обнаженной женской груди, смело берется за резинку бюстгальтера, чтобы высвободить на волю небольшие яблочки. Миранда же продолжает гладить его сквозь ткань.

– Давай поднажмем! – говорит Роберт и стягивает мантию с Элмер, как обертку с сосиски. Девушка едва успевает поднять руки.

Она оказывается голышом под прицелом сотен глаз. Да плевать! Если это нужно для будущего, то можно потерпеть и облизывающие взгляды. Она даже поворачивается вокруг своей оси, чтобы зрителям было удобнее оценивать её формы. Тяжелая грудь словно не слышала ни о каком земном притяжении и задорно воздевает соски к голубому небу. Интимная стрижка копирует герб академии – скорпиона, нападающего на орла. Вот только изображенный мастером Рукоблудиусом орел несет в лапах тот самый пупырышек, который в эротических романах ласково называется «бугорком».

Фред тоже освобождает Миранду от двух лоскутков ткани. Однако, тощая соседка не может сравниться с Элмер по округлости форм и изгибу линий тела. Несмотря на это – шар возвращается обратно на постамент. Рука Фреда тоже ныряет между ног Миранды и девушка изгибается от прикосновений.

– Роберт, нам нужно больше. Раздевайся! – командует Элмер и с удовольствием наблюдает за сеансом небольшого стриптиза.

Роберт подтянут, мускулист, в меру жилист. Белоснежные «боксеры» оттеняют смуглую кожу. Вздутие на паху показывает, что он готов и к более изощренным показам.

Фред же оказывается в желтых панталонах до колен. Черный горошек на ткани смотрится так мило, но так невозбуждающе. Бледное тело, чуть выпирающий животик и впадинки на ребрах – настоящий «крепыш из Бухенвальда».

И почему шар не катится к Элмер и Роберту? Они же красивее, задорнее, эротичнее.

– О-о-о, да! Фре-е-ед, – стонет Миранда, шар летит к другой паре, и Элмер понимает, что в сексуальности ещё нужно и звуковое сопровождение.

– Милый, возьми меня-а-а! Возьми меня прямо сейча-а-ас, стоя на голове, как ты любишь, – из-за страстного вопля шар меняет свое намерение подлететь к Фреду и Миранде.

С мужчин слетают лоскутки ткани и вот уже две обнаженные пары обнимаются по краям круглой площадки. Зрители беснуются. Этот финал прохождения лабиринта оказывается самым зрелищным за все время существования академии.

Элмер видит краем глаза, как Миранда запрыгивает на Фреда и прижимается к нему худым телом. Орудие Фреда с размаху погружается в девушку почти до самого кожаного мешочка. Миранда взвизгивает, как взвизгивала тогда, когда в неё ночной порой входил Роберт. Уж Элмер-то наслышалась в свое время этих резких звуков.

Ну да, лежишь себе после занятий сексом с каким-нибудь студентом, думаешь о великом – пойти помыться, или ещё поваляться? – и тут вдруг раздается резкий взвизг и следом смачное хлюпанье. Поневоле приходилось вставать и идти в душ. Хорошо хоть это длилось не так уж долго...

– Роберт, постарайся на этот раз сдерживать себя, а то они выиграют, – шипит Элмер, когда Роберт складывает ноги в позу лотоса и встает на руки.

– Я буду думать о старухах и щенках с разбитыми головами, – отвечает молодой человек.

Элмер только вздыхает и старается пристроиться к нему. Не очень удобно стоять у стены на руках, в то время, как напряженная плоть Роберта старается проникнуть в неё. Но это его любимая поза.

Чертов йог!

Шар тем временем почти долетает до Миранды и Фреда. Они без затей занимаются сексом на глазах у сотен людей. Только хлюпанье раздается на круглой площадке. До шара каких-то два метра – кинь сейчас Фред Миранду, и она полетит к шару. Но может и не долететь – не настолько сильным выглядит молодой человек.

Роберту всё-таки удастся проникнуть в Элмер и та издает

протяжный стон, какой сопутствует оргазму. Шар задумчиво повисает в воздухе и тут же прыгает обратно. Летит к Роберту с Элмер. Роберт протягивает руку, но не может удержаться и валится вместе с Элмер на плиты. Как только свой жезл не сломал?

Шар тут же летит обратно, где Миранда уже положила Фреда на спину и теперь прыгает на нем, как ковбой на родео. Элмер и Роберт снова принимают прежнюю позицию.

Шар мечется туда-сюда, словно он тоже совершает фрикции в воздухе.

– Вот же черт! – выкрикивает Элмер, когда в очередной раз руки подламываются и она падает на черную плиту. – Роберт, трахни меня уже нормально, махараджа гребаный!

Шар почти долетает до Фреда, когда Роберт бросается на лежащую Элмер и погружается в неё полностью, отчего та выгибается и почти встает на гимнастический мостик. Стон её напоминает вопль баньши. Конечно же от такого выплеска чувств шар возвращается обратно. Роберт продолжает наполнять её своим твердым естеством.

Рука молодого мужчины ласкает грудь, пощипывает сосок. Элмер же впивается ногтями в его спину и заставляет изогнуться от сладкой боли в поясе. Из его груди слышится рычание, она же стонет как самая отвязная озвучка в порнофильме. Шар почти парит над ними – протяни руку и возьми!

Но Роберт входит в раж, он не может остановиться. Его твердое орудие раз за разом погружается в Элмер, а та вдруг начинает выскальзывать из-под него.

– Пусти меня, утырок обдолбанный. Я тебе сейчас ухо откушу! – почему-то вопит Элмер, которая превращается в разъяренную кошку.

Однако, это не единственный крик, который слышат разгоряченные зрители. Фред тоже пытается сбросить Миранду с себя, но не тут-то было – девушка не даром приехала с ранчо, где с малых лет обучалась езде на быках. Она крепко прижимает его бедрами и продолжает насаживать себя на его торчащий отросток.

– Да слезь ты с меня, собака драная! – вопит Фред. Его лицо повернуто к другой паре, где на его Ане прыгает какой-то лось.

– Нет, мы должны коснуться шара! – кричит Миранда и, чуть подумав, добавляет. – Йеху-у-у!

Преподаватели на самом верхнем ярусе не могут понять – что

приключилось с их ректором Рубатином, который вдруг заметался, закружился и начал махать руками. Его горловой рык заставляет дрожать стекла:

– Курлык-курлык!!!

– Не надо было старику смотреть на это зрелище! Перевозбудился и вот результат, – говорит профессор Румпельнос, когда видит, как ректор залезает на памятник с бюстом основателя академии и поднимает полы мантии. Как раз над головой основателя...

Снизу же разворачивается настоящая трагедия. Элмер пытается выскользнуть, но у неё ничего не выходит – Роберт настолько близок к финалу, что уже ничего не соображает, кроме одного – надо продолжать.

Миранда тоже не дает сбросить с себя Фреда и тому приходится ползти, отталкиваясь лопатками от холодного мрамора.

– Димка, да помоги же мне! – вскрикивает Элмер, когда в трех метрах от себя видит Фреда.

– Сейчас, милая, сейчас! – кряхтит Фред, подползая ближе.

Вспыхивает яркий свет, и они оба исчезают. Разгоряченные Миранда и Роберт бросаются друг на друга и соединяются в бурном оргазме. Их руки одновременно касаются шара и в финал впервые выходят все сорок... Нет, все тридцать восемь человек.

Такое событие и спросить решения не у кого. Ректор Рубатин тоже исчезает в яркой вспышке, оставив после себя дурно пахнущую кучу на голове бюста. Долго потом ходили слухи, что Рубатин сгорел на месте, сотворив такое святотатство и выкрикнув громкое, прощальное:

– Курлык!

История тринадцатая, несчастливая...

Мужчина, напоминающий престарелого рокера, сидит на скамейке в парке. Он мрачно смотрит на старинные часы, на которых песок достигает пятой отметины.

– Мда, пять раз уже, а ничего не получается. Похоже, что эта пара тоже останется блуждать в иных мирах, как предыдущие семнадцать. Зря я так погорячился. Да и они тоже хороши... Эх, молодежь...

Старик укоризненно покачивает головой и не замечает, как выпускает песочные часы из руки. Они падают на асфальт, и трещина прорезает стекло от верхушки и до основания. Мужчина тут же подхватывает их, но трещина остается красоваться на стекле.

– Ой-ей, что же я старый наделал?

История четырнадцатая, где я понимаю, что хитрое колдунство старика завернуло не в ту сторону

Я откладываю очередной роман. Ух, какие страсти! Сколько экспрессии, а сколько эмоций, прямо распирает грудь. Могла бы я также? Фиг его знает. Я глажу по обложке, на которой мускулистый мужчина целует прелестную девушку. На заднем фоне высятся стены старинного замка.

Эх, вот бы мне на место этой девушки... Я оглаживаю себя по телу. Ну и что, что лишние жировые отложения? Ну, люблю я запастись пироженками и под горячий чай отправиться в фэнтезийные приключения. Да, я не фитнес-няшка, зато из тех, на ком любят покачиваться, как на волнах. Ох, где ты мой фрегат, который рискнет пробороздить мои просторы... Где тебя носит, сволочь неблагодарная?

Так, стоп!

Стоп!!!

СТОП!!!

В моей голове словно вспыхивает молния и я едва не падаю с кровати!

Я вспоминаю!

Я всё вспоминаю! И старика, и моего Димку, и наши волшебные перемещения. И сейчас я понимаю, что нахожусь в теле одного из воплощений. И это воплощение тоже зовут Аня, и живет она с соседками, и вообще сама из себя натура романтично-аскетичная.

Блин!

Я вспомнила – КАК мы можем вернуться обратно...

Вспомнила и загрустила. Как я узнаю Димку за отпущенные двадцать пять дней?

– Анька! Мы на дэнс собираемся, ты идешь тусить? – соседка Ирка выглядывает из коридора.

– Нет, я лучше дома. У меня ещё книжка осталась непрочитанная, – я потягиваюсь так, что халатик начинает потрескивать, как бы упрашивая не тянуться дальше.

– Ну и просидишь одна, а мы пойдем самцов отлавливать. Читая книжки, не найдешь прынца. Их нужно ловить, поить, беременеть и в ЗАГС! – отчеканивает мантру вторая соседка по общежитию, Танька.

– Я лучше дома, – хмурюсь я в ответ.

Вот же надсада! Не понимает, что мне сейчас нужно остановиться и подумать над дальнейшими действиями.

– Если кто будет валяться на дороге, то мы тебе его притащим, – показывает язык Ирка и хлопает дверью.

Я остаюсь одна. Наливаю чай, кладу на тарелочку пяток эклеров и берусь за книгу, чтобы не приставали. Так-так-так, что за дурацкое название? «Обреченные попаданцы, или голубь, который слишком много знал». Бред полнейший. Но, раз отказалась идти потеть под попсу, то надо хотя бы сделать вид.

Накрываюсь одеялом, отхлебываю ароматный напиток и открываю страницу...

Словно разряд тока ударяет по соскам. Едва не слетаю с кровати. Вместо привычных листов бумаги я вижу форточку в другой мир. А там...

Из книги вылетает огромный меч.

Вот если не моя природная реакция, то отрезал бы кончик носа. А так он всего лишь вырвался на свободу, пролетел два метра и наполовину погрузился в потолок. Хорошо ещё, что мы живем на самом последнем этаже, а то воткнулся кому-нибудь в... Ногу?

Следом за мечом высовывается здоровенная пятерня и сжимает мою грудь...

Ой?

Вашу грудь никогда не тискала рука из книги? Нет? Вот и я сначала теряюсь, а после поднимаю визг и отбрасываю книгу прочь. Но не могу сказать, чтобы это прикосновение такое уж неприятное.

Книга отлетает вместе с мускулистой рукой, но в полете пятерня ухватывается за край стола и из книги... Вот как из телевизора в фильме «Звонок» из книги вылезает человек.

Мужчина.

Нет, не так – МУЖЧИНА!!!

Такого можно сразу утверждать на роли «Конана», «Герминатора» и «Геркулеса» одновременно. Арнольд с Ван Дамом тихо рыдают в уголке.

Мужчина сплошь состоит из мускулов, будто он родился в спортзале, кажется, что даже на ушах у него пузырятся бицепсы. Пресс из кубиков? Ага, и кубики такие очерченные, что о края порезаться можно. Мощные плечи укрывает шерстяной плащ, на бедрах серая

повязка... и она сползает...

– Йо-хо-хо! – грохочет мужчина и чешет внизу живота. Раздался скрежет, будто проводят ножом по мешковине.

– И бутылка рому? – вякаю я несмело.

А что я ещё могу сказать? Вот вы что бы сказали?

– Ага, и бутылка рому, – оглядывается он по сторонам и потом всаживает в меня взгляд стальных глаз. – До чего же скудно живешь. Кухарка, что ли?

– Я... я... – порой так трудно произнести обычные слова, что он ошибся и я вовсе не кухарка.

Как же всё быстро происходит-то... Может быть это воплощение моего Димки? Сейчас мы с ним по-быстренькому упадем в кровать, а после вернемся домой.

Или нет? Сколько уже у меня было партнеров? Пять, шесть? Лучше немного подождать и посмотреть за развитием событий.

– Я-я? Немка, что ли? Или зовут так? Меня можешь звать Хлопарь Необыкновенный, я король, – по-простецки представляется мужчина.

– Нет, я Аня, и я не кухарка. Я даже готовить не умею, и яичница у меня пригорает, – ну да, обманываю, готовлю я превосходно. Но сделайте скидку – я в шоке от происходящего.

– Ясно, а меня привел к тебе мой меч, Всехубьюлибур. О! Вот и он, – Хлопарь тянется за мечом...

Повязка соскальзывает с его мускулистых бедер, и перед моим лицом возникает...

Плюшки-ватрушки, да у меня предплечье короче!

Я закрываю глаза и слышу хеканье – Хлопарь Необыкновенный пытается вытащить из потолка меч. Скажите – вы тоже смотрите на свое предплечье?

И вот не знаю, о каком влечении говорил колдун, но сейчас оно как раз у меня и начало происходить. Круто было бы, если бы этот детина оказался моим Димасиком...

Ноги становятся ватными, обессиленными, будто я затащила сумки с продуктами на сотый этаж без лифта. Внизу живота появляется жар доменной печи, я реально начинаю бояться, что простыня загорится. Надо как-то отвлечься, а не то...

– Кинетическая энергия маятника превращается в энергию гравитационную и обратно, – вырывается неожиданно даже для самой

себя.

– Чего? Колдуешь, что ли? – спрашивает пыхтящий король.

– Нет, пытаюсь думать об учебе.

– Тебе не об учебе надо думать, а о рождении мне наследника.

Сейчас меч выну и приступим.

– Че-е-его-о-о? – глаза у меня открываются и снова впиваются в болтающийся предмет.

– Во! Получилось! – Хлопарь вытаскивает меч, который стал белесым от побелки, и властно орет. – Лежать!

Он толкает меня на кровать и дергает завязку на плаще. Алый плащ слетает оберткой от конфеты. Сама «конфета» прыгает на меня сверху и рвет поясok на халате.

Над вами никогда не нависал шкаф в полтора центнера с угрозой расплющить? Нависал? Тогда вы войдете в моё положение. Я понимаю, что сейчас буду использована без предварительных ласк и уговоров. Понимаю, пугаюсь и начинаю верещать сумасшедшей сорокой.

– Ты чего? – спрашивает Хлопарь.

Его недоумение настолько искренне, что я тоже тихо опупеваю:

– А ты чего?

– Я наследника собираюсь делать.

– А я не хочу! Потому что это не по правилам!

– По каким правилам?

– Ты сначала должен найти и убить дракона, потом принести его голову, познакомить меня с родителями, и... много других нюансов. А мы едва знакомы и сразу в койку! – что я несу? Плюшки-ватрушки, ну и бред...

Король задумывается. Висит надо мной и думает. Я стараюсь не мешать. Представляю себе цветок, из которого дергаю лепестки и загадываю: «Будем делать наследника – не будем делать наследника, Димка – не Димка, будем делать наследника – не будем делать наследника, Димка – не Димка... там ромашка, сям ромашка, трям».

14.2

Хлопарь задумчиво слезает с кровати и садится на табурет. В этот момент табурет походит на фантазмагорического слона, у которого вместо ног – ножки... А уж хобот... Наконец, король обращается ко мне:

– Давай рассуждать здраво. Вот найду я дракона, прибью его.

Уничтожу реликтовое земноводное, которых почти не осталось в моем мире. Познакомлю тебя с родителями, устроим пир, гости нажрут, передерутся, намусорят. Родители всё равно согласятся и благословят нас. И в итоге мы окажемся в том самом положении, в каком были недавно. Так чего зря время терять?

Я не могу найти, что ответить на такой логический вывод. Но это неправильно! Неправильно и всё тут!

– Нет, ты должен совершить ради меня подвиг!

– Какой тебе ещё подвиг совершить? – бурчит расстроенный король.

Глазки бегают по комнате. То есть взгляд скачет по предметам, а глазки остаются на месте. О! Нашла!

– Слушай, ты своим мечом тут всё побелкой угваздал. Вот вымоешь пол, да ещё и яичницу приготовишь, тогда и посмотрим. А то сразу в койку и без геройства... Не по-королевски как-то.

У вас никогда в комнате голые короли не мыли пол? Во-о-от, а у меня моет. Ну, так себе моет... больше размазывает, но одно удовольствие наблюдать за мускулистым уборщиком.

А какую яичницу он приготовил... Скорлупа весело похрустывает на зубах, горелый низ обещает изжогу. Но всё это теряется на фоне того, кто готовит.

– Теперь можно и наследника сделать! А ну лежать! – властно велит Хлопарь.

В этот момент за дверью раздаются голоса моих соседок.

– Кто это? Ещё кандидатки на рождение мне наследника? Йо-хо-хо! Хлопаря Необыкновенного на всех хватит. Заводи по одной! – кивает он мне на дверь.

Вот ещё! Тут такое счастье привалило, а я должна делиться? Да вот фигурки! Ни в жисть! Что же делать? Как спасти это мускулистое тело от потных Иркиных ладошек?

– Это наши стражницы, они тебя сейчас закуют и бросят в темницу. А там злые крысы отгрызут тебе... В общем, всё тебе отгрызут. Прячься быстрее под кровать, – кричу я шепотом и стараюсь сделать такое страшное лицо, как будто месяц страдаю запором.

Король хмыкает, хватая одной рукой перекладину кровати, подтягивает к себе, перехватывается и встает. Застывает в позе атланта, который держит декоративный балкончик. Представляете – посреди

комнаты в воздухе висит кровать, а под ней стоит голый мускулистый мужик...

Вот же плюшки-ватрушки, спрятался, блин. Незаметный, понимаешь.

– Ты чего это, прятаться надо не так! – кричаю я от огорчения.

– Мы, властные герои, по-другому прятаться не умеем. Вот вроде бы надо как-то иначе, а не умеем. И подай-ка мне Всехубьюлибур! Вдруг меня обнаружат, тогда я буду отбиваться!

Вдруг обнаружат? Да надо быть слепой и парализованной улиткой, чтобы не обнаружить это чудо посреди комнаты.

– Нет, надо тебя спрятать основательно. Где твоя книга? А вижу.

Я хочу прошмыгнуть мимо застывшего короля и поднять с пола книгу, как этот накачанный переросток решает немного пошалить и игриво крутит бедрами.

Шлеп!

Вам никогда батонем «Докторской» колбасы по лбу не прилетало? А у меня похожие ощущения, даже небольшие звездочки показываются.

Но я справляюсь!

Я хватаю книгу и распахиваю её на первой странице. Снова открывается форточка в незнакомый мир. Вот туда-то я и спрячу своего ненаглядного короля.

Первым в эту форточку улетает тяжеленный меч. У меня едва не вылезает грыжа, пока его поднимаю. Потом приближаю книгу к Хлопарю. Я не знаю, что это за магия, но моего героя тоже начинает засасывать в эту форточку. Засасывает его в книгу, как муху в пылесос, и только в этот момент я понимаю, что нахожусь под тяжелой кроватью...

Одна!

Мускулистая рука вылетает из книги, хватая меня за плечо и тянет к «форточке». Чувство полета, как с балкона третьего этажа, и я стою в совершенно другом месте – среди зелени пышного сада. Рядом хмуро нависает огромный серый замок, такой высокий, что облака задевают за его шпили.

Слышится грохот, будто на деревянный пол падает несгораемый шкаф, и на изумрудную траву валится книга. Я тут же открываю её, заглядываю и вижу нашу комнату. Будто в окошечко из ванной выглядываю. В этот момент меня властно обнимает твердая рука и

старается нагнуть.

Всё-таки это Димка. Мой парень тоже старался всегда избегать прелюдий. Но мне почему-то стало интересно – где мы? Вот сейчас он сделает своё дело и мы окажемся опять на Земле, а я даже толком не нагулялась!

– Да подожди ты, – я еле вырываюсь из тисков. – Дай хоть осмотреться-то.

– Чего осматриваться? Обычный замок. А я в нем король.

– Какой замок? Ты о чем? Где мы?

– Мой замок. Находимся в моем мире, Коратурии. Не мешай! – Хлопарь снова начинает пристраиваться.

Ещё чуть-чуть и путешествие начнется с бурного секса под ракитовым кустом, так как ноги начинают слабеть и разъезжаться в стороны. Надо как-то его отвлечь.

– А почему мир так называется? – я будто бы танцую «Ламбаду», чтобы отвлечь короля от его заветной цели.

– Не знаю. Его так назвали до моего рождения, так что в этом я не виноват. Да не вертись ты! Ты меня отвлекаешь! – громогласно возмущается Хлопарь.

– Да что ты себе позволяешь, ваше высочество? Может, я этого не хочу? – я вырываюсь из крепких рук и отбегаю к кусту малины.

– Да ладно, чё ты? Все этого хотят – лежишь себе... а я стараюсь, тружусь. Потом родишь мне наследника и будешь целыми днями делать умное лицо, восседая на троне, – Хлопарь начинает приближаться с очень недвусмысленными намерениями.

Я оглядываюсь – за спиной стена с замшелыми камнями, между ней и мной кусты колючего малинника, справа стена продолжается. Слева же нависают бульжники замка. Кажется, что каждый листочек в этом саду, каждый камень в стене скандирует: «Нас-лед-ни-ка! Нас-лед-ни-ка! Оле-оле-оле! Шайбу, шайбу!»

– А я не хочу! (вру, конечно, хочу и ещё как!) Я сначала бы осмотрелась, а потом... возможно...

– Не противься! – гаркает король и ловит меня за запястье. – Сейчас я открою рубиновым ключом твои яшмовые ворота. Запущу туда белых всадников, и через девять месяцев ты родишь наследника. Заниматься будем в позе «Кобры запутались в вишневом саду». Это поза из древнего трактата «Комубысутра».

– Ой, а я не читала. Зато читала «50 оттенков серого»... Хочешь, ремнем по заднице вдарю? – я продолжаю уворачиваться и продлевать игру. Если уж отрываться, то почему бы не покочевряжиться сначала?

Мне не удастся увернуться. Он подтягивает меня за запястье, властно разворачивает и наклоняет. Халатик слетает капустным листком.

Вас никогда не склонял к сожителству очень мускулистый король? Нет? Тогда вы вряд ли поймете моё состояние.

Я стенаю, рычу, ем малину – в общем, делаю всё, что делает попаданка в первые минуты перемещения в другую реальность. Конечно, если она считает себя настоящей попаданкой.

И ой...

В эти пятнадцать секунд я чувствую себя курицей-гриль на длинном шомпуре.

– Что? И это всё? – разочарованно протягиваю я. Королевская ласка оказывается очень короткой.

И что самое главное – мы никуда не переместились! Это не Димка. Я снова оказалась использованной не тем человеком! Да ещё и без удовольствия со своей стороны!!!

– Это я ещё сдерживался, – отвечает Хлопарь и тянется за повязкой. – Ладно, нам вместе было хорошо, а сейчас мне пора. Дела, понимаешь ли.

– Какие дела? А я?

– А что ты? Ты молодец! Побольше бы таких девиц на моем пути, тогда бы можно было создать армию из своих отпрысков. Через девять месяцев загляну. Ты чудо, крошка, – Хлопарь Михайлович подтягивает повязку, крепит меч и тянется ко мне с прощальным поцелуем.

Я не знаю, как себя вести, чувствую себя использованной резиновой куклой. Зато моя правая нога хорошо знает, что нужно делать. От такого голкиперского удара промеж ног Хлопарь сгибается пополам, падает на траву, пару раз дергается и затихает.

Что делать дальше? Я не знаю... Одна, в незнакомом месте, кругом заросший сад и стены, стены, стены.

Остается только попытаться найти Димку и высказать всё, что думаю о его характере и о том, почему мы до сих пор не дома!

История пятнадцатая, в которой на меня совершается нападение, а я даже без гранатомета.

Хлопарь не подает признаков жизни и даже дышит через раз. Я «нечаянно» наступаю на короля и с удовлетворением вижу, как он вздрагивает. Жив курилка. Ну и пусть повалится, а я пока осмотрюсь.

Эх, жаль, что это не Димка. Если бы я с таким Димкой прошла по нашему району, то стала бы королевой. Нет, честно – физические данные у Хлопаря на сотню порядков выше выносливости. Всего лишь раздражил меня, а неудовлетворенная женщина страшна в своей неудовлетворенности.

Я плотнее запахиваю халатик. Продираюсь сквозь заросли малины и ежевики, которые бессовестно хотят оставить мою одежду себе. Книга подмышкой – вдруг придется линять.

Только я выбралась из кустов, как тут же очутилась перед воротами в замок. Возле них ковыряют в носах два огромных зеленых человека. Или не человека? Что-то среднее между Дином Винчестером из «Сверхъестественного» и Шреком. Набедренные повязки граничат с кожаными безрукавками. На лысых, как бильярдные шары, головах торчат черные ирокезы. В ноздрях блестящие кольца. Эдакие питерские панки, вымазанные в зелёнке. Однако, в великанских руках этих «панков» поблескивают огромные алебарды.

– Здравствуйте. Не подскажете, как пройти в библиотеку? – ляпаю я, когда налитые кровью глаза обращаются ко мне.

– Жрать. Ам-ам. Ходить сюда, давать ногу! – ревет правый зеленый человек.

– Показывать. Ух-ух. Ходить сюда, танцевать стриптиз! – в тон первому горланит второй.

Я уже тянусь за книгой, чтобы храбро смыться, когда эти два переростка начинают хохотать. Звучит так, как будто невероятно огромная ворона давится червяком. Они раздвигают в стороны алебарды и грохочут:

– Проходи! Ты одна из фрейлин. На тебя есть печать короля!

Я осторожно подхожу к ним. Плюшки-ватрушки, какие же они здоровенные! Одна ручища – две мои ноги вместе взятые. Они щерятся острыми зубами, которыми можно перекусывать гвозди.

– А позвольте поинтересоваться – какая на мне печать? И почему я фрейлина?

– Вон там, – левый стражник показал на мою ногу. – Почти у всех фрейлин такая печать.

На правой ноге действительно белеет какой-то шлепок. Я не хочу даже думать, что это может быть. А вы хотите?

Шаг за шагом я прохожу мимо этих великанов. Один из них оскаливается и показывает движение, как будто он отталкивается лыжными палками на снежной трассе. Я с визгом забегаю в приоткрытые ворота.

Поворачиваюсь и осматриваюсь – где это я?

Под куполообразным потолком летают светлячки, и каждый светит ярче тюремного прожектора. Огромные мраморные змеи обвивают мощные колонны. Посреди зала большой фонтан, на котором красуется фигура короля, который сейчас валяется в кустах. Струя горделиво извергается из поднятого вверх...

меча!

А вы о чем подумали? Тоже о мече? Чой-то это я одна такая озабоченная?

На стенах стоят белоснежные статуи и... переговариваются? Я впервые вижу, что статуи могут говорить. Но нет, вон «девушка с веслом» почесывает этим самым веслом живот Геркулесу. А стоящая рядом горгулья ехидно морщится и что-то пытается доказать статуе Венеры Милосской. Венера отрицательно мотает грудью. Левой.

Я не успеваю до конца осмотреться и насладиться видом зала, как сзади открывается дверь.

Открывается дверь! Я оборачиваюсь резвой черепахой к выходу, но там стоит...

Я думаю, что вы и сами догадаетесь – кто именно там стоит. Да-да, именно он. С налитыми кровью глазами, с белыми зубами, в дверях застывает Хлопарь Необыкновенный. Глаза мечут искры, и я честно начинаю опасаться, что он спалит весь замок к чертям собачьим.

Огнеопасным он был в этот момент, несмотря на пожарный рукав между ног. Кстати, после моего удара этот "рукав" приобрел невероятный лазоревый оттенок. Надо будет такие же тени для глаз подобрать.

– Ты!!! – ревет король.

– Я, – подтверждаю я его слова.

А что ещё оставалось делать?

– Ты какого длинного овоща сюда поперлась? Теперь ты не сможешь отсюда выйти, пока не научишься летать или... Вот ты

дурочка. Ты же могла принести мне наследника и ни в чем себе не отказывать всю оставшуюся жизнь, а теперь...

– А что теперь? Я открою книгу и...

– Ага, открой и сделай "И". Ты попала, девочка, и теперь я вряд ли смогу всегда быть рядом. Из замка Хлопаря нельзя так просто выйти. Нельзя и всё тут. Магия такая.

Я не верю, открываю книгу и... вот что такое "И" – в книге одни чистые страницы. Словно обыкновенный блокнот – ничего не написано и нет никакой форточки. Я смотрю на бумагу и в этот момент ощущаю, как мои колени выбивают чечетку.

– А как же мне..?

– Только когда научишься летать... Либо тебя сбросят со стены, и ты разобьешься. Вот же ты дурочка, – хватается за голову Хлопарь. – Есть второй вариант, но он вряд ли тебе понрав...

Хлопарь не успевает договорить, как на его королевскую голову какие-то личности в малиновых капюшонах накидывают черный мешок. Это последнее, что я вижу, так как меня тоже упаковывают в темную ткань. Ещё и шлепают чем-то сверху. Вроде как деревянной разделочной доской, похожей на ту, на которой я по утрам режу колбасный сыр для завтрака. Хотя, это могла быть и ладонь.

Думают, что я свалюсь без памяти, и тогда моё бессознательное тело смогут использовать по назначению? А вот фигушки! Не на таковскую напали – я младшая в семье, но всегда отбирала игрушки у старших братьев!

Эй, осторожнее!

Меня ещё и поднимают, чтобы нести куда-то.

Рядом слышатся хлопки, шлепки, хеканье и громкий рев Хлопаря. Орет так, словно превратился в слона, а ему гусеницей танка переехали самое дорогое. Я стараюсь не отставать от моего скорострельного любовника.

– Эх, и жеваный крот вам пипирки открутит! Растудить твою коромысло, чтобы вам комары всю жизнь песни пели! А ну, опустили меня на пол и всем стадом понеслись к первоисточнику (педагогическое образование давало о себе знать, и язык отказывался послать на три буквы прямым текстом). Контрацептивы с отверстиями, вечный вам эцих с гвоздями по самое не балуй!

– Да что вы, с королем справиться не можете? Дайте-ка я ему с

ноги отвешу! – слышится рядом громкий голос, потом этот же голос, только фальцетом, простонал. – Ай, какой изверг, размахался своими оглоблями.

– Нападение! Верный Всехубьюлибур, ко мне!!! – ревет король.

Я визжу, брыкаюсь, отбиваюсь. Пару раз я смачно кому-то заехала в бороду... По крайней мере – волосы там точно присутствовали, кучерявые и жесткие. Я даже вырываю клочок – кто-то невидимый визжит голодным поросенком.

Меня тащат. Как бы я не сопротивлялась, меня тащат. Куда? Зачем? Кто? Вы думаете, что я задумываюсь над этим? Нет! Я пинаюсь, я щипаюсь, я кричу.

Крики короля стихают вдалеке. Похоже, что меня всё-таки смогли от него оттащить. Интересно, кто это? Я кожей ощущаю холодный ветер. На голове всё также черная плотная ткань, которая пахнет застарелым конским потом. Куда меня тащат? Надо бы ещё побрыкаться.

– Ай, зараза, прямо в глаз пяткой попала. Вислоух, шлепни её ещё раз. Да не по заднице, олух, по башке, чтобы она немного поуспокоилась, – визжит фальцет.

Разделочная доска, похожая на ту, на которой я утром резала колбасный сыр, снова хлопает меня по макушке, и я отправляюсь в веселое путешествие в край сновидений и грез.

История шестнадцатая, в которой мой неожиданный любовник снова оказывается не Димкой

Запах благовоний залезает в нос и заставляет чихнуть. Экий же неловкий. А уж чихнув, я распахиваю глаза...

Ого! Да где это я? Комната уставлена музейными экспонатами в стиле рококо... или какое другое «ко-ко-ко», я не сильна в истории. Но то, что это столы, стулья и диванчики из музея, я знаю точно – таких вычурных завитушек и финтифлюшек в наше время не делают.

Надо мной висит расшитый золотыми звездами балдахин. Сама я нежусь на батистовых простынях нежно-бежевого оттенка.

А уж кровать...

На таком аэродроме может спокойно приземлиться небольшой «кукурузник». Стойки балдахина и спинка кровати, к которой привязаны мои руки, украшены невообразимым количеством золота и бриллиантов.

Так... Стоп! Мои руки привязаны?

Я дергаюсь пару раз, но алые атласные ленты держат крепче нейлоновых колготок. Я одна, на шикарной кровати и связана? Неужели сейчас выскочит мой коварный соблазнитель с букетом роз, осыпет меня лепестками и ласками? А я такая буду возбуждающе стонать: «Нет! Нет, Димка!»

– Эй, есть тут кто-нибудь?

Увы, девичьим мечтам не суждено сбыться, так как стоит мне подать голос, как инструктированная золотом дверь тут же распаивается. Вы когда-нибудь видели горбуна из Нотр-Дама? Ага, Квазимодо. Так вот сейчас как раз и входит такая Квазиморда. Лицо сморщенное, наружу торчит желтый клык, головка плешивая, уши волосатые. Зато одет так, будто местные Дольче и Габбана только на него и работают. Бархатный, с золотым шитьем, камзол и цветастые лосины на худых ляжках заставляют меня присвистнуть. Такие только на королей надевали.

– Ты в моих руках, красавица! – вот голос под стать голове, такой же мерзкий и скрипучий. Кажется, что со мной разговаривает гиена.

– Что тебе надобно, старче? – голосом золотой рыбки говорю я. Подергаться и потом успею, сначала нужно выяснить – почему я здесь оказалась и где мои вещи.

– Мне нужен наследник, который находится в тебе, – противно хихикает карлик. – И не старик я вовсе, я всего лишь на минуту раньше брата родился.

– Какой наследник? Какого брата?

– Мой брат Хлопарь сделал тебе наследника, поэтому ты и здесь. Когда сын родится, то я буду его опекуном и целых пятнадцать лет смогу властвовать и быть королем, – карлик подбоченивается.

– Да с чего вы взяли, что я беременна? Может, это ещё и не так? Вдруг мы контрацепцию использовали, или ещё какие методы?

– Нет, девчонка, и не спорь. Моего брата Хлопаря к тебе привел Всехубьюлибур, а магический меч наших предков никогда не ошибался. Он всегда выбирал ту избранницу, из чрева которой появится красивый и умный король! Единственный наследник! Продолжатель славной династии Необыкновенных! А уж то, что Хлопарь тебя...

– Да-да-да, это видно по печати на моей ноге, – зеваю я. – Надоели уже указывать. Слышь, а если из чрева избранницы появляется

единственный наследник, то как появился ты?

Карлик смущается. Похоже, что это для него болезненная тема. Ну да, по сравнению с его братом, у которого всё в порядке, да и а вообще всё превосходно – карлик кажется мелким ничтожеством.

– Наш отец, Михаил Необыкновенный, не виноват, что какой-то хоббит, воспользовавшись кольцом Всевластия, тоже переночевал с нашей матушкой, красавицей Глуцианией. Только потом нашли бумажку, где он признавался в содеянном и просил назвать сына Шлепарь Бильбович Необыкновенный, – карлик шмыгает носом. – Поэтому вместе с Хлопарем родился я. Получился красивый король – Хлопарь, и умный король – Шлепарь.

– Подожди-подожди, какое кольцо Всевластия? Какой Бильбович? Это что же получается, что Бильбо Бэггинс из книги «Хоббит, или туда и обратно»...

– О боги, неужели этот прохиндей ещё и книгу написал? – вскрикивает Шлепарь. – Он и так уже всему Коратурию уши прожжужал, как он на нашей матушке «туда и обратно, туда и обратно».

– Но в книге этого не было. Там никаких амурных сцен. Лишь хоббит прокрался к дракону и выкрал чашу...

– Невинность нашей матери он выкрал, а не чашу, и не к дракону он прокрался, а к отцу в спальню. Отец пошел наказывать этого мелкого пройдоху, да так и сгинул. А уже цензура переделала по-своему, и получилось вместо правдивой истории какое-то эпическое фэнтези. А через девять месяцев родились мы с братом. Мама не выдержала и бросила нас.

Я молчу, переваривая услышанное.

– Да, девчонка, так всё и было. Если ты думаешь, что у нас, королей, жизнь сплошной праздник, то крупно ошибаешься. Нам вообще должны молоко за вредность давать. И плюшки. Мягкие, – всхлипывает карлик.

Мне становится его как-то жалко. Такие уж мы женщины, жалостливые. Вроде и пленил меня, и держит связанную, а жалко его. Даже слезинка выступает. А он выглядит таким хлипким, таким беспомощным. Только глаза его сверкают непримиримой жаждой жизни. Маленький несломленный король, который всю жизнь прожил в тени мускулистого брата. Вот так бы и пожалела, и прижала к груди, и...

Че-е-его?

Я встряхиваю головой, когда карлик уже начал залезать на кровать. Да он никак гипнотизировать меня удумал? Это что же творится, люди добрые? Это же он на жалость давит и решает через слезу на меня залезть? Похоже, что похоть родилась раньше обоих братьев.

– Ещё одно движение и моя пятка сольется в страстном ударе с твоими бубенчиками, – говорю я, когда его рука дергает за полу камзола и показывается белая батистовая рубашка.

– Да ладно, чё-ты? – продолжает раздеваться страшенький король.

Чё я? Нет, не так.

ЧЁ Я?

Внутри бурлит, как в чайнике, перед свистком. Кровь бросается к щекам, и становится так жарко, что об меня можно прикуривать.

– Да ни фиги и лука мешок! Ты куда прешь, бульдозер по имени «малютка»? Не для тебя маманя ягодку растила, и профессора педагогики интеллект в буйную головушку загоняли! Вот сейчас как выпрыгну, как выскочу, и пойдут клочки по закоулочкам! А ну быстро слез с кровати, развязал меня, извинился и покормил! – кричу я окриком богатырским, таким, что даже балдахин покачивается.

– Не надо кричать, девочка. Нас никто не услышит, – хмыкает Шлепарь и продолжает раздеваться. – Чтобы получился полноценный наследник, я тоже должен запустить своих белых всадников в твое горячее ущелье.

Показывается волосатая грудь. Вогнутая, как Марсианская впадина. Или ещё глубже. Плюшки-ватрушки, надо переходить на жаргон, вдруг подействует. А что? У нас половина курса сидела по хулиганке – чтобы учить хулиганов, нужно быть суперхулиганом. Я не сидела... А те приводы не в счет.

– Сапоги дорогу знают, только ленятся ходить! Освободи голубку, вертухай! За мной не заржавеет навару отсыпать! Коль мохнатый сейф вскроешь, то мои кореша тебя на хате в сарафан оденут! Слазь со шконаря, и размотай веточки! Чего буркалы вытарацил, ждешь, пока я тебе афишу начищу? Я тебе не бановая бикса, а бесовка в авторитете! – выдаю я весь словарный запас, приспособленный к разговору с учащимися пятого класса.

– Ты бесовка? – на миг застывает мелкорослый стриптизер. – Может, поэтому тебя и выбрал Всехубьюлибур? Но это не страшно. Без

своих магических артефактов ты бессильна. Твоя книга-переходник бесполезна в стенах замка. Так что...

Приходится напрячь извилины и припомнить разговорную речь для более старших классов. Когда я была на практике, то видела, как после речи заслуженного учителя России Виктора Павловича Трофимова затихали даже самые отъявленные отморозки из одиннадцатого «Б».

– Лососни тунца, Шлепарь Бильбович. Ведь с точки зрения банальной эрудиции каждый индивидуум, критически мотивирующий абстракцию, не может игнорировать критерии утопического субъективизма, концептуально интерпретируя общепринятые дефанизирующие поляризаторы, поэтому консенсус, достигнутый диалектической материальной классификацией всеобщих мотиваций в парадогматических связях предикатов, решает проблему усовершенствования формирующих геотрансплантационных квазипузылистых всех кинетически коррелирующих аспектов.

Карлик зависает. Вот эти два слова как нельзя лучше характеризуют то состояние, в которое впадает мой полуобнаженный пленитель. Он застывает с рубашкой в руках, стеклом в глазах и ниточкой слюны изо рта. А я начинаю как можно активнее дергать за атласные ленточки, и они поддаются напору.

16.2

Увы, моим потугам не дано сбыться. Этот полуобнаженный человек прекращает пускать слюни на батистовую простынь и продолжает раздеваться. Я чуть сгибаю ногу, чтобы «приголубить» нежданного любовника. Вот если он чуть-чуть поближе подползет, тогда...

– Девчонка, ты не сможешь меня заколдовать. Даже магические слова бессильны против сынов короля. Я буду тобой обладать! Буду и всё тут. Так поступают все герои. Ты можешь расслабиться и получить удовольствие или можешь напрячься и тогда удовольствие получу я...

– ННААА!!

Эх, не рассчитала! Всего-то чуть-чуть не рассчитала, на какой-то волосок... Моя пятка мелькает возле морщинистого лба и отражается в глазах карлика. Вот куда надо было целить!

– Наглая девчонка! Ты не понимаешь своего счастья! Эх, не хотел я это использовать, но придется.

С этими словами взбешенный карлик полез в карман камзола и

вытащил какой-то шелковый мешочек. Такой я видела у своего деда, который любил курить самокрутки. Но обычно курят после секса, а этот карлик решил до процесса побаловаться табачком? Или я так возбуждающе выгляжу, что он уже?..

Нет, он высыпает на ладошку какой-то светло-серый мелкий порошок. Он героинщик? Может, сейчас занюхнет ноздрей и ему всё станет фиолетово? Вот же выбрала книгу. Знала бы, что так получится, пошла на танцы...

В это время карлик зловеще улыбается и... дует! Густое облако поднимается в воздух, словно кто-то в тазик с мукой пукает. А потом это облако кидается мне в лицо. Я задерживаю дыхание, но долго не могу сдерживаться. И всё это под зловещий смех карлика.

Я вдыхаю... Щекотно в горле и... и как-то всё сразу преображается. Исчезает комната, исчезает карлик, исчезает даже шикарная кровать. Я лежу на песчаном пляже, ноги до колена лижет теплый прибой.

Над головой длинные листья пальм, пахнет солью и ананасами.

И никуда не хочется идти.

Никуда.

Хочется так лежать в расслабленной позе. Лежать и наслаждаться спокойствием. Я закрываю глаза и слушаю ласковый шепот набегающих волн. Крики альбатросов раздаются вдалеке. Я никогда не слышала альбатросов, но почему-то уверена, что это именно они.

Когда я успела уснуть? Я не помню. Мне и в самом деле хорошо. Это воздействие наркотика? Не исключено.

Зато пробуждение пробуждает не хуже холодного душа. Со знакомым криком в комнату врывается мускулистый варвар.

– Йо-хо-хо!!!

От этого крика я скатываюсь с кровати. Скатываюсь с кровати? Я уже не привязана?

Да, обнаженная, но свободная!

Я оборачиваюсь на кровать, где продирает глаза малорослый любовник. Он сейчас кажется таким жалким, таким маленьким по сравнению со своим братом. Да что там с братом – даже меч Всехубьюлибур больше его. Шлепаль хмуро кидает взгляд на Хлопаря и запахивается простыней. Встает, подобно римскому патрицию.

Прямо картина из какого-то американского фильма, где

разъяренный гладиатор врывается к императору и застаёт его с... как там называли древнеримских проституток? И особенно противно, что участь проститутки выпадает на мою долю. Мне бы больше подошла роль императрицы.

И снова я не дома. И снова он не Димка... Блин, второй промах за сегодня.

– Ты! – ревет Хлопарь, указывая на Шлепаря.

– Я, – кротко соглашается карлик.

– И ты! – теперь палец упирается в меня.

– И я... Но не виноватая я, он сам пришел, – невольно вырывается из моей девичьей груди.

Хлопарь стоит ровно полминуты, прежде чем находит нужные слова и орет так, что балдахин едва не падает на карлика.

– Зачем, брат?

– Для того, чтобы наши белые всадники соединились, и эта девчонка родила умного и красивого короля. Одного человека, а не двоих. Мы должны блюсти линию!

Хлопарь фыркает. Сейчас он очень похож на быка, а если учесть, что брат наставил ему рога, пусть и фигурально, то сходство один к одному. Даже налитые кровью глаза имеются. Вот-вот шаркнет копытом и кинется на карлика, а тот уклонится и сдернет простыню. Устроят корриду в небольшой комнате. Надо отползти дальше, чтобы не затоптали.

А Хлопарь и в самом деле поднимает над головой меч.

– Ты устроил на меня засаду, чтобы покувыркаться с избранной? – рычит он. – Твои псы нашли смерть на ступенях башни.

– Плевать на них. Да, я всё это организовал, чтобы побыть с избранницей. Спроси у неё сам, чьё общество ей понравилось больше, – высовывает язык карлик.

Ого, какой длинный у него язык. Прямо как у солиста группы «Кисс», или как у лягушки. Меня передергивает.

– Я... Я ненавижу тебя, брат и вызываю на поединок чести перед ликом Старших Богов.

– Если ты думаешь, что я откажусь, то напрасно. Я принимаю вызов, но попробуй понять, что смерть одного из нас ничего не изменит. Наши белые всадники смешались в ущелье этой девчонки, и она принесет наследника роду Необыкновенных.

Эй, я им что – инкубатор? Они меня-то намерены спрашивать? Хочу ли я рожать или предпочту карьеру?

– Мальчики, прежде чем поубиваете друг друга, скажите – вы не охренели? Что вы себе позволяете? Я не хочу вас обоих. Вы оба мне противны. Самовлюбленные самцы, которые думают лишь о продолжении рода. Да я...

– Да ты отправляешься домой! – рывкает Хлопарь и достает из-за ткани повязки мою книгу. – Тот, кто останется в живых, после поединка, тот явится за тобой. Сейчас же уходи.

– Но как? Я же не могу... Отсюда же нельзя, а летать я пока не умею... – я нахожусь в замешательстве.

Хлопарь не сводит взгляда с брата. Он кошачьей поступью подходит ко мне, протягивает руку и я встаю.

– Анна, мы обязательно встретимся. Вот убью этого мелкого мерзавца и встретимся.

– Анна, мы ещё увидимся. Когда укукошу этого переростка, то обязательно найду тебя, – доносится с кровати.

Хлопарь хмыкает и распахивает книгу. Я вижу там свою комнату. Она без света, но это точно моя комната. Знакомые отблески уличной рекламы освещают её через окно.

– Прощай, Анна! – кричат два брата, и меня затягивает в темноту комнаты.

Снова возникает ощущение легкого полета и я оказываюсь на кровати. На своей кровати. В своей комнате. С книжкой в руках. Да как так-то? Так же нельзя! Я же не до конца ещё рассмотрела замок, я не погуляла по краешку фонтана, я... я не научилась летать! Я хочу вернуться обратно! Я распахиваю книгу.

На развороте книги виднеется название «Обреченные попаданцы»... А под ней картинка – кособокий карлик и мускулистый гигант сходятся в центре огромной арены. Я пытаюсь просунуть руку, бью по бумаге, но это всего лишь обычная книга, без грамма волшебства.

– Анька, хватит шебуршиться. Завтра же на пары, будь человеком – дай поспать! – доносится голос Ирки.

Я стихаю. У меня нет слов – один мат на языке.

Я беременна от двух королей и остается только ждать – кто же в следующий раз выйдет из книги...

История семнадцатая, в которой я уже родила и живу счастливой жизнью матери-одиночки

– И это, у меня ещё гараж есть и машина... эта, как её, «Бентля»! Точно, «Бентля»! – вешает мне лапшу на уши Виктор Поликарпович Малоизвестный. – Тока она сейчас на техосмотре. Жинклеры надо прочистить.

Я смотрю на его красный с фиолетовыми прожилками нос, на набрякшие мешки под глазами, в которые мы с Матильдой можем спрятаться, как в сумки кенгуру, на сверкающую в закатных лучах солнца плешь, по которой вошки могут свободно кататься как на катке ВДНХ. Смотрю и не верю ни единому слову. Ни про «Бентлю», ни про вилы на Канарах. Не верю и всё тут.

Это один из тех прохожих, которые не могут пройти мимо одинокой мамочки, чтобы не присесть и не постараться познакомиться. Ну да, кольца на пальце нет, а из коляски раздаётся негромкое агуканье.

Матильда Хлопаре-Шлеповна Розеткина. Вот же повезло с таким отчеством родиться? Нет, конечно же, я не настолько дура, чтобы портить ребенку жизнь дебильной записью в паспорте. Назвала в честь моего папы – Алексеевна. Ну, не повезло ей с отцами, зато с мамочкой она сняла джек-пот. Живем с ней душа в душу уже два года и вместе отбиваемся от подобных «Малоизвестных».

У моей дочурки есть одна маленькая особенность – она может телепатически общаться со мной и видит всё, что написано на уме у людей, которые стоят рядом. Забавно наблюдать за мужчинами, когда выдаю их настоящие мотивы и мысли. Сразу же называют меня ведьмой. Иногда даже вслух.

– Это всё очень интересно, но мне дышалось бы лучше, если бы вы не питались одним чесноком и вообще смотрели в другую сторону, – ответила я на притязания потенциального знакомца.

– Да ладно, чё ты? Посидим, покалякаем. За дочурку пару тостов толкнем. Водку-то пьешь? Или коньяк лучше? Самогон? – улыбается Виктор Поликарпович Малоизвестный.

Сидела же в парке, никого не трогала, даже наглых голубей не пинала и вот на тебе – нарисовался «принц» с недельной щетиной и запахом «Вечерней Москвы». Мягкий костюм, нечищенные ботинки, на воротнике рубашки черный налет мартеновских домен. И почему вот такие индивидуумы норовят познакомиться со мной и помочь скоротать

одиноким вечер? Неужели я так плохо выгляжу?

– Мамочка, он уже представляет тебя на кровати. Но вот почему-то грудь у тебя на три размера больше, – раздаётся в голове голосок дочурки. – Ого, слушай, а сейчас вообще огромная, больше, чем вымя у коровы.

– Насколько больше? – также мысленно спрашиваю я.

– В пять раз. Он на одну ложится, другой накрывается и всё – засыпает.

Я пробую представить себе подобного мутанта – бесполезно. Поэтому глубоко вздыхаю и завожу привычную пластинку, призванную отпугивать подобных «самцов»:

– Виктор Поликарпович, а и правда! Давайте сегодня встретимся, напишем заявление в ЗАГС, я перееду к вам со своими тремя детьми и старенькой мамой. У вас же квартирка в Бутово и вилы на Канарах? Вот и классно, мы с мамой пропишемся в вашей квартире, чтобы при разводе вам достались вилы. Даже на «Бентлю» не будем предъявлять претензии. Я буду забирать у вас всю зарплату. Да-да, всю – на заначки у меня чуйка. Готовить я не умею, поэтому на завтрак, обед и ужин у нас будут вкуснейшие «Дошираки». Вам нужно будет взять кредит, так как при рождении четвертого ребенка понадобится много средств на лекарства. Последствия бурной молодости, понимаете ли, – я обворожительно улыбаюсь.

– Какого четвертого, какую квартиру? – цветом лица Малоизвестный стал походить на гипсовую статую «Дискобол».

– Я же на третьем месяце беременности, – глажу я свой плоский животик.

– Я это... Я вон сейчас за мороженым сбегаю, и мы это... И мы тогда пойдем. Ага... Ты посиди, это... не провожай меня, – язык ухажера начал заплетаться от такой перспективы.

Вы видели когда-нибудь, как убегают от летящей лавины, или скоростного поезда? Так вот, пятки моего ухажера сверкали гораздо быстрее. Эх, опять я не покатаюсь на «Бентле».

– Мамочка, ты хотя бы новую историю придумала, а то надоело слушать одно и то же, – упрекает меня Матильдочка.

– Вообще-то я для тебя стараюсь. Прикинь – будет у тебя такой папашка, соберет тебя в школу и забудет где-нибудь возле пивного ларька, а потом...

– Ну чего ты сразу начинаешь? – испуганно обрывает меня Матильдочка. – Я всё поняла, осознала и впредь не буду поднимать эту тему. Поехали домой, пока кто-нибудь ещё не подошел и не начал представлять тебя в неприличной позе и с неприлично раздутыми...

– Поехали, – говорю я в ответ.

Дома ждет готовка, стирка, глажка. А также книжка, из которой однажды появился тот самый властный король и в которой я неожиданно очутилась. И эта книжка остается безмолвной... Но, может сегодня повезет?

А Димка так и не появился. Где его до сих пор носит? Двадцать пять дней минуло почти три года назад. Я пыталась хоть к кому-то испытать влечение, но не получалось. У меня оставалась только Матильда и я начала смиряться с тем, что никогда не вернусь обратно.

Хотя, куда обратно? Тут я тоже в Москве, тоже работаю и живу. Да, тело не моё, судьба не моя, детство и юношество тоже не моё, но я уже привыкла.

С такими мыслями я иду по летнему парку. После вчерашнего дождя остались крупные лужи, и я стараюсь двигаться между ними на манер хоккеиста из НХЛ, который вышел с голой шайбой против шестерых противников. Мда, из меня тот ещё Овечкин, поэтому Матильдочка несколько раз укоризненно пробурчала о том, что женщинам нельзя доверять управление колесным транспортом. Я возмущаюсь – не для того женщины на демонстрации ходили и международные женские дни устраивали, чтобы какая-то кроха могла упрекать всех дам в неумении управлять коляской.

– Мамочка, ты лучше бы со мной сюсюкала вслух, а заумные речи поберегла для потенциальных женихов. Нет, мне нравится твое общение, я узнаю из него много разных интересных слов, но вон та бабка возле фонтана считает тебя... Как бы это сказать и не матом? А! Сумасшедшей, во! – раздаётся у меня в голове голос Матильдочки.

– Меня? Ещё и матом? – также телепатически отвечаю я дочке.

– Ага, ещё она заметила, что у тебя кольца нет и думает...

– Ладно, я знаю, что думают такие бабки. Давай-ка её разыграем?

– Мамочка, ты же знаешь, что я всегда за любой кипишь кроме голодовки. Что тебе о ней рассказать?

Спустя полминуты я подхожу к пожилой женщине, которая тут же отводит от меня взгляд водянистых глаз. Фиолетовая беретка, глубокие

морщины, огромная брошь на сиреневой кофточке. Неужели я буду такой же в старости? Вряд ли. Скорее всего, я буду веселой старушкой-хохотушкой, которая со скоростью ветра помчится по парку на самокате, а за мной будут бежать семнадцать внуков. Ага, будут бежать и умолять, чтобы я не звезданулась вверх тормашками, пока не напишу завещание.

– Семнадцать? – раздается в голове голосок Матильды. – Мам, ты меня с инкубатором не перепутала?

Вот же оказия какая – совсем забыла, что Матильда и мои мысли читать может. Впредь надо быть осторожнее.

17.2

– Вера Николаевна, простите, что обращаюсь, но хочу сказать, что всё у вас будет хорошо. И пенсию на днях принесут, и внук Андрюшка станет хорошо учиться, и зять у вас не такой уж дурак, хоть и Колька, – выпаливаю я одним духом и наблюдаю, как глаза у пожилой женщины увеличиваются в объеме. Вот честное слово – будто изнутри надувают, как воздушные шарик.

– Откуда?.. Как?.. – лепечет женщина. Потом её мозг под фиолетовой береткой находит логическое решение, и глаза слегка сдуваются. – Дочка, ты из собеса, что ль?

– Нет, я обычная ведьма, – улыбаюсь я в ответ и толкаю колясочку дальше.

Матильда высовывается из коляски и посылает остолбеневшей тетке воздушный поцелуй. Пухленькая ручка касается губ, раздается «чмок» и ручка идет на отлет. Милота-мимимишка, да и только. Похоже, что только я оцениваю это движение. Сзади слышится негромкое бурчание, но я иду к выходу, и нет никакого желания оборачиваться.

– Мамочка, сказать, что она о тебе думает?

– Не надо, Матильдочка. У неё и так всё было написано на лице, когда она хотела меня перекрестить.

Солнце посылает жгучие лучи на Землю с огромной скоростью. Эти сорванцы пролезают сквозь переплетение веток лип и через колючие изгороди сосен для того, чтобы удариться о теплый асфальт или утонуть в лужах. В одной из луж купается стайка воробьев. Серо-коричневые птицы моются с таким остервенением, будто только что вынырнули из бассейна с «Head&Shoulders» и теперь пытаются

избавиться от перхоти.

Люди прогуливаются по парку и радуются погожему деньку. Дети пускают кораблики и спорят – кто из них самый главный адмирал. Влюбленные парочки заняли скамеечки в глубине парка и теперь там раздаются чавкающие звуки, будто кто-то с аппетитом поедает гамбургеры. Когда-то и мы с Димкой сидели на похожей лавочке...

Воздух свеж и даже выхлопы машин за оградой не могут перебить аромат листвы. Я уже почти дохожу до выхода, когда раздается голос Матильды:

– Мамочка, за нами кто-то следит.

Я останавливаюсь, поправляю пеленку и даю дочке бутылочку с молоком. Сама же в это время аккуратно оглядываюсь по сторонам. Люди проходят мимо, идут по своим делам и на нас обращают внимания не больше, чем на клумбу, в которой сражаются за место под солнцем ноготки и ромашки. Ничего подозрительного.

– Матильдочка, ты уверена?

– Молочный зуб даю! Следит с тех пор, как ты подошла к той тетке, которая обозвала тебя...

– Да-да, я знаю, как она меня обозвала. А кто это?

– Не знаю, мам. Я вижу лишь силуэт человека. Он словно одет в цельнометаллическую броню, которая не пропускает мысли.

– А это мужчина или женщина?

– Тоже не знаю. Похоже, что на нем бронетрусы, и я не могу разглядеть половые признаки.

– И что же нам делать?

– Как что делать? Конечно же храбро литься отсюда.

Я упираюсь в ручку коляски, и мы катимся прочь из парка. Прочь из места, которое неожиданно стало опасным. Мне передается образ от Матильды – черное существо, которое размыто напоминает человека. Такой образ можно увидеть, если нарисовать карандашом на листе бумаги человечка, а потом макнуть его в воду.

Сколько бы я не оглядывалась по сторонам – нигде не видно ничего похожего на переданный образ. Зато взгляд наткнулся на плакат, с которого улыбался очередной кандидат в депутаты. И где же их берут, таких мордатых? Словно по отбору: влезла голова в обрезанный овал – не подходишь, не влезла – пожалуйте в депутаты. Надпись на плакате гласила: «Нам хорошо жить в России!» Я улыбаюсь, когда вижу снизу

приписку баллончиком с краской: «А нам?»

Стальными фургончиками мимо проносятся разноцветные машины. Я стою на Советской у светофора и терпеливо жду, когда загорится изумрудный глаз светофора.

– Мамоchка, он вроде бы отстал от нас. По крайней мере, я перестала его ощущать, – раздаётся в голове голос Матильдочки.

– Ути мой маленький, кто это у нас тут? – улыбается стоящая рядом женщина и заглядывает в коляску.

– Агу-агу, – храбро отзывается Матильда и показывает тетеньке «козу», ту самую, которую делают металлисты на концерте. Ох, не надо было сажать её рядом во время просмотра «Нашествия».

– Ух, как он пальчики сложил, неужели хочет в «козу рогатую» поиграть? – тетенька тоже делает «металлическую козу» и протягивает руку к пузику Матильды. Неужели тетенька не может понять, что если ребенок в розовой кофточке и под розовым покрывалом, то очень маловероятно, что это мальчик?

Дочка хмурится, куksится, вот-вот заплачет. Это плохой знак. Да, мне эта женщина тоже не нравится – крючковатый нос, седые пряди нагло вылезают из-под черного парика. Она пытается стоять прямо, но видно, что горбатой ей ходить привычнее. О стеклянный взгляд поцарапаться можно. Ей бы широкополую островерхую шляпу, черную хламиду до земли и метлу в руки – была бы вылитая наша дворничиха тетя Фрося.

– Мам, скажи этой тете, что она меня уже забодала. Пусть не тянет ко мне свои залежи плодородной земли под ногтями, а то буду кричать до самого дома.

– Простите, пожалуйста, моя дочка не любит, когда к ней прикасаются, – я пытаюсь быть вежливой, но сама оттираю телом тетеньку от коляски. Ага, легче фонарный столб сдвинуть – она даже не шелохнулась.

– Дочка? Ты сказала – дочка? – лицо женщины кукожится и становится похоже на печеное яблоко, которое забыли под диваном. Надолго забыли.

– Женщина, простите, я бы поговорила ещё, но загорелся зеленый и нам пора...

Я не успеваю договорить, как женщина щелкает двумя пальцами. Раздается треск сломанной сухой ветки и следом громкие сигналы

машин – светофор меняет цвет на красный...

– Мамочка, скажи тетеньке, чтобы она научила тебя этому фокусу, – просит голос Матильды.

– Я думала, что у них будет наследник, а тут... Точно дочка? – с умирающей надеждой переспрашивает женщина.

– Точнее не бывает. А у кого это у них? Неужели... – ахаю я.

– Да, Хлопарь просил передать тебе привет. Пока что ему некогда – он находится на войне. Но обещал, что как только выпадет свободная минута, то тут же примчится к любимой... Он пока ещё не знает – какую свинью любимая ему подложила. Эх ты! – укоризненно качает головой женщина.

– Эй, мам, скажи ей, что я не свинья. В крайнем случае – поросенок. Скажи-скажи, а то я сама встану и всё ей выложу. Разберемся по-бабьи, – Матильдочка и в самом деле садится в коляске и делает вид, что хочет встать.

– Ну что ты, маленькая, не бойся. Тетя больше не будет тебя пугать, – я укладываю малышку обратно и поворачиваюсь к непонятной женщине. – А Хлопарь...

Мои слова проваливаются в пустоту – женщины нигде не видно. Лишь клуб дыма уплывает по направлению парка, но скоро и он развеивается. Скорее всего, это курит мужчина у края тротуара. Смотрю налево, потом направо, нет, как будто и не бывало никакой женщины. Я даже под ноги посмотрела – вдруг она в канализационный люк провалилась?

История восемнадцатая, в которой я встречаю обворожительного незнакомца

– Мамочка, вот ты не поверишь, но эта тетка испарилась. Стояла и вдруг «вжух» – превратилась в дымок и исчезла. Это кто был, твоя знакомая?

– Нет, первый раз её вижу, – честно признаюсь дочке. – Говоришь, что она просто испарилась?

– Сама в шоке. А что она говорила про Хлопаря и про войну? Мам, чего ты так тяжело вздыхаешь?

– Милая, это долгая история. Вот буду тебя убаюкивать и обязательно расскажу. Напомни только.

– Женщина, вам помочь перейти? – слышится рядом мягкий

баритон, от которого мурашки бегут по коже. Приятно так бегут, с чувством, с толком, с расстановкой.

Я оглядываюсь назад, и мурашки ускоряют свой бег, теперь они носятся метеорами по горячей коже. Я застываю перед мужчиной, как кролик перед удавом. Непередаваемая сила струится из глаз цвета свежего асфальта, которые с лукавым ленинским прищуром смотрят на меня... Такие мужчины редко попадаются в жизни. Скорее их можно увидеть на экране телевизора, в роли отчаянного любовника-сердцеда или завязтого темного властелина.

Может это Димка? Хотя, меня к нему физически и не тянуло...

Вот честное слово, если я увидела его в пятнадцать лет, то сразу потеряла бы голову, влюбилась без памяти и ночи напролет думала только о нем. По-мальчишески припухлые губы изгибаются в вежливой улыбке. Нос настолько прямой, что с его помощью можно очеркивать поля в школьных тетрадях. Подбородок решительно заявляет, что его владелец волевой и уверенный в себе мужчина. Легкая впалость щек придает изюминку правильным чертам... Да какую изюминку – целый килограмм кураги!

Но больше всего поразили волосы – светлые, почти седые. Прическа короткая – волосок к волоску, будто щетинки у зубной щетки. И иссиня-черные брови раскинулись в стороны, как крылья российского герба. Широкоплеч, подтянут, одет в элегантные бермуды и столь же элегантную футболку небесно-синего цвета. Этакая редкая смесь из Дмитрия Харатьяна, Леонардо Ди Каприо и Бреда Питта.

Мечта, фантом, призрак девичьих грез...

– Мамочка, вообще-то я тоже читаю твои мысли! – звучит в голове обиженный голосок Матильды. – Да-да и вон тот образ, где вы вместе скачите по васильковому полю на единороге, мне не очень понравился. Там нет меня, а я тоже хочу на васильковое поле... И тоже хочу покататься на единороге!

– Будешь, маленькая. Куда же я без тебя?

Я беру себя в руки, усилием воли заставляю уголки губ оторваться от мочек ушей и вернуться в подобие вежливой улыбки. Всё-таки я уже взрослая женщина! И не должна растекаться медузой по песчаному пляжу!

– Спасибо за заботу, но я сама справлюсь, – отвечаю мужчине.

Я только сейчас замечаю – насколько писклявый у меня голос.

Откашливаюсь и пробую снова. Получается лучше. Оказывается, возникновение пустыни во рту от вида мужчины вовсе не сказки. Я чуть не отобрала у Матильдочки бутылочку с молоком, чтобы смочить пересохшее горло. Остановил меня лишь укоризненный взгляд из недр коляски. А этот Аполлон спокойно берет за пластиковую ручку и легонько подталкивает:

– Ничего, мне не сложно. Вы стоите, а между тем зеленый сигнал скоро потухнет. Пойдемте, я вас переведу.

И правда – зеленый человечек на другой стороне дороги хмуро показывает, что ему надоедает стоять в неудобной позе, и что сейчас он собирается покраснеть и принять стойку по команде «Смирно». Я спешу за мужчиной, везущем коляску по полосатой пешеходной дорожке. Когда я успела выпустить коляску? Да что со мной? Вот и Матильдочка выразительно крутит пальчиком у виска.

– Вот и перешли, – говорит мужчина и снова улыбается сводящей с ума улыбкой. – Вовремя успели. Давайте я вас провожу, вам же на Васильевскую? Дом семнадцать?

– А откуда...

– Извините за мою грубость. Позвольте представиться, Драмир Валентинович Крылатый, ваш новый сосед, буду жить над вами. Как раз вчера закончил мебель перевозить. Видел вас с коляской во дворе.

– У вас очень хорошая улыбка... То есть, простите, меня зовут Анна Алексеевна Розеткина, а это моя дочка, Матильдочка, – я показываю на коляску, где пухленькое существо с отчаянием в глазах воздевает руки к небесам и спрашивает – куда у мамы подевались остатки разума?

– Забавная она у вас, ути-пути-плюпс! – Драмир подмигивает Матильде.

– Мамочка, можно я ему расскажу, как корреляционный процесс разложения теоламина приводит к увеличению амориционно доступных физических отклонений конструктивного познания? Чтобы он забыл про свои «ути-пути»! – раздается мысленный голос дочки.

Понятно, дочурка недовольна, нервничает и ревнует. Да-да, ревнует к тому факту, что внимание мамы переключилось на мужчину, а не на неё, любимую и дорогую. Надо как-то исправлять положение.

– Скажите, а вы не видели на той стороне дороги женщину в черном парике? Она куда-то так резко испарилась...

Мужчина на миг останавливается. Всего лишь на миг, будто наступил босой пяткой на острый камешек и теперь не хочет делать вид, что ему больно.

– Нет, не видел. Я и подошел потому, что подумал, будто вам стало дурно. Вы начали с кем-то разговаривать, с кем-то невидимым. Сначала я думал, что вы говорите по хендсфри, но потом пригляделся и не увидел никакого наушника...

– Я могла говорить с дочкой, – почему-то мне стало неловко оттого, что он тоже принял меня за сумасшедшую.

– Именно так я и подумал, – обезоруживающе улыбается мужчина. – Но нам всё равно в одну сторону, так почему бы и не помочь по-соседски?

Я кивнула и мы двинулись вперед. Драмир вежливо вел беседу, а я мысленно переругивалась с Матильдой.

– Мамочка, мы не сошли с ума. Это только гриппом болеют вместе, а с ума сходят поодиночке. Я тоже видела ту тетеньку.

– Может, он её не заметил?

– Ну да, он так на тебя пялился, что обо всём на свете забыл. Станный он какой-то, скользкий, будто чешуей разноцветной покрыт. И мысли у него странные – думает о тебе, как об обычной женщине, даже ни разу в спальне не представил. Слишком уж хорошие мысли.

– Перестань, Матильда. Придумываешь себе всякое...

Пока мы проходим отрезок от парка до дома, я стараюсь не думать о странной женщине, которая так неожиданно испарилась, стараюсь не думать даже о её словах про «привет Хлопаря». Нет, это кажется таким далеким и ненужным рядом с новым знакомцем...

18.2

Вот чего порой не хватает матери-одиночке – чтобы мужчина шел рядом и просто вез коляску. А на все заинтересованные взгляды проходящих мимо женщин я хмурю брови и показываю левый клык. В голове при этом раздаётся голос мультипликационного Шер-хана: «Не трожь, это моя добыча». Помогает – женщины недовольно отводят взгляды.

Мы болтаем о погоде, о музыке, даже коснулись весьма щекотливого вопроса – каким средством лучше очищать ванную. Легкая непритязательная беседа сокращает путь, но почему-то хочется, чтобы дом оказался чуть подальше. Всего на пару километров. Очередная

миловидная девушка улыбается Драмиру, я стреляю в неё самым испепеляющим взглядом, на который только способна. Девушка испуганно икает и тут же отводит взгляд на пышные кусты сирени. Делает вид, что это сейчас самая важная деталь улицы, которая достойна внимания.

– Мамочка, если ты будешь идти с таким зверским выражением лица, то мы рискуем не дойти до дома, – вмещивается в мои мысли голос Матильдочки.

– Почему это? Наоборот, отпугиваем прохожих.

– Я прочитала мысли девушки, она хочет вызвать «Скорую» с двумя дюжими модельерами и немодной рубашкой с длинными рукавами. Мам, а если тебя поместят в сумасшедший дом, можно я заберу твою помаду?

– Вот в кого ты такая язва? – улыбаюсь я дочке.

– Ой, вот только не стоит строить из себя святую невинность. Кстати, тебя кавалер уже третий раз переспрашивает. Ответь уж ему, так и быть, – милостиво разрешила вредная мелочь.

– Простите, Драмир, я немного задумалась. Что вы спрашивали? – спрашиваю я у соседа.

– Я спрашивал... – он кивает проезжающему мимо черному джипу, машина резко останавливается, будто влетает в стеклянную стену. – Извините, Анна, сейчас урегулирую один момент и спрошу ещё раз.

Заднее стекло машины опускается, и на улицу высовывается пухлое лицо, обладателя которого можно видеть спящим на правительственных заседаниях. Это лицо надевает улыбчивую маску и профессионально поставленным голосом обращается к Драмиру:

– Драмир Валентинович, позвольте напомнить, что я жду вас на следующей неделе.

– Да-да, – досадливо отмахивается мой провожатый. – Сказал что буду, зачем лишний раз напоминать?

– Простите, что отвлекаю вас от прогулки, – от сладкой улыбки важного пассажира может слипнуться одно место. – У вас очень красивая жена и... дочка?

Матильда из коляски машет кулачком. Я вижу, что она пытается сложить кукиш, но непослушные пальчики предательски не хотят подчиняться.

Как можно в такой ситуации не похвалить простодушное дитя?

Я мысленно глажу её по голове, и она принимает этот образ. Я же радуюсь тому факту, что приняли за жену красавца, который идет рядом. А что? Вполне себе приличная семья: он – красавец, я – само обаяние, а Матильда...

А Матильда делает вид, что закатывает губу в губозакаточной машинке.

Вредина!

Показывает язык.

– Это моя соседка, Михаил Евгеньевич. Мне такую девушку вовек не соблазнить, – мягко улыбается Драмир.

– Значит, повезло с соседями. Всего доброго, – лицо с обложек улыбается и начинает поднимать стекло.

На миг, всего лишь на несколько секунд, он снимает маску, и я вижу холодное, словно высеченное из мрамора, лицо. Взгляд, брошенный на меня, напоминает взгляд ленивого покупателя, который слоняется по длинному мясному ряду и не может выбрать вырезку на шашлыки. Харкнув синим выхлопом, джип срывается с места и вскоре исчезает среди неспешно едущих машин.

– Ого, какие у вас знакомые. Вы тоже там заседаете? – я показываю пальцем в небо, подчеркивая статус нового знакомца.

– Нет, я обычный сантехник, но только мне доверяют ремонтировать коммуникации Белого дома. Прошел все проверки и тесты. Такие тесты даже космонавты не проходят – неделю под микроскопом у психологов и психиатров был. А уже из Белого дома сыплются калымы на другие дома, в основном с Рублевки. Думают, что я раскрою какую-нибудь важную тайну, если пригласившие меня напоят. Но у меня есть маленький секрет – я вообще не пьянею. То есть мой организм легко расщепляет алкоголь... Ой, вот мы и пришли.

Да уж, как быстро заканчивается дорога, когда есть приятный собеседник. Мы останавливаемся возле нашей бежевой десятиэтажки и Драмир помогает занести коляску.

– Мне очень приятно, что мы с вами познакомились, Анна Алексеевна.

– Можно просто – Анна, – я протягиваю руку.

Какая же у него твердая рука, прямо ладонь статуи, обтянутая кожей.

– Тогда меня можно просто – Драмир.

– А меня пусть так и называет – Матильдой Алексеевной. Нечего фамильярничать! – раздаётся в голове голос дочурки. Я не обращаю на это внимания, чем вызываю обещание ни за что не жевать кашу, когда у меня зубы выпадут.

– До свидания, Драмир. Мне тоже было очень приятно, – я загоняю коляску в лифт и оглядываюсь на соседа. Хорош, хорош – ничего не скажешь.

Сам он остается в коридоре, так как мы заполняем всё пространство маленького лифта.

– Потом нажмете кнопку? – подмигивает он мне на прощание.

– Да-да, конечно. Всего доброго и... Надеюсь, что мы ещё увидимся...

Вот кто меня дергал за язык? Да никто не дергал. Сама дернула. Думаете – легко одной воспитывать ребенка? Легко ложится в холодную кровать? Ой, что-то я расчувствовалась.

– Я тоже на это надеюсь, Анна.

Безжалостные дверцы лифта отсекают нас друг от друга, скрывают черные глаза за серым металлом. Я вздыхаю.

Может, это всё-таки Димка? И что тогда? Тогда одна ночь любви и мы вернемся обратно? А как же Матильда?

– Сдается мне, мамочка, что этот мужчина тебе понравился больше чем тот, в парке.

– А тебе?

– А мне пока ещё физиологическое состояние не позволяет определить необходимость данного индивидуума для комфортного сосуществования. Мне и без него солнышко светит так же ярко.

– Эх, понимала бы чего...

– Да уж понимаю побольше твоего, мамочка, – заявляет дочка, когда я ввожу коляску в квартиру.

– Да? И что ты понимаешь?

– Что просто так бумажки под одеяло пихать не будут, – улыбается моя милая кроха.

Я тут же сую руки под её одеяло и, после коротких поисков, на свет появляется клочок бумажки. Вырванный из блокнота листок, на котором написано всего четыре слова: «Анна, тебе грозит опасность».

История девятнадцатая, в которой у меня похищают дочь

Утро начинается с бодрого крика кота. Наш Мефистофель орет так,

будто у него отнимают самое дорогое, причем медленно и без наркоза. Ясно – Матильдочка проснулась раньше меня и выбралась из кровати. Эта мелкая ниндзя подкралась к коту, который раньше успевал смываться ко мне под одеяло, и теперь пытается разобрать его на запчасти. Малютка пытается выяснить – где у персидского кота находится кнопка? Она упорно отказывается принимать тот факт, что подобный красавец может быть живым.

– Матильда, солнышко, коту больно, не надо пытаться откусить ему хвост. Он ведь и поцарапать сможет.

Кот отчаянно скребет лапами по паркету и пытается доползти до меня. Позади крепко вцепилась в хвост розовыми рукавичками моя очаровашка. На лице три полоски красным маркером, которые создают ощущение боевой раскраски. На ногах мягкие тапочки, словно созданные для того, чтобы подкрадываться к спящему врагу. Да-а, Матильдочка основательно подготовилась к нападению на кота.

– Мам, а давай ему когти выковыряем? Тогда он не сможет царапать, а я спокойно откушу ему ненужную часть.

От осознания такой перспективы глаза кота становятся больше чайного блюдца, он метеором взлетает на мою кровать и забирается под одеяло. Матильда же подносит к носу оставленный пучок кошачьих волос и с наслаждением нюхает:

– Как сладок вкус победы. Мамочка, тебе не сложно подать мне котика? Думаю, что мы не до конца выяснили все нюансы.

Приходится вставать и брать кроху на руки. Пришла пора кормить младенца. Я замечаю, как кот с облегчением перекрестился и накрылся одеялом. Что ж, полчаса у него есть. А дальше всё зависит от его прыти и желания выжить.

В нашей двухкомнатной квартирке живут три девчонки: моя мама, я и дочка. Папа покинул нас ещё до моего рождения, поэтому мама не удивилась, когда я беременная вернулась из университета – карма, чтоб её. Я пыталась рассказать подруге, как забеременела, да и вообще оказалась в этом мире, но Ирка лишь приложила ладонь к моему лбу и посоветовала больше никому об этом не рассказывать. А что такого? Подумаешь, попутешествовала по мирам, очутилась в ином из миров и меня соблазнили два брата-короля. Ну... как соблазнили... в общем, это долгая история и рассказывать её не было никакого желания.

Мы с новой мамой не ссоримся, она относится ко мне с любовью и

пониманием. Работает в местном НИИ и помогает мне с воспитанием дочери. Я же подрабатываю репетиторством, иногда подменяю заболевших учителей по литературе в школе, которая находится у нас во дворе.

Я стараюсь не думать часто о Димке и о тех королях, ну, чтобы Матильду не травмировать. Но вчера вечером пришлось всё рассказать. Она поняла, простила и попросилась пописать. Чудо, а не ребенок. И вот теперь это чудо жаждет питания.

Не хочу лишней раз травмировать чувства кота, и поэтому выношу Матильду на кухню. Пюре яблочное, молоко теплое, принцесса на троне – кормление начато. Чтобы отвлечь дочку от высматривания хвостатой жертвы, я рассказываю о далеком мире Коратурии, о его роскошных равнинах, о горах, которые чешут брюшко проплывающим облакам, о морях, в глубины которых ни один Жак Ив Кусто не заглядывал. О мире, куда можно попасть только через книгу.

– Ты ошибаешься, девчонка, – раздается скрежещущий голос.

От неожиданности я выпускаю ложечку из рук, она тоненько звякает по горлышку баночки и падает на серый линолеум, оставляя кляксу желтого пюре. Матильда внимательно следит за её полетом, потом горестно вздыхает и поворачивается к источнику звука. Я тоже смотрю туда.

На подоконнике сидит наша вчерашняя знакомая. Однако теперь на ней не обычная кофта и черная юбка, а пышное сиреневое платье, расшитое золотом и блестящими камешками. Если это не стразы от Сваровски, то настоящие бриллианты. Стекло вряд ли так будет сверкать.

На сей раз не она не прячется под черным париком, зато на седых уложенных волосах красуется золотая корона с алыми рубинами. Интересно, а нижний обруч не натирает ей уши? Вот всегда, когда видела по телевизору исторические фильмы, задавалась этим вопросом. Сидит себе на подоконнике, как сказочный Карлсон, вот только пропеллер за спиной не жужжит. И, в отличие от Карлсона, она не улыбается, а наоборот – хмурится. Похожа на злую королеву, которая заморила всех Белоснежек в округе и теперь приперлась ко мне.

– Во-первых, здравствуйте! А во-вторых, чем обязана вашему визиту? Вы вчера так резко испарились, что даже не успели сказать до свидания, – я стараюсь делать вид, что вот ни на грамм не испугалась.

Это как со школьниками в классе – выкажешь им слабость, и они потом будут ходить на голове.

– Я сказала, что ты ошибаешься. Ошибаешься в том, что в мир Коратурия можно попасть только через книгу, – словно не замечает моих слов женщина.

– Мамочка, это та тетя, которая была возле парка, – совершенно серьезно говорит Матильда в моей голове.

– Спасибо, милая, я заметила, – отвечаю я дочке и перевожу взгляд на женщину в платье эпохи Людовика Неважно-какого-по-счету. – Так что привело вас ко мне?

– Я пришла сказать, что Коратурию нужен наследник. Так как Всехубьюлибур выбрал тебя в качестве матери наследника, то я и пришла за ним. Жаль, что родилась дочка, но и она может помочь вывести мой мир из состояния полного уничтожения, – сиреневые оборки подола шелестят по линолеуму. – Пока эти два дурака дерутся между собой, женщинам придется наводить порядок.

Женщина в короне проводит рукой по поверхности газовой плиты, скользит пальцем по серой столешнице и качает черную рукоятку ножа.

Матильда куксит личико и начинает рыдать навзрыд. Я тут же подхватываю её на руки и встаю вполоборота к незнакомке. Кто знает – что у неё на уме? Пробралась ко мне как вор, и несет непонятную ересь. Нет, с меня довольно путешествий по другим мирам. Спасибо, побывала! Хватит.

– Я не пойду с вами!

– А я и не приглашала тебя, – мягко улыбается женщина. – Мне нужна наследница королей. Да, это первый случай, когда рождается девочка, но всё случается впервые. И я родила не одного короля, а двоих...

– Так вы?.. Это вы с хоббитом?

– Мы все в молодости любим экспериментировать. По правде сказать, я тогда не удержалась, – женщина кокетливо поправляет локон седых волос.

– И вы...

– Да, я бабушка этой малютки, – женщина смотрит на мою Матильдочку, но в глазах новоявленной бабули нет и намека на нежность, только арктический лед. – Отдай её мне.

Так нельзя смотреть на маленьких детей. Они пугаются и начинают кричать ещё громче. Так поступает и Матильда. Дочка прижимается ко мне тельцем, дрожит и надрывается так, что впору её голос записывать для сирены пожарной тревоги. Во мне же просыпается волчица, которая горло перегрызет любому, кто посмеет обидеть её чадо. И неважно кто это – огромный тигр или женщина в сиреновом платье!

– Мамочка, я не слышу её мыслей, – раздаётся голос Матильдочки.
– Это... это она следила за нами в парке.

– Какое догадливое дитя, – усмехается женщина. – Сразу видно – чьих кровей. Да-да, не хлопай глазенками, я тоже умею читать мысли.

Матильда от удивления даже перестает плакать. Повисает тишина, в которой слышно, как звенит заблудившийся комар. И частые удары барабана: «Бух-бух-бух!». Лишь спустя несколько секунд я понимаю, что это стучит мое сердце.

– Уйдите прочь! Я не отдам вам дочь, и не мечтайте! – всё-таки мой голос срывается на писк.

Уголок рта у матери королей изгибается в улыбке, будто желтоватая арбузная корка лопается и показывает алое нутро. Если бы айсберг умел улыбаться, то он улыбался бы именно так. Кто же она была? Я копаюсь в памяти, и только одно слово складывается из горящих синим пламенем букв... Оно наплывает и заполняет всю черепную коробку... Буквы теснятся и вырываются наружу, они отражаются в её полыхающих глазах...

ВЕДЬМА!

Теперь уже женщина не просто кривится, а дико хохочет, и визгливый смех режет по ушам, как визг ножа по стеклу. Матильду колотит крупная дрожь, а я...

А я не могу сдвинуться с места!

Что это? Я пытаюсь дернуться и не могу. Пытаюсь произнести какой-либо звук... не получается. Даже подумать нет сил. На меня накатывает паника, какая бывает во сне, когда пытаешься убежать от кого-то и не можешь, а преследователь неумолимо настигает.

Вот также неумолимо подходит эта женщина. Она не торопится, словно наслаждается каждым моментом власти над моим телом. Я чувствую дрожь Матильды, слышу её плач... Ручки цепляются за мой халат, когда эта женщина забирает мою дочку, но что младенец может сделать против взрослой женщины?

Матильда кричит, тянется ко мне, а я застыла, как библейский соляной столб и не могу сдвинуться с места. Только чувствую, как разрывается от горя бешено стучащее сердце и как по щекам катятся горячие слезы. Я... я... Матильда, я сейчас... Сейчас, милая...

Вижу, как женщина в сиреновом платье очерчивает рукой замысловатую фигуру и возле неё образуется горящий синим пламенем овал. В этом овале виднеется темнота коридора и уходящие вниз каменные ступени.

Дочка надрыдается. Она плачет, когда женщина кидает на меня насмешливый взгляд. Она плачет, когда женщина исчезает в синем овале. Она плачет, когда овал испаряется, а на кухне остается лишь клуб белого дыма.

Она плачет...

Уже в моей голове...

Как я оказалась на полу? Это не держат ослабевшие ноги. Я больно ударилась о детский стульчик, но даже не заметила. Я... я пытаюсь подползти к тому месту, где исчезла ведьма вместе с моей дочкой, но... руки не держат. Я как старая развалюха, которой самое место на помойке. Слезы уже не горячие – они обжигают, они кипят. Кто это воет? Я? Да... так протяжно воют волки на луну и я... сидя на кухне.

Сквозь слезы мне кажется, что за окном мелькнуло что-то большое и зеленое, похожее на дирижабль, но только двигается гораздо быстрее. Неужели я схожу с ума? Откуда в Москве дирижабль? Я пытаюсь утереть слезы и вижу, что в окне появляется глаз. Огромный, янтарный, с продольным зрачком. Глаз не вмещается в окно, о размерах владельца остается догадываться и этот глаз смотрит прямо на меня. Это выше моих сил...

Спасительная темнота накрывает меня своим пологом и не дает возбужденному мозгу взорваться.

Молодой красивый человек целует меня и страстно облизывает лицо. Вот это первые ощущения, которые возникают у меня при пробуждении. Конечно же, я не могу позволить ему это делать, ведь мы едва знакомы.

– Нет, нет, Эштон, – отвечаю томно на страсть молодого человека и открываю глаза.

Мефистофель лижет ещё раз мою бровь и толкается лобастой башкой. Пушистая шерсть залезает в нос и заставляет чихнуть. Чихание

проясняет сознание – я вспоминаю, почему лежу на полу и откуда клякса пюре на линолеуме.

– Матильда, – осторожно зову я, ещё не до конца веря в случившееся. – Матильдочка, дочка!

В ответ тишина, лишь урчание кота раздаётся фоном.

Мою дочку украли! Украла матушка этих безумцев из другого мира! И что? Слезы накатывают горячей волной, поднимаются из груди и сами льются на щеки. Мефистофель утешающе тыкается мне в ладонь. Мол, чего ты? Не переживай, заведем новую матрешку-кричалку.

– Отстань, не заведем! Мне эта нужна!

Я стараюсь взять себя в руки, но это так... Так трудно. Куда сейчас? В милицию? А потом сразу в сумасшедший дом? Не плакать! Не плакать!! Не плакать!!! Как же это трудно. Но правду говорят, что слезами горю не поможешь. Нужно что-то делать!

Я подбегаю к книжной полке и сдергиваю книжку, которая испортила мне жизнь. «Оближи меня нежно» – что за дурацкое название? В какой раз поражаюсь обкуренности того, кто это придумал. На первой странице всё также дерутся мускулистый воин и горбатый карлик, но теперь над ними появилась женщина. Та самая женщина – мать двоих этих раздолбаев, а в руках у неё...

Плюшки-ватрушки, в руках у неё Матильдочка!

19.3

На моей дочке невообразимое королевское платье, состоящее из оборочек и кружавчиков. Маленькая корона лихо заломлена набекрень, в глазах вселенская скорбь по несовершенству этого мира...

Но это она!

Матильда...

Ноги снова становятся резиновыми и стремятся согнуться. Комната пытается покружиться и ударить меня полom в лоб, но не тут-то было. Обмороки и слезы оставим на потом, сейчас же нужно прикинуть, как выручать из этой книжки мою дочурку.

Я трясую книгу, я тру книгу, я бросаю книгу на пол – ничего не получается. Если бы она была на аккумуляторах, то их можно было бы зарядить, а так... Почему она тогда заработала? Потому что меня выбрал Всехубьюлибур, а почему она сейчас не работает? Потому что я ему нафиг не нужна. Всё правильно, всё логично, но я не согласна. Я хочу в эту книгу! Я хочу забрать свою дочь!

Глаз! Я вспоминаю глаз, который уставился на меня в окно. Нет, возможно, это всего лишь моя фантазия. Ну не будут же летать глазастые дирижабли в мирное время? Или будут? Ой, так всё запутано, так всё замотано. И эта долбанная книжка никак не хочет запускать меня.

Как там делала жест эта старая... женщина? Я пытаюсь повторить – безуспешно. Пытаюсь ещё раз, тот же результат. Я начинаю махать руками в разные стороны и натываюсь на очумевший взгляд кота. Ему только когтем у виска не хватает покрутить, чтобы описать мое состояние.

Ну и пусть. Коту раздолье – его никто не будет будить по утрам, но мне... Мне-то каково? Я же мать! Я в сердцах швыряю книгу на пол. Вот теперь можно заплакать? Нет! Надо искать выход... вернее вход в тот мир.

КАК???

Я уже начинаю скучать по звучащему в моей голове ехидному голоску. Коричневое кресло охотно подставляет своё сиденье под моё уставшее и разбитое тельце.

Дзиньк! Дзинь-дзиньк!

Что это? Звонок? Из книги? Я бросаюсь к ней, но нет, она всё также остается бумажным изданием. «Асксмо». Довольно известное издательство – и зачем им такой кал издавать? Но нет, зря я грешу на книгу – звонок раздаётся ещё раз и он идет от двери.

Кто жаждет разделить со мной горе? Или это пришла старушка-королева, чтобы вернуть мне Матильдочку? Я даже прощу её, если это будет правдой.

– Простите, Анна, у вас не найдется щепотки соли? А то надумал сварить пельменей, а вот с солью не угадал, – на пороге улыбается сосед сверху. Драмир.

В любое другое время я была бы рада видеть это поджарое тело в джинсах и футболке с коротким рукавом. На мускулистых руках затейливая татуировка в виде чешуи, которая обтекала круглые плашки с рунами.

– Да... Конечно. Сейчас принесу, – я иду на кухню за солью.

– Что-то случилось? – раздается за спиной встревоженный голос.

Когда он успел войти? Я же ему не разрешала! Вдруг, он маньяк? Вот только этого не хватало... Я взглядом нахожу нож. В случае чего –

смогу защититься...

– Не нужно волноваться, Анна! Я не хочу причинять вам неприятности...

Ага, именно такие слова произносят маньяки перед тем, как заняться расчлененкой. Я киваю, и делаю шаг к столу. Драмир поднимает вверх ладони. Они у него чистые-чистые. Даже не похожи на ладони сантехника. И длинная линия жизни, которая протянулась чуть ли не до локтя и потерялась в татуировке.

– Кстати, а откуда у вас взялась тату? Вчера же её не было.

– Какая тату? – переспрашивает Драмир.

Я показываю на... Когда она исчезла? Слово рисунок был нанесен секретными чернилами, и при свете они растаяли. Да видели вы такие, их ещё часто в шпионских фильмах показывают. Но ведь была же татуировка! Была, а сейчас на мускулистых руках гладкая кожа и светлые волоски. Я встряхиваю головой – у меня дочку украли, а я о татушках думаю.

– Извините, вот ваша соль. У меня... Про-простите, – душащие слезы подкатывают комок к горлу, выстраивают баррикаду и берут слова в заложники.

Я пытаюсь налить в стакан воду, но у этой жидкости с легким запахом хлорки свои планы. Она выливается из чайника и попадает на стол, на пол, на штаны соседа – куда угодно, только не в стакан.

Сосед молча перехватывает из моих рук оружие, которым я его замочила, и уверенным движением наполняет стакан. Передает мне. Я слышу, как стекло мелко стучит по нижним зубам. Зато комок пролетает вместе с влагой. Баррикада смята и слова свободны! Но вместо них вырываются всхлипывания.

– Анна, где твоя дочь? – берет за плечи сосед и ощутимо встряхивает.

Я не в силах ответить. Зато отмечаю, какие у него теплые ладони. И глаза... Черные глаза завораживают и стараются поглотить. Смотрю и вижу черноту космоса сквозь дырочки на привлекательном лице.

– Хорошо, присядь. Я сейчас сам всё узнаю, – сосед подвигает мне тощий кухонный стул.

Сажусь на стул и слежу за его приготовлениями. Будто в цирке. Сосед раскидывает по полу соль (для чего только давала?), потом плещет на белые полоски остатками воды и чего-то бурчит под нос.

Всхлипы иногда пробегают по телу, но я стараюсь не мешать. Понимаю, что не так-то прост этот «сантехник», каким хотел показаться возле светофора. Совсем не прост и на самом деле были татуировки. Были!

Между тем соляные крупинки начинают подниматься в воздух и образуют небольшие фигурки. Я даже отодвигаю ноги, чтобы случайно не раздавить их. Плюшки-ватрушки, это же я! А эта маленькая крошка – Матильдочка. Я кормлю её и... Вот появляется королева. Маленькая фигурка, которая изображает меня, хватает Матильдочку на руки, а королева забирает дочку и пропадает в овале.

Снова я переживаю те же эмоции, что и раньше. Снова у меня отнимают дочку. И снова глаза застилают слезы. Я чуть ли не заталкиваю их обратно – дочке слезами не поможешь.

– Эх, я же предупреждал. Я же писал, ну неужели нельзя было поставить элементарную защиту от проникновения?

Это он мне говорит? Какую защиту?

– У нас хорошая дверь, – лепечу я в ответ.

– Анна, ты же женщина, которая вышла из замка. Значит, должна знать основные заклятия и заговоры. Эх...

– Чего ты разъехался? – на меня неожиданно накатывает злость. – Эхает он тут. Ну какая я ведьма? Я в том замке пробыла то с гулькин нос. Меня два короля... В общем, была я там недолго. Я ничему не успела научиться. Хлопаль записал меня обратно в книгу и всё, больше ни слуха, ни духа. До сегодняшнего дня. А сегодня эта... вот не хочу ругаться, а других слов подобрать не могу.

– Верховная ведьма, – подсказывает сосед.

– Кто?

– Да-да, верховная ведьма. Не думаешь же ты, что у короля волшебной страны может быть другая жена?

– У нас ведьмами обычно называют старух, которые портят скот и делают любовные заговоры. Ну, или сварливых жен...

– Ладно, потом разберемся в определении этой женщины. Сейчас же я должен тебя спросить – ты хочешь пойти со мной в мир Коратурия?

Вот если вы получали удар под дых, то сможете понять ощущение, которое я испытала. У меня перехватывает дыхание, и сердце пытается разломать тонкие косточки ребер, чтобы выбраться наружу. Он ещё спрашивает...

– Конечно же хочу. Моя дочка там, а ты такие вопросы задаешь! Ты можешь перенести меня в тот мир?

Вместо ответа сосед падает на колени и дует на соль. Крупинки взлетают в воздух маленьким тайфуном, который увеличивается в размерах и затягивает меня внутрь. Я невольно зажмуриваюсь, чтобы соль не попала в глаза...

– Мя-а-а-а-у-у-у! – истошный вопль кота это последнее, что я слышу.

История двадцатая, в которой я снова оказываюсь в Коратурии

Я стою на своей кухне. Да, я стою именно на своей кухне с закрытыми глазами, а мою кожу щекотят летающие крупинки соли. И нет никакого перемещения и нет никакого волшебства. Это всё гипноз. Обман!

Но почему же тогда в мои ноздри нахально лезет терпкий запах желудей? Это духи сантехника Драмира? Всегда думала, что сантехники пахнут иначе... Работой, что ли?

– Анна, ты можешь открыть глаза, – раздается голос Драмира. – Приветствую тебя в моем доме.

Это что? Он успел меня в свою квартиру перенести?

Я открываю глаза, и мат пытается вылезти наружу. Но я же работаю с детьми, поэтому научилась бранные слова запихивать назад. С моих губ срываются лишь эквивалентные по содержанию фразы:

– Ох, и ничего себе. Я офигеваю!

И было отчего офигевать – вместо моей маленькой, но такой уютной кухни появилась полянка. Настоящая полянка с одуванчиками, васильками, кустиками черники и осокой. Её окружали стоящие частоколом мрачные дубы. Под сенью листьев таится непроглядная тьма, хотя на самой полянке растения радуются свету и принимают солнечные ванны. Пахнет дымом и жареным мясом. Бараниной.

Мы всё-таки в Коратурии, в мире, где сражаются два отца Матильдочки, где офигевшая напрочь бабуля держит мою дочку в плену.

– Матильда! Матильдочка, дочка! – делаю я мысленный позыв, но в ответ тишина.

И запах баранины.

Я принимаю и стараюсь найти источник запаха. О как! В десяти метрах от нас у костра сидит тощий, как вязальная игла, человек

с синим цветом кожи. Ему бы ещё косу на лысый череп и раскраску на сплющенное лицо – вылитое синее существо на`ви из фильма «Аватар». Одет в серо-коричневую хламиду, на ногах кожаные обмотки. Из-за спины выглядывает околыш лука. В руках стрела с насаженными кусками мяса. Ещё парочка стрел шкворчит кусочками на небольшом костре.

За человеком высится бревенчатая изба из сказок Роу. Ей бы куриные ножки и горбатую бабу в лохмотьях на ступени – вот тогда бы я сказала: «Чуфырь-чуфырь!»

– Привет, Зверобой! – говорит Драмир и синий человек улыбается гнилыми зубами.

– Привет тебе, Драмир, привет. Тебя не было пять лет, сейчас возник, ещё и с бабой. Зачем приперся, дай ответ? – скрипучим голосом отвечает синий повар.

– Не обращай внимания на его чудаковатую речь, – поворачивается Драмир ко мне. – Зверобой большой поклонник монорима, вот и старается фристайлить в стихах.

– Круто, – киваю я в ответ. – Поэт в... Коратурии? Ага, поэт в Коратурии – больше, чем поэт. Меня Анна зовут.

– Мое имя Зверобой. Рад познакомиться с тобой. Хочешь жрать? Я вижу – хочешь. Тогда сбегай за водой!

Синий повар кивает на бадью, потом его голова мотается в другую сторону, где на краю поляны с высокого валуна бежит ручеек. Бадья похожа на ту, которой Емеля выловил щуку. Так и кажется, что ещё чуть-чуть и высунется острая морда, щелкнет зубищами и предложит волшебные слова. Мне долго не давала покоя мысль – если щука была такая офигенно всемогущая, так почему же она не сказала: «По щучьему веленью, по моему хотенью, иди-ка ты, Емеля, в баню, а меня отпусти обратно»? Нелогично как-то. По-сказочному.

– Вообще-то я тут по другому делу, а не для того, чтобы за водой бегать, – отвечаю я повару.

Сразу себя не поставишь – потом залезут и ножки свесят. Нет, сперва надо показать свой нор, а уже потом разговаривать. Нет, ну а что? Так все нормальные попаданки делают. Попадают в другой мир и сходу начинают борзеть. Ни разу не встречала книжку, где написано, что попаданка устроилась в замок кухаркой, вышла замуж за конюха, прожила беспросветную жизнь, нарожала кучу детей и умерла, так

ничего и не сделав. Да, это было бы логично... но так ску-у-учно.

– Ох, вот это поворот! Что за жеваный же крот? Я сказал – по воду сбегай. Иль шуруй на разворот! – лицо Зверобоя хмурится и превращается в печеную картошку... синюю печеную картошку.

– Анна, лучше сходи, а то он замучает своим высоким слогом. Это мой слуга, но порой я сомневаюсь – кто из нас господин, – тихо шепчет Драмир и, видя, что я колеблюсь, добавляет. – Сходи-сходи, я зачаровал бадью, и она будет легче пушинки. А потом сядем, позавтракаем и будем решать – как нам выручать из беды твою дочку.

Вот же умеет давить на больное. Ещё и улыбается, гад. Знает силу своего обаяния и нагло им пользуется. Я беру сказочную бадью и шлепаю по направлению к ручейку. Хорошо ещё, что в этот раз на ногах сланцы, и не больно идти по траве и мелким сучьям. Зато на теле халатик... Вот почему я в Коратурий всегда прихожу в халатике? Это что – карма такая? Я предпочла бы появиться здесь в бронежилете и с гранатометом подмышкой.

И в танке!

Гладкий голыш поставлен «на попа» и из его верхней части торчит медная трубка. С кончика трубки вниз струится кристально-чистая вода. Какая прелесть. Я отнесла бы этот фонтанчик к природным, но по его каменным бокам нанесены такие наскальные рисунки, что пещерные люди вымерли бы от зависти задолго до динозавров.

Что это? На куске камня разворачивается настоящая трагедия: огромный дракон парит возле горящего замка; люди в панике бегут; коровы поражают выпученными глазами; на верхушке самой высокой башни горделиво воздевает меч огромный рыцарь.

А что там дальше? Я чуть сдвигаюсь вправо, к новому рисунку. На новом каменном рисунке дракон замахивается ногой, как красавчик Криштиану Роналду при пробитии пенальти. Рыцарь уже не очень гордый, можно даже сказать испуганный, если пытается смяться с башни. Коровы оглядываются на это действие. Люди тоже оборачиваются.

Я делаю шаг дальше. Чешуйчатая лапища дракона выбита крупно, как и пятая точка металлического героя. Чуть выше выбиты звездочки и слово: «Бдыщ!»

Шагаю. Следующий кадр каменного комикса показывает улетающего рыцаря, из его рта вырывается облачко, в котором четко

видна одна буква: «А-А-А-А!!!» Дракон поднимает вверх лапу и оттопыривает два пальца, образуя букву «V». Люди ликут, коровы свистят в копыта.

Я шагаю дальше и снова оказываюсь возле первой картинки. Красота и простота минимализма. Ни грамма лишнего, всё понятно и очевидно. Правда, в моем мире обычно всё рисуют наоборот, но это же не мой мир.

20.1

Какая же чистая вода! Солнечные лучики беззастенчиво купаются в ней голышом. Я пробую жидкость на вкус и кажется, что лизнула тот самый айсберг, о который споткнулся «Титаник». Даже мозг застывает и покрывается корочкой, какая образуется поздней осенью на лужах. Зубы ноют и просят удалить все нервы. Я секунд пятнадцать исполняю танец индейского шамана, пытаюсь согреть обмороженную полость рта.

– Анна, хватит танцевать! Пора воду набирать! Ты там так и будешь прыгать, а нам от жажды помирать?

Догадайтесь – кто меня так позвал? Думаю, что угадаете с двух раз, так как эти великовозрастные шалуны покатываются со смеху, наблюдая за мной. Могли бы и предупредить о температуре воды. Ну ничего, я ещё успею им отомстить. Сейчас же молча глотаю обиду и наполняю бадью подлой жидкостью.

Эх, Матильдочка, сколько мне ещё придется вытерпеть ради тебя... Надеюсь, ты это оценишь, когда я тебя освобожу. А в том, что я освобожу дочку, нет никаких сомнений. Освобожу и точка! Хотя мне придется переплыть море из такой вот ледяной воды.

– Анна, прости, что не сказал о воде, но мы уже как-то привыкли, – пытается скрыть улыбку Драмир.

Ладно-ладно, я не злопамятная – отомщу и забуду... Если не забуду, что уже отомстила. Кадушка с водой оказалась и взаправду легкой. Хотя в чем-то не обманули.

– Ну что вы, мальчики, я так радовалась, что дракон на камне победил. А кто это выбил?

– Это Зверобой постарался, у него творческие способности иногда зашкаливают.

Синий человек подбоченивается и кидает на меня хвастливый взгляд. Мол, знай наших! Он так напоминает того самого рыцаря на высокой башне. А во мне клокочет досада, словно пламя у дракона. Ну

что же – не надо было надо мной смеяться.

– Нет, фигово сделано. У меня Матильдочка лучше выбьет!

Какое же удовольствие наблюдать за тем, как сникает синий стихоплет. Даже зубы ныть перестали. Зверобой шмыгает носом, трясет головой и фыркает.

– Обидеть художника каждый рад, то не так выбил, то не тот взгляд. И всяк в ошибки носом тычет, как завзятый бюрократ.

– Ладно-ладно, не переживай. У нас многие писатели так делают – допускают специально ошибки, а читатель им на них указывает и считает себя умнее писателя. В итоге оба получают удовлетворение, один оттого, что порадовал человека, а второй оттого, что помог человеку исправить ошибку, – мне становится немножечко стыдно. Совсем чуть-чуть.

– Не переживай, Зверобой. Анна не со зла так сказала, у неё дочку украли, вот она и готова кидаться на кого попало, – Драмир хлопает Зверобоя по плечу, отчего тот едва не ныряет носом в костер.

– А-а, тогда понятен разговор. Украли дочку? То позор! Таких людей топить в болоте... Кстати, а известен вор? – синий повар воспрял духом.

– Верховная ведьма, мать Хлопаря и Шлепаря, – вздыхаю я.

– Ларинджина? Вот так да! Плохо, горе и беда! Из её лап никто не вылез. Это та ещё пи...

– Зверобой! – окрикивает его Драмир. – Не смей ругаться, среди нас дама!

– Пикша! – с ударением на последнем слоге произносит хитрый художник. – Это же не мат! Это рыба, ей я рад. Ларинджина как та рыба, ведь у неё такой же взгляд!

Я улыбаюсь, и беру из рук синего повара стрелу с насаженным мясом. Он реабилитирован в моих глазах, а вот Драмиру ещё придется ответить за утаивание температуры воды.

Терпкий дым костерка отгоняет жужжащих комаров и от него слегка першит в горле. На листья салата выкладываются ломти коричневого душистого хлеба. К нему прижимаются красные шарики помидор, вытягиваются во весь рост хрустящие огурцы, рядом сочные луковицы раскидывают ароматные зеленые волосы. Петрушка и укроп поражают размерами – такими вениками можно париться в бане. Чудесный запах баранины щекочет ноздри. Я чувствую, что ещё

немного и захлебнусь на траве. Захлебнусь от слюны, которая ведрами выделяется при виде пиршества. Позавтракать я так и не успела, а перемещение в пространстве вызывает зверский аппетит.

Шкворчащие кусочки с капающим жиром оказываются настолько восхитительны, что я едва не проглатываю язык. Ощущение, что горячий жир струится по щекам, в нос бьет сбивающий с ног аромат, а рядом находится один из красивейших мужчин на свете... (Отнюдь не Зверобой) Мда, это ни с чем несравнимое ощущение.

Если бы ещё Матильдочка была рядом. Эх...

Как только я глубоко вздохнула, то увидела в зарослях осоки в пяти метрах от нашего пиршества одну интересную деталь. Вот выбивается она из общей картины. Не к месту эта деталь, как не к месту «Камаз» в пятнадцатом веке. Как бы не тянула меня половина ароматно пахнущих кусочков, но я преодолеваю силу притяжения и подхожу к лишней детали лесного интерьера. Мужчины с интересом смотрят на меня.

– Что-то не так, Анна? – спрашивает Драмир, когда я нагибаюсь над травой.

– Да, что-то не так. Откуда это?

Я показываю желто-бордовую спицу, такой ещё бабушки вяжут внукам носочки и шарфики. Вот только по телу спицы идут странного вида руны. Вроде бы и буквы, а в то же время символы.

– Я не знаю, – невнятно отвечает Драмир. – Когда мы наткнулись на эту избушку, то возле неё валялась гора волков-оборотней, перевертней. В самой же избушке нашлись разномастные вещи. Будто тут какое-то время жили трое взрослых и ребенок. Половину трупов растащили вороны и звери, а остальных мы зарыли подальше от избушки. Ишь ты, а вот ведарскую иглу и не заметили.

– Какую иглу? – я непонимающе верчу в руках холодный предмет.

– Охотников на оборотней, ведарей. Скорее всего, тут произошла большая битва, жаль, что мы не увидели её. Говорят, что ведари почти непобедимы и неустрашимы. Я бы пообщался с одним из них тет-а-тет, – Драмир подмигивает Зверобойю, а тот хмыкает и вливается в очередной кусок.

20.2

Я сую иглу в карман, и она тут же прорывает ткань, стремясь выбраться наружу. Приходится заколоть за ткань. Как красиво стерженок переливается на солнце...

Ай, зараза! Пока я любовалась, ко мне сзади неслышно подскочил представитель комариного племени и с размаха жахнул в шею. Вот же вампирюга чешуйчатокрылая! Как представлю, что эти кровососы живут на Земле уже 145 миллионов лет, так страшно становится – это сколько же они крови выпили за это время? Величиной с Тихий океан?

– Полюбил тебя комар. Для него ты суший дар! Ходишь тут, сверкаешь попой, подставляешь под удар, – хохочет Зверобой.

Да уж, для прогулок по лесу я неподобающе одета. Пока фигуру окутывал дым костерка, то он отгонял насекомых, но вот после... Не потащу же я с собой угли, чтобы отмахиваться от гнуса, как поп кадиллом от чертей!

– Ты говоришь, что в избушке есть вещи взрослых? – обращаюсь я к Драмиру.

– Да, видимо уходили в спешке, поэтому всё побросали. Возможно, что-либо себе подберешь.

Вы никогда не были в охотничьем домике? В том месте, где можно переждать непогоду и не умереть с холода? Я до этого не была. Зато видела в фильмах: широкие дубовые столы и плетеные кресла-качалки; медвежьи шкуры на полу и олени рога на стенах; огромные фотографии, с которых улыбались пионеры, чьи ноги покоились на поверженных жертвах. Так вот, уверяю вас, что в настоящих домиках совсем не так.

Меня радостно встречает облако пыли, которое стремится обнять, расцеловать и забить все поры. Когда я прекращаю чихать, то имею редкую возможность наблюдать обстановку гастарбайтерского вагончика. Три топчана с лохмотьями вместо одеял; колченогий стол, который просто умоляет его пристрелить; обаятельные скамейки, которые по возрасту древнее мамонтов; пузатая буржуйка улыбается беззубым жерлом.

Посреди всей этой затхлости и бедности висит детская кроватка. Неужели здесь ещё был ребёнок? Сразу вспомнился мультик, где волк выметал избу со словами: «Детям чистота нужна... Ребёнки, они в грязи расти не могут...» Оказывается, что могут. На столе лежит книжка. Хм, неужели «Сказки для взрослых» читали ребенку? Два ружья у кроватки намекают о том, что жившие тут люди могли читать что угодно и кому угодно.

С вещами зато повезло – нашлись женские джинсы и блузка.

Великовато, но, как говорил наш преподаватель по культуре словесности: «На безрыбье и русалку раком». Обычно он так говорил о тех, кому с трудом натягивал трючку. Я же выхожу под светлые очи в женском подобии барда – хоть сейчас в руки гитару, в зубы сигарку, на щеки щетину.

Эти двое сначала переглядываются, а затем разражаются хохотом. Зверобой даже валится на спину и дергает ногами в воздухе. Досадно, но если сейчас показать, что обижаюсь, то потом не упустят случая подколоть.

– Я тоже полчаса смеялась, потом устала. Явно шмотки не от Кардена, зато комары не прокусят. Кто же здесь жил? – нужно перевести тему и соорудить умную мордочку. – Кроватка там очень хорошо сделана.

– Не знаю, Анна. Кроме сказок там ничего не осталось. Была ещё фотография... но по ней ничего нельзя разглядеть. Слушай, мы со Зверобоем посоветались и решили, что сами с королевой ведём вряд ли справимся. Силенки слабоваты. Надо бы у знающего человека совета спросить, – поглаживает набитый живот Драмир.

– Да уж, коль ты дурачок. Прост, как гороховый стручок, то обращайся сразу к магу. Он к раздумьям даст толчок, – глубокомысленно изрекает Зверобой.

– И?

– Чего «и»? – переспрашивает Драмир.

– Вот ты подал идею про знающего человека. А где его отыскать? Не у Зверобоя же спрашивать? Нет-нет, не надо кукситься и пытаться изобразить оскорбленного Пушкина. Я не Дантес и стреляться не буду. Мы тут уже полчаса и пока ещё не продвинулись ни на миллиметр в поисках Матильды! А вдруг она там... – пара всхлипов всё-таки вырываются из груди.

– Извини, Анна. Ты же не знаешь, что Матильда нужна королеве для свержения своих незадачливых сыновей. Тогда она останется опекуницей наследницы престола. Это нескорое дело, так что около месяца у нас ещё есть в запасе. Не плачь – мы что-нибудь придумаем. Да, мы по-глупому повеселились, извини. Давно друг друга не видели, вот и подурачились. Мы пойдём к колдуну Корню, он старик башковитый, он должен помочь, – негромкий голос Драмира успокаивает, завораживает, расслабляет.

– Тогда чего мы сидим? Пошли быстрее к этому, как его, Корню?

– Только закончился обед, а как завещал старик Архимед...

– Я тебя ударю по лбу!

– Ну чего ты? Нет, так нет! – испуганно поднимает руки вверх Зверобой.

– Давайте так. Я никого с собой не зову! Если надо, то с голой пяткой выйду против волшебной палочки. Если вы хотите помочь, то помогайте, а не задерживайте. Мы одолеем вместе любого врага и справимся с любым препятствием. Выдвигаемся через пять минут! Согласны? Вот и хорошо! Я верю в вас, мои доблестные защитники. А сейчас это... покажите, где у вас тут удобства?

– Вон там, в кустиках. Если увидишь что-либо страшное, то кричи.

Чего можно увидеть страшного в кустах? Я видела только милого ежика и пару подосиновиков. Зато, когда выхожу обратно, то обнаруживаю всю опергруппу готовой к выходу. Даже костерок потушили и закидали землей. На плечах котомки, на лицах решимость. От пиршества ни следа не осталось.

– Слушайте, ребята. А как мы пойдём, без оружия? – задаю вполне естественный вопрос.

– Ну, у Зверобоя есть лук, а я отберу у кого-нибудь меч, – беспечно пожимает плечами Драмир и белозубо улыбается. – Не беспокойся, и тебе найдем ножик. Ты им будешь защищаться от разных страшных монстров, а на привале будешь давать в зубах поковыряться.

Я ничего не отвечаю, лишь гордо вздергиваю подбородок и иду навстречу солнцу. Спустя десять шагов понимаю, что за мной не слышно топота ног. Оборачиваюсь. Мужчины стоят на месте и ковыряют носками зеленый дерн, даже посвистывают.

– Ну чего вы? Идемте же на поиски Корня!

– Да, но нам в противоположную сторону, – невинным голосом отвечает Драмир.

Я пытаюсь вложить во взгляд как можно больше негодования, но в итоге машу рукой и командую им двигаться первыми. Пусть показывают дорогу, а я буду храбрым арьергардом.

История двадцать первая, в которой мы встречаем шепелявого оборотня

Долго сказка сказывается у эстонского сказочника, да быстро дело делается при принятии закона об увеличении депутатской зарплаты.

Бредем мы лесом дремучим, лазим по кустам колючим, отдаемся на прокорм комарам подлючим. Эх, Матильдочка, знала бы ты – на какие лишения идет твоя мамуля...

Матильду я постоянно пытаюсь вызвать могучим телепатическим ревом, но безуспешно. Или дочка от меня очень далека, или рев не такой уж и могучий.

– Не переживай, Анна! Ничего с ней не случится. Мы найдем Корня, узнаем, как навалить Верховной ведьме и освободим твою дочурку, – оборачивается Драмир.

– А где мы его найдем? Ты знаешь?

– Корень в старой пещере живет, вместе с ним обитает там кот. Колдун будет рад нас видеть, а вот тебя может... пошлет.

Я даже запинаюсь от такой перспективы – переться неизвестно куда за возможностью быть посланной? Ну, ничего себе, заявочки...

– Куда это он меня пошлет? Да я ему сама могу организовать эксклюзивный эротический пеший тур. Да я...

– Анна, не кипятись. Зверобой скорее всего оговорился. Никто тебя никуда посылать не будет, а если и пошлет, то только за нужными вещами. Так что...

Как именно Драмир хотел закончить свою речь, мне так и не удалось узнать, так как в этот момент прозрачный воздух доносит до нас волчий вой. Резкий, отчаянный. Так может провести ножом по кафельной плитке безумный маньяк, когда подкрадывается к жертве. У меня поджилки где-то под печенью покрываются инеем.

– У вас тут водятся во-волки? – я не в силах сдержать икоту.

– Нет, во-волки у нас водятся чуть дальше. Это, скорее всего перевертень заблудился. Надо бы ему объяснить, что сюда нечего соваться.

Драмир подбирается, словно гепард перед прыжком. Лицо становится строгим, как у директора школы перед отчетной комиссией. Из ножен на поясе он вытягивает длинный сверкающий нож, больше похожий на короткий меч римлянина. Зверобой вытаскивает стрелу и кладет её на тетиву лука. Он ещё больше становится похож на инопланетное существо из «Аватара». Мужчины вышли на тропу войны. Прямо заглядение!

Я же оглядываюсь по сторонам и поднимаю замшелую корягу. На всякий случай. Коряга скользкая и липкая. Кора слезает коричневыми

лопухами.

– А кто такой перевертень? – шепчу я вовсе не потому, что страшно, а потому что... тихо как-то в лесу стало.

И в самом деле – птицы смолкли, ветви перестали переплетаться между собой и потрескивать. Трава прекратила шелестеть. Даже ветер спрятался в кусты боярышника и не показывался оттуда. Вой прозвучал ещё ближе. Я крепче сжимаю деревяшку. Зубы выбивают чечетку. Из маленького дупла вылез черный усатый жук, похожий на нашего управдома. Он очумело крутит башкой и прячется обратно, ну вылитый Семен Павлович.

– Перевертень – это оборотень. Человековолк. Если кинется из кустов, то падай и закрывай голову руками. Может, не укусит, а всего лишь пнет пару раз, – советует Драмир.

Ага, вот только пинка оборотня мне для полного счастья не хватает. Фигушки! Перехватываю корягу на манер бейсбольной биты и внимательно оглядываю кусты. Вдруг и взаправду выпрыгнет?

Вой раздаётся справа от нас. Раздаётся так близко, будто оборотень сидит в дупле вон того здорового дуба и воет в мегафон. А после тракторное рычание доносится уже с другой стороны, из кустов бузины. У меня внутри не только поджилки холодеют, а вообще все внутренности слипаются в один кусок льда. Ещё икота появляется, будто мало других забот.

– Ма-ик-альчики, не оста-ик-авляйте меня, пожалуйста.

– Конечно-конечно. Мы и тебя не оставим и его защитим. Перевертни сейчас вымирают, беречь нужно. Вдруг ты его поцарапаешь? – улыбнулся Драмир.

Так бы и пнула его за такие слова. Вот видит же, что меня колотит от страха, словно Паркинсон принял в свои объятия и не отпускает. Вредный какой. Но я сдерживаюсь, лишь делаю шаг ближе к ним. Всё же ближе к мужчинам. Зверобой шарит по кустам глазами, тетива звенит тоненько-тоненько, как беременная комариха при родах.

– Не мешайся под рукой, и не стой под стрелой. Если хочешь быть полезной, то возьми и песню спой, – шипит в мою сторону Зверобой.

– Че-ик-его? – я чувствую, как от удивления брови взлетают к корням волос и путаются в прядях.

– А чего? Музыка их успокаивает. Давай какую-нибудь колыбельную? Вдруг усыпишь зверюгу? – пожимает плечами Драмир. –

Я бы сам спел, однако пою громко, но противно. От такой колыбельной хочется не уснуть, а утопиться.

Я смотрю на этих людей и понимаю, что они это говорят вполне серьезно. А рычание меж тем становится всё ближе. Оно обволакивает нас и звучит со всех сторон, как музыка в кинотеатре. Судить по звуку – оборотень размером со слона. И клыки у него должны быть с мою руку величиной. Песню им? Будет им песня.

– Скрылось солнышко за лесом,
Последний луч ушел за край.
Пушистый котенок споет тебе песню,
Баю-бай, баю-бай, баю-бай.

Я не могу ручаться за свой голос, но он у меня так предательски дрожит, что я почти ощущаю, как голосовые связки бьются друг о друга. Зато допеваю куплет до конца. Вы не представляете – рычание смолкает. Может, от удивления.

Драмир и Зверобой переглядываются, удивленно смотрят на меня и... сгибаются от хохота.

– Анна, мы же пошутили! Аха-ха-ха-ха! Ну и гораздо же ты пищать...

Краска кидается в лицо. Ух, как я сейчас на них зла! Набираю в грудь воздуха, чтобы отчитать этих шутников, и тут же весь расходую на дикий визг. Нет, не просто так, а потому что на меня с расстояния в пару метров прыгает серая туша.

21.02

Краска кидается в лицо. Ух, как я сейчас на них зла! Набираю в грудь воздуха, чтобы отчитать этих шутников, и тут же весь расходую на дикий визг. Нет, не просто так, а потому что на меня с расстояния в пару метров прыгает серая туша.

Огромный серый волчара падает в травушку-муравушку и зажимает огромные уши лапищами. Хотя, какой это волчара? Скорее мутант какой-то, вроде черепашек-ниндзя. Только не черепаха, а волк. Я продолжаю упоительно назвизгивать.

С большого дуба падает скворец. Очумело оглядывается по сторонам, видит меня и крутит крылом возле виска. Похоже, что пытается честь отдать. Откуда-то издалека доносится крик:

– Анна-а-а, пре-е-кра-а-ти-и!

У меня как раз заканчивается воздух в груди, но энтузиазма ещё

много, поэтому я ещё раз глубоко вдыхаю и слышу, что крик раздается уже рядом:

– Анна! Перестань!

Я невольно выпускаю воздух – лети, родной. Кто же это смеет меня отвлекать от заслуженного визга?

Оказывается, что я немного перестаралась... Совсем чуть-чуть. Мои спутники лежат в той же самой позе, что и напавший получеловек-полуволок, но в отличие от него они ещё и шевелятся. Нападавший же не подает признаков жизни, если не считать тонкую струйку слюны, стекающую из пасти.

– Я увлеклась?

– Да уж, волчик был немного туп. Лучше б врезался он в дуб, чем на тебя из кустов прыгать. Поможешь нам заныкать труп? – чуть заторможено отзывается Зверобой.

– Как труп? Я же совсем немного покричала, – я растерянно оглядываюсь на Драмира.

– Чего ты на меня смотришь? Я не из Гринписа, так что ругать не буду. Голосище у тебя знатный, до сих пор в ушах звенит. А вон тому соловью ты и вовсе нанесла контузию.

Я оборачиваюсь на сбитую птицу. Птаху рвало на родину. То есть тошнило на дуб. Малоприятное зрелище, мне даже стало немного стыдно. Зато радуюсь, когда серый оборотень шевельнулся. То есть сперва радуюсь, а потом с тихим поскуливанием прячусь за Драмиром и его другом.

– О как, а он оказывается живой. Ну ничего, сейчас чик! и станет мертвым, – Драмир с хищным оскалом начинает приближаться к перевертню.

Получеловек-полуволок мотает лохматой башкой так сильно, что блохи разлетаются с крайне недовольными криками. Точно также болтает головкой и контуженый соловей.

– Не надо сик, – жалобно просит оборотень

– Чего не надо? Каких сик? – переспрашивает Драмир, поигрывая кинжалом, как завзятый абрек перед приготовлением шашлыка.

– Да не сик, а сик!

– Да каких сик-то?

– Не каких, а какого – вообще никакого сик не надо.

– А-а-а, – догадываюсь я. – Это у тебя такой дефект дикции?

Сепелявись?

– А ты сего дразнишься? Попробовала бы поговорить с такими зубисьями, я бы на тебя посмотрел. Эй, мусина, убери свой носик, а то я боюсь. А когда я боюсь, то напинаю плохо пахнуть.

Жлобина больше двух метров ростом, зубищи, как мои пальцы. Лапицей может меня пополам переломить... и боится.

– А чего ты сам бросаешься на людей? Чего ты пугаешь? – грозно нахмуриваюсь я.

Когда я грозно нахмуриваюсь, то даже сама себя иногда пугаюсь. Волчара тоже задрожал.

– Страсно было, вот и ресил напугать. А ты висять насяла... Птиську мою контусила... – огромная лапища любовно гладит серые перышки. Соловей шатающейся походкой забирается на лапу оборотня и пьяно добирается до плеча, где без сил падает на спину.

– В самом деле, Анна. Надо всё-таки аккуратнее. Не на продавца помидор кричишь, а на реликтовое существо. Их беречь нужно, чуть ли не на руках носить, – хмыкает Драмир.

– Я не хотела. Так само получилось. Чего оно само на меня как выскочит, как выпрыгнет. И «птиська» его сумасшедшая, и сам он дурак, хоть и оборотень, – обижаюсь я на такие несправедливые замечания и отворачиваюсь от неблагодарных мужчин. Для них же стараешься, а они...

– Ты как, бедолага? – с участием спрашивает Драмир.

– Усе лучше. Вот только не крисите больсе, посалуйста, – умоляющим голосом произносит оборотень. – А то птиська тосе пахнуть будет.

Я фыркаю. Нет, мне птичку жалко, но если вспомнить, как эта зверюга выла и пугала нас... Я отхожу с видом оскорбленной королевы. С таким же видом срываю малину и бросаю её в рот. Вот так вот я умею кусать...

Да что же за день-то такой сегодня? Вместе с ягодой ко мне в рот попадает клоп. Кто пробовал на вкус это насекомое, тот поймет, что я в данный момент нахожусь отнюдь не на седьмом небе от счастья. Но не покажу им! Ни за что не покажу. Выплюну в сторонку и сорву ещё одну ягодку... чтобы заглушить вкус предыдущей.

Опять невезуха! Уже готова выть и ругаться. Возможно, даже матом. Рот полон запаха дешевого коньяка. Нос чувствует, что весь мир

пахнет клопами. А на душе так плохо, что хоть плач.

– Анна, если ты наелась клоповьей малины, то подходи ближе, мы уже успокоили зверюгу.

– Как клоповья малина?

– Так, это малина со вкусом клопов. Колдуны её разводят, чтобы настойки делать. Говорят, что иногда получается не хуже «пяти звездочек».

– И вы молчали? – я захлебываюсь от возмущения.

– Мы думали, сто ты снаесь, – скалится огромными зубищами оборотень.

Я фыркаю на этих недотеп и полуволка. Вот и чего они такие ехидные? Чего я им сделала? Нет, что сделаю в дальнейшем – знаю точно, но сейчас-то из-за чего? Подумаешь, голосом оглушила. Так это от испуга. Не виноватая я, он сам вырвался. Я думаю так, злюсь и потихоньку обрываю кустик с вонючими ягодами – кому-то сегодня достанется вкусная каша. Нет, я не злопамятная – отомщу и забуду. Если не забуду, что уже отомстила...

21.03

– Скажи-ка нам, волколак, ты зачем возник вот так? Мы тебя могли и грохнуть, понимаешь ты сей факт? – тем временем Зверобой протягивает обратню флягу с водой.

Зверюга асфальтового цвета благодарно кивает и одним махом выдувает фляжку. Только торопливые бульки разносятся по поляне. Блестящие капельки остаются на бороде, такое можно увидеть у собаки, когда та лакает из лужи.

– Я се говорю – напугался. Давно людей не видел. И хотел вас напугать, стобы вы как мосно быстрее отсюда убрались. Тут мои семли, тут моя отсисна, – вздыхает лохматый путешественник.

Соловей начинает потихоньку шевелиться. Мне кажется, или он в самом деле соорудил фигуру из трех перьев и исподтишка показывает в мою сторону?

Я уже набрала полный карман ягод. Пусть карман будет испорчен, зато моя месть будет очень коварной. Сегодня вечером кому-то придется горько пожалеть о насмешках надо мной. И это сожаление в самом деле будет очень и очень горьким. Из груди вырывается смешок:

– Муахихик!

Видимо, я слишком громко выражаю свои эмоции, если существа

на поляне вздрагивают и поворачиваются ко мне.

– Снаете, луссе я пойду, а то у вас какая-то девушка странная. Покусает есё, а мне потом придется уколы ставить от бесенства... – задумчиво говорит оборотень, посматривая в мою сторону.

Нет, не показалось. Соловей и в самом деле показывает фигуру из трех перьев. Ещё и клювиком щелкает, пичуга неразумная. Почему-то захотелось подойти к неё и гаркнуть на ухо, чтобы окончательно прочистить то, что этот певец полей и роц считает мозгом.

– Не обращай внимания. Она у нас смиренная, особенно по ночам, когда спит зубами к клену, – машет рукой Драмир.

– А у нас тут нет кленов, и вообще, кроме дубов и сосен только бересы и тополя.

– Что же, значит остается вам только посочувствовать. Примите добрый совет – держитесь от нас подальше и тогда доживете до преклонной старости. Кстати, а почему с тобой соловей?

– Прибилась птаха, вот и коротаем с ней время. Срет немного, так что не объедает.

– Чего делает? – не могу я удержаться от смешка. Нет, понимаю, что над «фефектами фикции» смеяться грешно, но порой эти «шепелявики» такое выдают.

– Кусает мало, – отвечает смутившийся оборотень.

– А чем она кусает? Зубов-то нет, – я мстю и мстя моя страшна. Соловей и из второго крыла слепил знакомую фигуру. Я мило улыбаюсь.

– Ест она по суть-суть. Ну сего она снова драснитса? Пусть перестанет, а то я обисусь и уйду, – оборотень поворачивается к Драмиру.

Мой сопровождающий исподтишка подмигивает мне, а сам сочувственно кивает оборотню, даже гладит его по макушке, отчего хвост оборотня дергается пару раз.

– Она больше не будет. Правда, Анна?

Приходится скромно потупиться и кивнуть. Всегда улыбалась над этой фразой «скромно потупиться». Тупить порой так приходилось... и скромности там было такое количество, что ни вздохнуть, ни охнуть.

Мой творческий бенефис проходит на пять с плюсом, и зверюга окончательно успокаивается. Соловей тоже отворачивается от моей скромной персоны. Такой шанс подойти и гавкнуть...

– Тогда ладно. А сего вы сдесь рысете? На пятые тоськи приключений исете?

– Нет, нам троим нужен колдун. Чтоб настоящий, не болтун. Люди его Корнем кличут, не знаешь – где этот шалун? – вставляет свои десять копеек Зверобой.

Ну да, как же без него. Ещё ножку отставил и губу оттопырил, чтобы на Маяковского походить.

– Нет, сто-то слышал, но сам не видел. Вроде он в Ледяных горах обитается. Так сто вам туда надо. Ладно, саболтался я с вами, а мне есё надо посты проверить. Вы это, если услысите волсий вой, то не пугайтесь. Это мои слуги вас будут провосать. Стобы нисего не слусилось.

– Твои слуги? – приходит моя очередь щуриться. А что? Не всё мужчинам это делать. Я тоже могу.

– Ну да, мои слуги. Я се Волсий пастырь, а они мне подсиняются. Ладно, некогда мне тут с вами. Пока-пока. И это, если буду нусен, то только посовете и я приду. Ну, если рядом буду.

Оборотень делает прыжок, от вида которого все кузнечики передохли бы о зависти, и скрывается в лесной чаще. Лишь протяжный удаляющийся вой показывает, где находится эта зверюга. И в его вой вплетаются насвистывания соловья.

– Что же, пойдём дальше? И это, Анна, в следующий раз, когда надумаешь поорать... Предупреждай заранее? Ладно? – улыбается Драмир.

– Хорошо, буду предупреждать, – отвечаю я с милой улыбкой.

Я перебираю в кармане ягоды и жду вечернего привала – вот там я смогу вволю наулыбаться. Вот там я буду отомщена за все нападки!

Вечер приходит также неожиданно, как и в остальные дни. Облака на горизонте окрашиваются в запрещающий цвет светофора, и на лес накидываются сумерки. Они размывают очертания и окунают всё в один сплошной грязно-зеленый цвет.

Мы выходим на очередную лесную полянку. Осока, мох, чертополох. Всё как на предыдущей сотне полян. Сосны нависают хмурыми великанами, снизу их подпирают чахлые елки. Стрекот цикад единственное, что сопровождает наши шаги. Птицы уже перестали орать и попрятались по своим гнездам и дуплам. Пора бы и нам где-нибудь притулиться. Неизвестно – когда ещё встретим удобную

полянку, а эта подвернулась как нельзя кстати.

– Ребята, мы так и будем брести по ночному лесу? Может, остановимся на ночлег? Или в этом мире никогда не спят? Как в песне про Москву? – вопрошаю я и подпускаю нотки жалости в голос.

21.4

Ага, вы сами попробуйте весь день шлепать по лесу и отмахиваться от назойливых насекомых, которые дорвались до моего тела. Мало того, что эти комары и мошки меня покусали, так они ещё всю родню позвали на пиршество. И под рукой никакого репеллента не оказалось. А эти двое идут хоть бы хны и только веточками помахивают. Изверги! Похоже, что у них кровь не той кондиции, если комары обоих облетали стороной.

– Да, пора и на привал. Я б чего-нибудь сожрал. Анна, разводи кострище, я вон щавеля нарвал, – синегожий спутник начал вытряхивать из кармана пожухлые листки.

Я смотрю, как они падают на мох и комок застревает в горле.

– Знаешь, давай-ка ты сам эту прелесть будешь есть. Я не ем из чужого кармана. И вообще, не женское это дело – костры разводить. Могу сварить чего-нибудь, но надо, чтобы Зверобой набрал воды, а Драмир занялся костром. И это, показывайте, что у вас в сумках.

Зверобой и Драмир одинаково хмыкают, как это умеют делать мужчины, когда хотят показать превосходство над женским полом. Вроде как «хы, ну и блондинка». Однако котомки оказываются в моем распоряжении и на меркнувший свет вылезает гречневая крупа в холщовом мешочке и кусок вяленой свинины. На первый взгляд свинина, хотя от кабанятины я её вряд ли отличу.

– Скажи, а нам можно быть уверенными, что ты нас не отравишь? – спрашивает Драмир, когда под умелыми руками разгорается веселое пламя.

– Да ты что? Я же с мамой росла, она меня всему и выучила. Если хочешь знать, то меня приглашали в кулинарный институт без экзаменов...

– Тараканов морить? Ну, для этого экзаменов сдавать не нужно, – не дает мне похвастаться Драмир.

Подошедший с водой Зверобой хохочет так, что цикады на миг смолкают. Эхо подхватывает хохот и уносит его вдаль. Возвращает нам отголосок волчьего воя – волки-оборотни показывают, что

сопровожают нас и нам нечего волноваться. Вот только этот обидный хохот...

Ну ничего, ягоды клоповьей малины у меня в кармане, так что посмотрим – кто будет смеяться последним.

– Я вкусно готовлю. Кто против, тот может не есть, – бурчу я, пока высыпаю гречку в котел.

Да, надо бы сперва её промыть, чтобы не горчила, но вот фигушки. Пусть эти олухи едят горькую. Добавляю в воду порезанное мясо и вешаю котелок на ветку-перепялину, которую Зверобой закрепил на двух рогатинах по бокам костра. Вскоре вода закипает и возникает вкусный запах гречневой каши.

– Ещё пару минут и будет готово, – оповещаю я мужчин, после снятия пробы.

– Зверобой, пойдем за лапником. Сделаем две лежанки, на одной пусть храпит Анна, а мы будем караулить по очереди. До полуночи я поброжу, а потом ты подменишь. Анна, не поднимай руку – тебе нельзя. Если мы уснем, а ты вдруг увидишь мышь, то от твоего крика мы рискуем не проснуться. Так что всё уже решено!

Вот что тут можно возразить? Ничего. Я и не возражаю. Мужчины уходят вглубь леса и оттуда раздаются удары топора.

Я не буду спорить! Всего лишь накладываю себе в походную миску приготовленную кашу и добавляю в котелок ягоды клоповьей малины. Нюхаю – вроде бы не пахнет. На вкус пробовать не хочу. У меня своя каша есть.

Первая ложка приносит блаженство вкуса. Если вы пробовали горячую гречневую кашу с кусочками мяса, то знаете, что первая ложка самая вкусная. Остальные уже для насыщения, а самая первая именно для удовольствия гурмана.

За первой следует вторая. Ещё и ещё. Я сама не замечаю, как начинаю скрести по дну, стараясь выловить крохи. Всё-таки прогулка на свежем воздухе нагоняет зверский аппетит. Я даже начинаю сожалеть, что кинула ягоды в кашу – не отказалась бы от добавки.

Совсем рядом звучит волчий вой. Стук топора стихает. Похоже, что мои добытчики набрали достаточно лапника и сейчас вынырнут из леса. Я едва сдерживаюсь, чтобы не потерять ладошки – так хочется увидеть их вытянутые лица, когда они отведают моего варева.

На другой стороне поляны возникают красные глаза. Ель начинает

шевелить лохматыми лапами. Вдобавок ко всему слышится глухое рычание.

Ага! Хотят меня испугать... Неужели увидели мою операцию с ягодами? Вряд ли. Скорее всего снова дурачатся. Вот сейчас выскочит Зверобой и прочитает какой-нибудь дурацкий стишок. Я мило улыбаюсь красным глазам и накладываю в миску «вкусной» каши.

– Эй, привет. Хочешь покушать? Я вот кашки наварила. Собачка-собачка, фьюить-фьюить... Ой, плюшки-ватрушки...

Из-под елки вылезает явно не собачка. Огромная волчара, больше, чем тот, с соловьем. И у этого волка на брылах пузырится белая пена. Клыки больше моих пальцев, хвост напоминает боа эстрадной певицы. Под мощными лапами проминается мох. И это чудовище направляется ко мне.

Вот почему в самый нужный момент у меня пересыхает горло и наружу вылезает жалкий писк? У вас такого не было? А я сейчас силюсь крикнуть и не могу. А чудовище приближается...

Неизвестно как бы я умерла – или от разрыва сердца, или на зубах лесного кошмара... Я зажмуриваюсь и стараюсь отползти.

Сердце выпрыгивает из груди, будто хочет проломить тонкие ребра и ломануться в лес. Подальше от этого кошмара. Вот тебе и собачка. Вот тебе и фьюить-фьюить. А может в будущей жизни я стану дятлом и смогу отомстить этому волку? Хорошо бы. Подлечу, продолблю дырочку в его пустой башке и плюну на мозги.

Не знаю, что бы я ещё себе напридумывала, но в этот момент раздается хлесткий удар, потом короткий визг и хруст костей. Почему именно костей, а не веток? Мои чувства настолько обострились, что я со стопроцентной уверенностью могу сказать, что это были кости.

Я приоткрываю левый глаз и писк снова лезет из меня. Вы бы тоже запищали, если бы оказались на моем месте... На поляне гордо возвышается золотой дракон! По размерам он гораздо больше грузовика марки «БелАЗ». Каждое крыло по размеру с футбольное поле, и в пасти, похожей на ковши экскаватора, вяло трепыхается серая масса. Это же тот волчок, который хотел куснуть меня за бочок! Как же жалко он сейчас выглядит...

Дракон зыркает на меня янтарным глазом с продольным зрачком, и я вспоминаю этот глаз – именно он заполнил мое окно, когда похитили Матильду! Как и в прошлый раз я делаю спасительное отступление, то

есть беру и теряю сознание. А что? Имею полное право – кашу приготовила, волка напугалась, от вида дракона можно и сознание потерять. Темнота глушит все звуки.

История двадцать вторая, в которой на наши головы сваливается непонятная девушка

Какое самое хорошее средство для выведения из бессознательного состояния? Нашатырь? Где же его взять в лесу? Похлопывания по щекам и брызги воды в лицо? Тоже вариант. Но я прихожу в себя из-за отчаянного запаха мяты. словно кто-то прилепил мне к носу едва разжеванную жвачку.

Я открываю глаза и вижу перед собой синюю рожу утопленника. Ну да, в свете костра я не узнаю Зверобоя и чувствую, что сейчас мои глаза вылезут из орбит.

Сухая ладонь тут же перекрывает доступ кислорода, и я не успеваю обрушить на спутника всю мощь новоявленного оружия. Хорошая у него реакция. Иначе последствия были бы непредсказуемы. Вероятнее всего – получил бы контузию и оглох.

– Анна, подожди орать! Лучше дай сперва пожрать. Потом можешь петь хоть песни, мне уж будет наплевать! – от звуков знакомого голоса я прихожу в себя.

– Бу-бу-бу, – говорю я как можно убедительней.

Как ни странно, но он меня понимает и убирает ладонь с лица. На другой его ладони я вижу зеленую кашу. Вот от неё-то и несёт мятным запахом. Листики мяты разжевал? Вроде бы да.

Сколько я пробыла без сознания? Час, два? И где причина того, что я оказалась в таком беспомощном положении?

Круглая луна бесстрастно бросает свои лучи на пустую поляну. Ни дракона, ни огромного волка. Лишь костерок с двумя кучами нарубленного валежника. Возле огня сидит Драмир и за обе щеки уплетает кашу. Жует и хоть бы хны! Тут его спутницу едва не сожрали, а он...

– Где вы были? Меня едва волк не покусал, а потом его самого золотой дракон сожрал. Большой как дом и наглый как танк. Если бы я в обморок не брякнулась, то...

– Зря ты, Анна, свежую клоповью малину кушала. Она всякие галлюцинации вызывает. А если бы окатила кипятком, вот как сейчас, то превратила бы их во вполне съедобное кушанье. Спасибо за такую

вкусную кашу, – улыбается Драмир. – И хватит валяться на сырой земле, мы лапника нарвали.

То есть как, мне привиделось? Да не может быть! Я отталкиваю руку Зверобоя и вскакиваю на ноги. Земля слегка кружится, но на устойчивость это мало влияет. Я не могу так ошибиться. Дракон был! И я сейчас докажу этим Фомам неверующим! Я смело шагаю в том направлении, где видела крылатую ящерицу.

– Анна, ты не торопись. Лучше ляг, да и проспись. Если вдруг дракон приснится, то за елкой притаись! – вот только совета в стихах мне не хватает.

– Да был же дракон! Был! – топаю я ногой на том самом месте, где золотая страхолюдина схрямкала волка.

Увы, даже следа не осталось от летающей орясины. Мох если и смялся, то сейчас выпрямился и гордо торчит верхушками в темное небо. А Зверобой тоже принимается за еду. Ужинают так, что хруст за ушами по все поляне раздаётся. А как же клоповья малина? Или зря я её таскала всё это время. И только в этот момент до меня доходят слова Драмира – «А если бы окатила кипятком, вот как сейчас, то превратила бы их во вполне съедобное кушанье». Получается, что я им ещё и хорошее блюдо сделала? Вот и отомстила...

– Ну не могло же мне это привидеться. Вот на этом самом месте я и... Стоп! Вот оно! Вот подтверждение тому, что я не вру! – я замечаю сломанную елочку в два человеческих роста высотой. – Видите? Это дракон своим крылом махнул. Или будете дальше утверждать, что мне показалось?

Плюшки-ватрушки, опять этот мужской шовинистический взгляд аля «хы, ну и блондинка». Они бы ещё пальцами у виска pokrutilи! Ненавижу, когда ко мне относятся, как к маленькой девочке, которой ещё учиться и учиться.

– Анна, если ты чуть углубишься в лес, то увидишь, что там по елкам пробежалось стадо драконов. Это мы со Зверобоем постель для тебя собирали. А тут... Ветром сломало и всех дел.

– Да ну вас. Я на полном серьёзе говорю, а вы какие-то отговорки лепите. Был дракон. И не спорьте! – я продолжаю капризничать, но уже больше из вредности.

Если и в самом деле мне привиделось? Ну да. Первый раз из-за того, что злая старуха забрала Матильдочку, а второй раз из-за... Ягод?

– Перестань, ты умная девушка и всё понимаешь. Давай-ка лучше ляг и поспи. У тебя был трудный день, как говорят в сказках – утро вечера мудренее. Зверобой, с тебя помывка посуды, – подмигивает Драмир.

– Подожди, Драмир, пардон. Это что за приказный тон? Вдруг я пойду мыть посуду, а там под кустом затаился дракон? – хмыкает Зверобой и скашивает глаза на меня.

– Я сама помою. И пусть меня пиявки сожрут, а вам будет стыдно, – я поднимаю миски, но Зверобой отбирает их.

– Он сходит. А ты ложись, Анна, и отдыхай, – мягко говорит Драмир, и я чувствую, что не могу противиться этому голосу.

Укладываюсь на жестковатые еловые лапы и втягиваю носом их запах. Пахнет смолой и кислинкой иголок. Под шепот высоких елей, под осторожный стрекот цикад, под едва слышное гудение костерка глаза смыкаются.

Это уже не потеря сознания, а тихий переход в волшебную сказку. Туда, куда отправляются все люди, когда засыпают. Цветные круги перед глазами сменяются на голубое небо и зеленые просторы летних лугов.

Я вижу Матильду в розовом платьишке и куцым хвостиком на голове. Она горделиво восседает на спине золотого дракона и манит маленьким пальчиком. Зовет к себе.

Вы никогда не плакали во сне? Не было такого момента, когда сердце сжимается от жалости, а из глаз льется соленая влага? Даже сквозь сон я чувствую, как по щекам текут горячие капли.

Золотой дракон смотрит янтарными плоскими с продольными черными полосами и выплескивает из пасти сноп огня. Бушующее пламя охватывает меня теплой волной и слегка ослепляет сквозь сомкнутые веки. Я просыпаюсь и вижу сквозь дремоту, что это Зверобой подкинул в костер веток. Я поворачиваюсь на другой бок и подставляю теплу спину.

22.2

Снова следует провал в то волшебное место, где Матильда зовет меня. Я бегу к ней, но не могу добежать. Чем быстрее я перебираю ногами, тем дальше удаляется дракон. Лицо дочки куксится, и она вот-вот зарыдает, а я ничего не могу сделать. Бегу по изумрудной траве, спотыкаюсь, поднимаюсь и снова бегу. Но никак не удастся настичь

золотого дракона.

Мимо на метле проносится мать Хлопаря и Шлепаря. Колдунья, которая украла мою Матильду. Она летит гораздо быстрее меня, подлетает к дракону и хочет стащить дочку со спины. Золотой дракон скалится, пыхает в её сторону огнем, и колдунья загорается.

И тут раздаётся дикий визг, который выдергивает меня из сна в реальность.

Вы никогда не просыпались оттого, что на ухо начинал визжать ушибленный кабан? Нет? Тогда вам не понять того состояния, в каком я вскочила на ноги.

В голове одновременно родились три мысли: бежать, орать и сдаваться. У меня не получается выбрать что-либо одно, и я остаюсь просто стоять на месте. Просто остаюсь, просто стоять. Зато глаза распахиваются, и в свете зарождающейся зари я вижу девочку в руках Зверобоя. На вид ей не больше двадцати. Лицо чумазое, волосы спутаны и в них видны колючки репейника. Платье серое, дырявое и в масляных пятнах. Словно напялила ветошь механика из автомастерской.

– Пусти меня, дубина! Перед тобой королева пяти миров!!! – именно от такого крика начинает шевелиться Драмир, девушке этого кажется мало, и она снова подключает психологическое воздействие визга. – Уи-и-и-и-и!!!

– Зверобой, дай ей пенделя, чтобы улетела орать в один из своих миров, – бурчит мой спутник и переворачивается на другой бок. – А то поспать нормально не дает.

Девушка от неожиданности смолкает. Зверобой же видит смятение в её глазах и делает вид, что заносит ногу для хорошего пинка.

– Эх, как я щас размахнусь... И ни капли не стыжусь, что отправляю тебя в небо. Полетишь, как дикий гусь, – скалится голубокожий друг язвительного Драмира.

– Дяденька, не надо меня пинать. Я лучше сама как-нибудь дойду. Отпустите меня? Пожа-а-алуйста, – начинает канючить девушка. – Я за-за-заблудилась-я-я.

Такого резкого перехода от визга к плачу даже я не ожидала. А уж неопытный в женских истериках Зверобой и подавно. Его руки разжимаются и девушка тут же наостряет лыжи в сторону леса. Вот тут уже меня удивляет Драмир. Когда замарашка дает стрекача и почти добегают до первых кустов, то из них с улыбкой выходит мой сосед.

Как он там очутился? Ведь только что лежал возле костра...

– Не надо торопиться, милая девушка. А поговорить? Я никогда не поверю, что одинокая девушка может так спокойно гулять по лесу полному оборотней. Признавайся – кто ты и чего здесь делаешь?

Тут уж пришла моя очередь вмешаться. Я вижу, что девчонку колотит дрожь, что она боится и вот-вот описается от страха. Я помню себя, когда оказалась впервые в этом мире: в одном халатике, испуганная и преследуемая возбужденным королем. Может, это тоже попаданка?

– Да что вы привязались к девушке? Дайте ей отдышаться-то. Она же боится вас, того и гляди – поседеет. Иди сюда, милая. Расскажешь, как ты здесь очутилась? – я протягиваю руки и улыбаюсь как можно мягче.

Эх, мне бы в психологи пойти... Девушка и в самом деле чуть успокаивается. Она осторожно отходит от Драмира и короткими шажками подходит ко мне. Так похожа на легконогую лань – любой резкий звук и она рванет прочь.

Ладони грязные, как и ступни босых ног. Похоже, что она выбежала на огонек, а тут её и схватил синекорый часовой. Я не мнительный Драмир, но мне тоже стало интересно – как эта чумазная особа оказалась в лесу.

Когда она касается моих ладоней, то расплывается в улыбке. И говорит так нежно-нежно:

– Ты будешь моей рабыней. Я даже разрешаю принести тарелку вкусной овсяной каши.

Я невольно икаю. Такой наглости не видела со студенческих лет, когда к нашей компании в парке подошел грязный бомж и не попросил пивную тару. На это ему ответили, что тара пока ещё занята. И он, секунду поколебавшись, с апломбом занятого человека произнес: «Но я же сейчас ухожу, так что поторопитесь!» Эта наглость так понравилась ребятам, что они скинулись по десятке бомжу на пиво.

Но это было давно. А сейчас... И не хочу я становиться чьей-нибудь рабыней. А два моих спутника переглядываются и заходятся в таком диком хохоте, что цикады смолкают. Не удивлюсь, если насекомых посещает мысль запрыгнуть в гогочущие рты и там сыграть свои концерты – слишком уж громкие звуки вырываются из глоток.

– Девочка, между прочим, ты разговариваешь с матерью

наследницы престола, – вспоминаю я о происхождении Матильды. – Какая же я тебе рабыня? Вот тебя возьму в служанки, и то, если будешь себя хорошо вести и помоешься.

– Да как ты смеешь? Я королева пяти миров! Да по моему велению разрушаются планеты! Да я!!! Да мне!!! – девушка из лани превращается в визжащую тигрицу. Мгновенно.

Что ж, придется её научить вежливому обхождению. Мои спутники видят, что я набираю воздуха в грудь, и тут же падают ничком на траву, зажимая уши.

– Тихо!!! – рявкаю я, и девушку уносит под широкую ель. А там и вовсе заваливает шишками.

Мда, всё-таки из меня ещё тот Джельсомино. Надо будет как-нибудь потренироваться в регулировании громкости.

История двадцать третья, в которой я слышу голос Матильдочки

Мои спутники ещё минуты две лежат для острастки, а потом поднимают головы. Сначала выглядывает Драмир, опасливо, не отрывая рук от ушей. Я хмуро показываю ему язык. Он также хмуро кивает в ответ.

Вот люблю, когда между людьми возникает согласие и взаимопонимание. Всего лишь взгляд, всего лишь жест и мы поняли друг друга. По крайней мере он не побоялся толкнуть Зверобоя и вылезти из ласковых объятий травы.

– Эй, подруга, ты долго там валяться собираешься? – подзываю дерзкую особу, которая зашевелилась под грудой шишек.

Она медленно высовывает заляпанную смолой мордашку, к которой прилипли чешуйки шишек и хвоя. В мутных глазках плещется недоумение и крайний испуг. Однако, она продолжает гнуть свою линию, хотя и тонким голоском:

– Пока ты не извинишься и не встанешь на колени, чтобы я...

– Ещё раз гаркнуть? – лениво спрашиваю я в ответ.

– Нет! – тут же выкрикивают Драмир и девчонка.

Зверобой же откашливается и декламирует:

– Не стоит лишний раз орать, напрасно связки напрягать. Гораздо проще, но эффективней по заднице ей надавать.

Я мягко улыбаюсь в ответ. Ну не такая уж я и злопамятная, всего лишь отомщу и забуду. Или забуду, что уже отомстила и снова

повторю. Но это редкость. Сейчас же я протягиваю руку нашей гостье и помогаю выбраться из-под елки.

Девчонка чего-то бурчит себе под нос, но тем не менее сдерживается. Видимо, не хочет снова улететь под зеленую хвою.

– Как тебя зовут, «королева»? Куда бежишь и откуда? – спрашивает Драмир у девушки.

Та опасливо косится на него, отодвигается чуть дальше от злорадно скалящегося Зверобоя и шмыгает носом:

– Москитолой зовут. Бегу от войны двух королей. Моё маленькое королевство как раз оказалось на их поле боя, и мои подданные... и... и я...

Девушка ещё раз шмыгает носом и заливается слезами, как принцесса Несмеяна из детского мультика. За несколько секунд перед ней возникает небольшая лужица и девушка начинает плакать в другую сторону, на сухое место.

– А как же королева пяти миров? – вырывается у меня. – Или эти миры тоже были маленькими?

– Ну да-а, ма-аленькими, – всхлипывает девушка и загибает пальцы. – Кукольный мир, Мышиный, Птичий, Собачий и Тараканий. Теперь все эти миры уничтожены, а ко-короли так и сражаются. Они-и-и никогда не остановя-я-я-ются-а-а-а.

Москитола снова начинает подвывать, стенать и выражать степень крайнего отчаяния. Мне даже захотелось утешить её и сказать, что всё будет хорошо и пусть она успокоится. Но не умею я успокаивать, когда у самой тревожно на душе, поэтому просто похлопываю её по макушке, как хорошего пса, и произношу ободряющим голосом:

– Не хнычь! Прорвемся! И армии королей разгоним, и миры твои в порядок приведем.

Девушка хныкает ещё раз десять и произносит:

– Какие армии? Там только два короля и остались. Другие воины устали и разошлись по королевству – у людей своя личная жизнь есть, не всё же воевать и драться.

– Как двое? Всего двое? – ахаю я в ответ.

– Да, – пожимает плечами Москитола. – Скажите, а у вас ничего поесть не найдется?

Зверобой хмыкает и протягивает круглую лепешку. Девушка так недоверчиво смотрит на него, что я невольно заражаюсь этим

недоверием и пытаюсь вспомнить – засунул мой синий спутник в хлебный мякиш крысиную отраву, или нет?

– Да не бойся, жуй давай. На меня ты не серчай, я бурчу лишь для остратки, но зато не скупердяй.

Девушка бочком-бочком подкрадывается к улыбающемуся Зверобою, цапает лепешку и тут же впивается в румяный край белыми зубками. Глядя на то, с какой жадностью она поглощает подношение, у меня возникает мысль, что бедолага бежит одна уже не первый день.

Бедняжка...

И тут же на ум приходит образ Матильдочки. Как там моя девочка? Где же она сейчас?

– Мамочка-а-а... – доносится далекий голос Матильды.

Меня словно подбрасывает в воздух невидимая пружина, я едва успеваю приземлиться на ноги.

– Матильда, девочка моя! Где ты, солнышко? – вырывается у меня крик.

К счастью, крик был мысленным, поэтому спутники не оказались подвержены звуковой атаке. Но я постаралась гаркнуть во всю мощь своих мысленных связей.

– Я в замке. Тут неплохо кормят, но нет телевизора и вместо памперсов постоянно подсовывают плохо стиранные тряпки. А ещё корона на уши сползает...

– Аня, с тобой всё нормально? Ты застыла с таким лицом, как будто собираешься добежать до ближайших кустов, – слышится голос Драмира, но я только отмахиваюсь.

– Девочка моя, где ты и как до тебя добраться?

– Мам, я в том же замке, где была и ты. Скидываю направление, ты будешь идти по нему, как заправский навигатор, только бибикать на поворотах не забывай.

Узнаю свою язвочку. Видимо, с ней всё в порядке, если продолжает измываться над бедными материнскими нервами. И в то же время у меня перед глазами возникает синяя стрелочка, которая не пропадает, как не мигай. Стрелочка показывает ровно на восток, туда, где недавно лениво встало солнце.

– Матильдочка, девочка моя, я скоро буду! – мысленно зову я, но в ответ не раздаётся ни звука.

Троица смотрит на меня с любопытством и странной надеждой,

будто я сейчас им вывалю на стол все карты и всё будет хорошо. В принципе, я так и поступаю. Рассказываю им о разговоре с дочкой и о возникшей стрелочке. Единственно, что мне не понравилось, так это то, как на меня посмотрела Москитола. Вот таким же взглядом меня буравила комендантша общежития, когда я просрочила платеж за проживание. Это длится несколько мгновений, но всё-таки я заметила этот клубок неприязни на перемазанном личике. Она тут же опомнилась и приняла вид полнейшей невинности.

Я поставила себе галочку не спускать с неё глаз. Что-то не то с этой девицей. Не нравится она мне.

– Тогда веди нас, проводница! – подмигивает Драмир и начинает собирать вещи.

– Давайте лучше я вас отведу? – тут же встречается Москитола, но я качаю головой и киваю вперед.

– За мной, мои доблестные воины. А кто не воин, тот может остаться, я не настаиваю.

Москитола не стала оставаться. Она что-то пробурчала себе под нос, но двинулась следом. А я нет-нет, да и покошусь в её сторону. Чем-то она мне не нравится, вот только непонятно чем.

История двадцать четвертая, в которой все почему-то превращаются, одна я как дура...

Спустя три дня пути, в ходе которых мне всё больше и больше нравился Драмир, и не нравилась Москитола, мы подошли к огромной поляне. В течение этих дней мы повстречали несколько деревень и сел, где хмурые люди на чем свет стоит ругали королей. Ругали в основном за то, что те забросили управление и теперь некому собирать налоги, чтобы тратить деньги на рыцарские турниры и праздники. Народ начал выкарабкиваться из нищеты и уже подумывает о создании парламента и упразднении монархии.

Я улыбалась на гневные выкрики селян о подобном беспределе и сдерживала желание покрутить пальцем у виска. Не понимает народ своего счастья, ну и ладно.

И вот мы выходим на большую, в двадцать футбольных полей, поляну. И что же мы там видим? В центре этой поляны красуются две сидящие фигуры, которые старательно оплевывают друг друга. Кругом ни души, только эти двое.

Та, что покрупнее, плюется с большой силой и после каждого

плевка фигуру поменьше относит на полметра. Зато та фигура, что поменьше, подбирается ближе и выдает десять плевков за тот раз, пока первая собирается для нового выстрела.

Я узнала их. Ничего не кольнуло ни под сердцем, ни в самом сердце – два короля так и остались всего лишь случайными любовниками в сказочном мире. Можете обзывать меня как хотите, но им я благодарна только за Матильдочку...

Синяя стрелочка показывает, что нужно пройти как раз мимо сидящих королей. Что ж, не будем обходить их. Тем более, что нужно братьев уведомить о желании мамыши завладеть государством и «навести тут порядок».

– Здравствуйте! – восклицаю я, когда мы подходим к сидящей паре.

Всехубьюлибур торчит воткнутый в землю и по его виду можно понять, что мечу откровенно скучно. Секира карлика тоже валяется рядом и грустно пялится в безоблачное небо. Видимо братья настолько сильно устали, что у них не осталось сил для продолжения боя.

– Аня? Привет! Ты снова пришла, чтобы узнать ласки Хлопаря? – радостно приподнимается мускулистый мужчина.

– Ага, щассс! – шипит карлик. – Она явилась для суровых объятий Шлепаря. Иди же ко мне, моя радость.

– Стоп, мужчины! – выставляю я вперед ладони. – Я к вам по делу. У меня похитили вашу дочь и хотят...

Глаза мужчин стали величиной с хорошее яблоко. Я даже споткнулась, глядя на них.

– Кого? Дочь? – икает Шлепарь.

– Дочь? Кого? – не находит ничего более умного Хлопарь.

– Вашу дочь. И не надо делать такие непонимающие глаза. Да-да, вашу дочь Матильду. Её похитила...

– Да наплевать, кто её похитил! – восклицает Хлопарь. – Главное, что у нас получилась дочь, а этого не может быть. Давай, Аня, ложись!

Вот теперь пришла моя очередь делать глаза величиной с антоновку:

– Чего? Зачем это?

– Как зачем? Будем делать наследника. Наследница нам не нужна, – резонно поясняет карлик и начинает расстегивать ремень.

Я беспомощно оборачиваюсь на своих сопровождающих. Драмир хмурится, а вот Зверобой с Москитолой покатываются со смеху. Ну

ничего, сейчас я наведу порядок. Я разворачиваюсь и набираю в грудь воздуха. Опытные спутники тут же кидаются ничком на траву и стараются закопаться поглубже.

– А ну стоять!!! Ремни застегнуть, уши открыть!!! Замереть и слушать меня!!!

Сказать, что оба короля офигели, означало бы ничего не сказать. Их обоих относит метров на пятьдесят, и там закидывает до ушей ошметками дерна. Когда смогли очухаться, то оба короля походят на новичков-землекопов, которым забыли выдать лопаты.

– Что это было? – спрашивает Хлопарь у Шлепаря.

Тот в ответ показывает, что у него контузия и ему нужно полчаса поваляться без сознания. Ну вот ещё. И так я много времени провела в этом полусказочном мире, чтобы ещё ждать пока короли придут в себя.

– Слышь, убогие! А ну подползли сюда и выслушали моё возмущенное величество, пока я снова не гаркнула. После моего второго крика вас уже не найдут! – не очень громко зову я своих давних любовников.

Видимо, остатки разума ещё остались в двух круглых подставках для короны, если эти мужчины всё-таки смогли подняться и подойти к нам. Хлопарь выглядит гораздо бодрее своего брата, сказывались занятия спортом и врожденная сила.

– Так вот, на чем я остановилась? – спрашиваю я, думая, что братья осознали свою ошибку.

– На том, что тебе надо лечь и мы тогда сделаем наследника, – радостно сообщает мне Хлопарь.

Плюшки-ватрушки, и этот остолоп показался мне привлекательным и очаровательным? Да трухлявый пенёк в лесу мудрее него!

Я снова открываю рот, чтобы криком баньши его мозги окончательно выбило из черепной коробки, или наоборот, чтобы встали на место. Увы, этому не суждено было произойти, так как меня за руку берет Драмир и вся моя ярость тихо утекает из глубины возмущенного сердца, как вода из дырявого ведерка.

– Ребята, – спокойно произносит Драмир. – Вам не нужно делать наследника с той, которая этого не желает. Это снова может выйти боком.

– Ты кто? – хмурится Шлепарь. – Ты новый любовник Ани?

– Неважно кто я, гораздо важнее, что нам нужно вырвать её дочку

из лап вашей сумасшедшей мамыши...

– Ты, смерд, посмел нашу маму назвать сумасшедшей? – взрывает Хлопарь и тянется за Всехубьюлибуром.

– Так ты же сам её так называл! – напоминаю я мускулисту королю.

Тот продолжает упорно тянуться за мечом:

– Так это я называл! Мне можно! А чтобы какой-то посторонний ублюдок так плохо говорил о моей матери...

Я поворачиваюсь к Драмиру:

– Можно я ему в ухо гаркну?

– Нет, ведь всё можно решить дипломатией, – отвечает Драмир. – Мужчины, Аня не пойдет с вами. Извиняться я не собираюсь. Всё понятно?

– Тогда ты познаешь вкус смерти, ублюдок, – рычит Хлопарь и вскакивает с поднятым мечом.

Драмир подмигивает мне и начинает изменяться...

Вот не поверите, только что на его месте стоял человек, довольно симпатичный, а через секунду его кожа стала золотой, одежда треснула по швам и слетела конфетной оберткой с вырастающего тела. Драмир начал расти в высоту, из спины вырвались шипы, а следом вылетели два огромных крыла. Согнутые пальцы превратились в когти, а руки в чешуйчатые лапы. Лицо вытянулось вперед, зубы вырвались клыками, а между ними мелькнул раздвоенный язык.

Фу-у-ух! И рядом со мной переминается огромный дракон с золотой чешуей. Теперь пришла моя очередь бухаться в обморок, но я оглядываюсь по сторонам – нигде не видно мягкой перины, поэтому обморок переносу на будущее. Ещё успею бухнуться.

– Ух ты, золотой дракон! Шлепарь, ты только посмотри на этого красавца! А я думал, что они все погибли! – восхищенно присвистывает Хлопарь. – Вот повезло-то! Его башка великолепно украсит мой зал. А после сделаю наследника.

– Убей его, дурень, а потом уже решим – чей зал украсит его башка, а кто сделает наследника, – ворчит Шлепарь и благоразумно отодвигается в сторону.

– Друзья, отойдите в сторону, чтобы вас не забрызгало королевской кровью, – слышится сверху знакомый голос.

Да, я удивлена, что Драмир обратился в дракона...

Да, я в шоке от происходящего...

Да, я отхожу на пару метров, чтобы не мешать мужской разборке...

И да, мне приятно, что Драмир за меня заступился.

24.2

Москитола восхищенно присвистывает, когда видит рядом огромного ящера. На мускулистого Хлопаря она даже не взглянула. Неужели только я в свое время повелась на эти мышцы и отсутствие интеллекта?

Зверобой лениво зевает и усаживается чуть поодаль. Он достает из кармана горсть семечек и протягивает мне. Я невольно беру и кидаю одну за другой в рот. Не знаю за кого болеть – за золотого дракона, который недавно был симпатичным мужчиной, или за симпатичного мускулистого мужчину, который вскоре может стать лепешкой.

– Ну что, дракон, нападай! Даю тебе право на первый... Ннна! – Хлопарь мужественно взмахивает мечом и бьет по лапе дракона.

Драмир, или золотой дракон, всего лишь отодвигает лапу в сторону и Хлопарь летит по инерции дальше. Он спотыкается, падает как мешок с... желе на траву и останавливается возле кончика золотого хвоста. Тут же вскакивает и пытается рубануть по хвосту. Драмиру почему-то не хочется лишаться части тела, и он снова отодвигает хвост в сторону.

– Не дергайся, дракон, ты мне мешаешь! – пыхтит Хлопарь и снова нападает на Драмира.

Дракон танцевальным пируэтом ускользает в сторону и хлопает короля по жопе кончиком хвоста. Простите за такие грубые подробности, но иначе я никак не могу назвать заголенную часть тела, которую Хлопарь бесстыдно выставил, когда вновь споткнулся.

От смачного шлепка Хлопарь пролетает десяток метров, но тут же вскакивает и устремляется к дракону. В это время я делюсь семечками с подобранным поближе Шлепарем. Теперь мы все четверо сидим как на трибуне и, лузгая семечки, ждем окончания жаркого боя.

Бой разгорается не на шутку – Хлопарь бросается с упорством племенного быка, перед которым машут красными труселями. Драмир же грациозно уклоняется и подстегивает короля то хвостом, то краешком крыла. Физического ущерба Хлопарю не наносит, а вот морально унижает так, что мне даже становится жалко этого мускулистого недоумка.

Дракону вскоре надоедают броски короля, и он ударом лапы выбивает Всехубьюлибур из рук Хлопаря, а самому отвешивает легкий щелбан. Или война так истощила моего неудачливого любовника, или щелбан у дракона не такой легкий, каким кажется, но тем не менее звон пошел по поляне гулкий, будто ударили в Царь-колокол.

– Я те-тебя побегу... победу... потом, вот только... только посплю сперва, – заплетающимся языком произносит Хлопарь и мирно укладывается спать.

Даже ладошку под щеку подложил, чтобы трава не так сильно кололась.

И тут на арену выходит Москитола. Вот чуяла я, что в ней что-то не то, и не ошиблась. Она взмахивает рукой, и в сторону дракона стремительно летит разноцветное облако, которое тут же окутывает чудовищную, но симпатичную голову. Через две секунды Драмир падает навзничь с таким грохотом, что Хлопаря подкидывает вверх на целых полметра, а остальных на метр с лишним.

– Ты... ты-ы-ы, – рычит Драмир, силится подняться, но его глаза закрываются, и по поляне разносится могучий храп.

Следующим движением Москитола хлопает в ладоши и около меня падает Зверобой, который было потянулся за топориком. На поляне уже трое лежащих без сознания, двое офигевших (это я и Шлепарь) и одна довольно улыбающаяся Москитола.

– Наконец-то он показал свою истинную сущность, – говорит Москитола, приближаясь к Драмиру. – Теперь последний из золотых драконов мне не страшен. Ты лишилась последнего защитника, девчонка.

Она срезает с лапы Драмира кусочек когтя и поворачивается ко мне.

Плюшки-ватрушки! Да это же никакая не Москитола, а самая что ни на есть...

– Мама? – спрашивает Шлепарь. – А что ты здесь делаешь?

– Вас спасаю, – хмыкает в ответ та самая старуха, которая украла мою дочь. От такой новости глаза короля закатываются, и он мягко укладывается на траве.

Мужчины, все вы такие! Чуть что сразу спать, а разбираться приходится женщинам.

– А ну немедленно верни Матильду!!! – непроизвольно вырывается

визг, но старуха только морщится, хотя бессознательного карлика относит на приличное расстояние, а её саму закидывает вырванным дерном.

– Ты мне тоже не страшна, ведь у меня есть это, – старуха вытаскивает из кармана мою расческу.

Вот же плюшки-ватрушки, когда она успела её слямзить из квартиры? Ведь это любимая расческа и мне её так не хватало в лесу после умывания.

– Да-да, а тогда я только сделала вид, что меня отнесло под ель, милая пародия на Джельсомино, – хихикает старуха. – Матильда передает тебе привет и говорит, что ей у меня очень нравится.

– Врешь, тварь! Верни мне дочку, иначе я тебя и без голоса отмудохую! – у меня просыпается учительская ярость. Я сейчас ей и не такого наговорю, прежде чем полезу патлы выдирать.

– А ну сядь! – мои ноги становятся ватными и сгибаются, хорошо ещё, что в коленях, а не в других местах. Ведьма властно продолжает, посыпая вокруг себя белым песочком: – Тебе лучше убраться с моего пути и никогда не показываться в моем королевстве. Теперь тебе не поможет даже самое могущественное существо нашего мира, золотой дракон. У меня есть все ваши волоски, чешуйки и кусочки ногтей. Вы ничего не сможете мне сделать!

Я сижу как вкопанная и смотрю, как эта дрянь снова хлопает в ладоши, и белый порошок начинает ослепительно светиться. В воздух поднимаются бессознательные короли и начинают медленно двигаться к ведьме.

– Отдай мне Матильду, и я забуду про вас...

– Нет, мне нужна преемница. Мы повысим налоги, будем вместе драть три шкуры с крестьян. Мы будем посылать рыцарей на верную смерть, а соседей затерроризируем войнами, мы будем вместе отрывать мухам лапки и присутствовать на казнях. Знай же, я сделаю всё, чтобы светлое сердце Матильдочки покрылось черной коростой зла. И никто мне в этом не помешает! А-ха-ха-ха-ха!

При этом демоническом смехе порошок вспыхивает так ярко, что в глазах начинают плясать пьяные зайчики, а после приходит временная слепота. У меня так было в школе, когда Гришка Орлов стукнул портфелем по голове. Я потом пришла в себя и так ему напинала...

А сейчас, когда я пришла в себя, то пинать было некого, если не

считать золотого дракона и синего мужчину. Ведьма с королями пропала...

История двадцать пятая, в которой мы оказываемся в безвыходной ситуации

– Вставай! Вставай, говорю! – хлопаю я по брылам дракона.

Вы ни разу не пытались разбудить спящего ящера, из ноздрей которого вырывается дымок? Я имею ввиду не загулявшего мужа, который посмел уснуть в постели с сигаретой. Нет! Я говорю о десятитонном драконе, спящем, как младенец, и храпящем, как трактор.

Я начинаю выстукивать барабанную дробь и вроде бы получается «Танец маленьких лебедей», хотя и отчаянно фальшивлю. Тем не менее, дракон открывает правый глаз и страдальчески произносит:

– Отстань, старушка, я в печали...

«Старушка» отставать не собирается, а приступает к «Лезгинке». От такой подлости с моей стороны, дракон чихает, и я лечу в траву вверх тормашками.

– Вот и проснулся, – констатирую я, выплевывая белые пушинки одуванчика, который коварно забрался мне в рот. – А теперь поднимай свой золотой зад и летим к замку!

Для убедительности я даже топаю ногой, отчего снова не могу удержаться и падаю в траву. Со стороны лежащего Зверобоя доносится сдержанное хихиканье. Я хмуро бросаю туда взгляд – спутник Драмира пытается свести губы в одну линию, но они упрямо изгибаются по форме эльфийского лука.

– И ты очнулся? Вот и хорошо! – вскидываюсь я. – Бегом устроил мне сиденье на этом летающем увальне и тогда я милостиво разрешу тебе поддерживать меня за талию.

– Не хочу я в небеса! Это что за чудеса – чтоб охотник парил в небе, как какая-то оса? – отзывается Зверобой.

Ух, как он меня достал своими стихами, так бы и двинула ему по синему лбу!

Но некогда, теперь у королевы её дети и она может... А что она может? Властвовать от их имени, а самих заточить в темнице? Я бы так и сделала. Думаю, что и она сделает точно также, а народ будет думать, что это короли помирились и только порадуются увеличению налогов.

Да мне как-то всё равно на этих людей, жаль немного, но это их судьба. Моей же судьбой является Матильда и её-то я и должна

освободить.

– Вставай, ящерица блестящая! – хлопаю я вновь по щеке дракона и тот распахивает глаза.

– Чегой-то я ящерица? Я дракон! – бурчит он в ответ, но всё же пытается приподняться.

С горем пополам у него это выходит. Передо мной возвышается золотая гора с крыльями и вид у этой горы такой зловещий, что по спине невольно пробегают испуганные мурашки.

– Чего же ты раньше не признавался, что дракон? – не нахожу ничего более умного для вопроса.

– А раньше не нужно было, – гудит он в ответ. – Так что, мы летим?

– А Зверобой не хочет, – нагло ябедничаю я и показываю синекожему язык.

– Зверобой будет там, – хмыкает дракон и кивает себе на спину. – Залезай же!

Если вы никогда не залезали на дракона, то попробуйте найти огромного крокодила и залезть ему на спину. Нет уж, вы попробуйте, а потом мы сравним ощущения.

Я соскальзывала ровно десять раз, пока лапа не подхватила меня у самой земли и не подкинула к торчащим роговым наростам. Там золотые валуны чуть расступились в стороны, и я оказалась на удобной площадке, на которой можно вольготно усесться, вот только ремней безопасности не хватало. И у меня появилось странное возбуждение, как будто я села на обнаженного мужчину и у нас вот-вот должен произойти феерический сексуальный акт.

– Ну что, дракоша, трогай давай! – кричу я, чтобы скрыть своё возникшее желание и даже ударяю пятками по золотой чешуе.

Драмир косится на меня, но ничего не отвечает. Золотой дракон подмигивает Зверобою, тот кивает в ответ. О чем они перемигиваются, мне непонятно, но спустя мгновение я об этом забываю, ведь дракон взмахивает крыльями и устремляется в небо.

Если вы хотите узнать, какие ощущения я испытала при подъеме, то возьмите того же огромного крокодила, оседлайте его и заставьте спрыгнуть с небоскреба. Да-да, свистящий и выбивающий слезу ветер тут же отвесит вам леща, а сердце провалится в пятки и откажется оттуда выбираться в течение десяти минут.

Я кидаю взгляд на отдаляющуюся землю и вижу, что Зверобой начинает кружиться вокруг своей оси. И так быстро кружится, что превращается в подобие синего смерча. А после этот смерч с огромной скоростью пронесется по поляне и скрывается в лесу. Как раз по движению стрелки навигатора.

Небо прыгает навстречу и, спустя несколько взмахов крыльев, я уже оказываюсь среди белесого тумана ближайшего облака. Вы знаете, что облака пахнут болотной водой? Нет? Можете понюхать какое-нибудь из облаков и признать мою правоту.

Разговаривать о чем-либо невозможно, поэтому мне остается только с замиранием сердца держаться за шероховатый золотой нарост на спине дракона и стараться не сверзиться вниз.

Много, очень много мыслей пронеслось у меня в голове, пока мы летели к королевскому замку. Я думала обо всем на свете, начиная от планов спасения Матильды и заканчивая воспоминанием о судьбе Ирен из сериала «Санта-Барбара». Так продолжалось ровно до того момента, пока на горизонт не выскочил тот самый аляповато-грозный замок, возле которого я оказалась два с лишним года назад.

Сейчас он оцетинился острыми кольями, вкопанными в края глубокого свежевыкопанного рва. Не могу сказать наверняка, но мне показалось, что в воде рва копошились огромные змеи, которые то и дело высовывали треугольные головки на поверхность. Возле дверей в замок застыли всё те же два огромных панковатых тролля и успешно притворяются статуями.

От снижения захватывает дух, сердце из пяток подскакивает к горлу, потом всё-таки устраивается на прежнем месте. Золотые лапы пару раз касаются травы, а после выпускают когти и в зеленой простыне поля появляются две глубокие полосы от торможения дракона.

Крылья при этом настолько бешено хлопают над головой, что от поднятого воздуха у меня на макушке формируется прическа Ежика из мультика «Смешарики». Я пытаюсь их пригладить, но бесполезно – волосы упрямо отказываются ложиться, предпочитая воинственно торчать в разные стороны.

Я кричаю от огорчения, но после машу рукой – так более внушительно выгляжу. Ладно, я не на конкурс красоты прибыла. Я скатываюсь по теплой чешуе дракона вниз и притопываю ногой.

Подавайте сюда мою дочку!

Похоже, что это я сказала вслух, так как и Драмир и Зверобой на меня удивленно покосились.

– Мы сейчас всех победим! Всем по заслугам воздадим! Это ж надо – детей тырить... Да мы им всем люлей дадим! – поддерживает меня Зверобой.

– А ты кто такой? – интересуюсь я. – Почему так быстро смог нас догнать? Ты человек или...

Зверобой поднимает вверх правую бровь, как будто пытается согнать надоедливую муху, а потом смотрит на дракона. Драмир кивает в ответ. Тогда Зверобой набирает в грудь воздуха:

– Я долго рабом лампы был, но он меня освободил. Теперь по гроб ему обязан и рвусь на помощь со всех сил.

– Ты джинн? – ахаю я. – Так что же ты молчал-то? Разбери этот гребанный замок по камешку и...

Драмир вежливо кашляет, отчего из его пасти вырывается небольшой клуб дыма. Это проявление тактичности заставляет меня замолкнуть. Вот умеет же он привлекать внимание.

– Он действительно джинн из лампы, но... – дракон несколько замялся, – но Зверобой очень долго просидел там и его память стала слабой. Он почти что всё забыл, кроме перемещения в вихре. Вот поэтому и тренируется в стихосложении, чтобы память постепенно вернулась к нему. Сама же знаешь, как стихи помогают для развития мозга. А ещё...

Что он хотел сказать, я так и не успеваю узнать, поскольку в голове раздаётся голосок Матильды:

– Мама, уходи прочь!

25.2

Вот вам и здрасте!

Нет, я слышала о людской неблагодарности, когда дети отвергают родителей, но чтобы так...

Тут явно что-то нечисто!

– Матильдочка, девочка моя, где ты? – мысленно зову я дочку.

– Я наверху, мама. Я вижу тебя и снова приказываю – уходи прочь! Ты мне не нужна.

Да как так-то? Что же это творится? Я поднимаю вверх глаза и вижу, как на стене появляется старая королева, а на её руках сидит моя дочка. Одежды на ней под стать маленькой принцессе, а вот личико

гневно хмурится и кажется, что она вот-вот расплчется. Сама же королева смотрит с таким презрением, что я невольно почувствовала себя задрипанной лягушкой перед львом.

А вот хренушки!

Пусть я взлохмачена, чумаза и наманикюрена, но я пришла сюда не для того, чтобы понравиться, а чтобы вернуть свою дочку!

Драмир и Зверобой терпеливо молчат. По моему виду они успели понять, что я мысленно общаюсь с дочкой.

Интересно, а какой вид у мысленно болтающих? Надо будет расспросить потом Драмира. Но это потом, а пока что...

– Матильда, влепи бабушке плюху, чтобы она выпустила тебя, а мы уже внизу подхватим! – в мою голову не пришло ничего умнее...

– Мама, я всё взвесила и повторю в третий раз – уходи прочь! Мне будет лучше с бабушкой и папами. В нашем мире я дочка матери-одиночки, которая перебивается случайными заработками, а тут я прЫнцесса! Так что проваливай подобру-поздорову!

Нет, этого просто не может быть. Не могла Матильда так измениться! Даже под влиянием старой...

Точно!

Ведьма наложила на неё заклинание! Другого объяснения я не могу подобрать. Я сплевываю и кричу в четверть силы:

– А ну, старая ведьма, расколдуй мою дочку и отпусти её! Иначе я ка-а-а-ак гаркну! И потом ка-а-а-ак взвизгну! А ещё ка-а-а-ак...

– Я не боюсь тебя, дурочка, – звучит голос королевы. – И замок свой я зачаровала от тебя и твоих друзей. И теперь ни дракон, ни джинн ничего не смогут сделать. Вы даже за ров не сможете перейти, убогие герои.

Как только она замолкает, тут же раздаётся хохот сотен глоток, даже тролли возле входа зловеще улыбаются. На стене появляются ещё два персонажа, два короля. Вид у них отмытый, но какой-то странный, словно их только что разбудили, и они находятся на грани бодрствования и сна.

– Проваливайте, дурни! – кричит Хлопарь.

– Уходите, глупцы! – вторит ему Шлепарь.

И голоса у них заторможенные, будто каждому вкатили не меньше канистры новокаина. И выглядят они так, словно их покусали зомби, причем за самые выступающие части тела. И глаза у обоих стеклянные,

как бриллианты на короне короля гламура Сергея Зверева...

Они тоже заколдованы! Вот же гадство и сбоку бантик!

– Спускайся, друг любезный, мы ещё не решили участь моей головы! – гаркает Драмир и выпускает струю пламени в сторону стены.

Вот же какая полезная функция есть у дракона! В хозяйстве очень пригодится – буду заставлять его пыхать на газовую конфорку и сэкономлю на спичках. Да и на шашлыки если что...

Я заставляю себя очнуться – какая конфорка, какие шашлыки? Сейчас Матильдочку спасать надо!

Между тем пламя успешно долетело до края рва и натолкнулось на невидимую преграду, словно на стеклянный край крышки-купола, который накрыл замок. Пламя неохотно стекло вниз и огорченно потухло среди одуванчиков и васильков.

Зверобой начинает крутиться на месте, возникает вихрь, в котором летают стебельки крапивы, листья подорожника и щавеля. Из центра вихря доносится ухарское крякание, а затем он летит в сторону рва.

Увы, как полетел, так и вернулся обратно, ударившись о невидимую стену.

Вот же зараза! Ничем не пробить.

Я пробую тоже поорать, но сорванный криком чертополох только сползает по незримой преграде.

– Глупцы! Я же сказала, что ваши потуги бессмысленны! Убирайтесь прочь или я спущу на вас орду своих троллей! – кричит королева.

– Да-да, проваливайте! – поддерживает её Матильда.

– Да-да, проваливайте! – хором выкрикивают короли.

И что теперь делать? Матильда вон она, на стене, но до неё не добраться.

Никак не добраться. Я даже пробую протолкнуться сквозь преграду, но она отбрасывает меня обратно, словно прозрачная твердая пленка.

– Матильда!!! – пытаюсь докричаться до дочки, но она лишь безглаголиво смотрит на меня и отворачивается, обнимает старую королеву.

Моё сердце разбито!

Да-да, вот прямо на кусочки расколото.

Никогда я не чувствовала такой острой боли, словно какой-то злой

колдун вытаскивает из меня внутренности и даже без заморозки. И ведь прямо на моих глазах она отвернулась... А я... Ради неё...

– Аня, не плачь, этим ты только радуешь их, – слышится тихий голос Драмира.

Я поднимаю на него глаза – он уже не дракон, а человек. В причудливых доспехах, помеси рыцарей и самураев, но всё-таки человек. И в глазах этого человека видна такая боль...

Неужели он тоже слышит Матильдочку?

– Я всех вас слышу, таков уж удел драконов, – вздыхает Драмир.

– И что... И даже в Москве?

– И даже там. Не плачь. Слезами их сердца не растопить, они находятся под колдовством старой ведьмы, и искренне ненавидят тебя. Нам нужно что-нибудь придумать...

– Что придумать? Что придумать? Матильда ря-адам, а я не... не могу к ней прикоснуться, – всхлипы вырываются сами по себе.

Драмир опускает голову, Зверобой делает тоже самое.

Со стены доносится смех, и он режет более тупого ножа. От бессилия сводит скулы, а ногти впиваются в ладони.

Я должна что-то сделать, но вот что?

Уйти и оставить Матильду старой ведьме?

Стоять под стенами и ждать, пока состарюсь и умру?

Что мне делать?

Ответ приходит сам собой, когда рядом с нами возникает вспышка и слышится знакомый голос:

– Наконец-то я вас нашел.

История двадцать шестая, в которой под рукой разгневанной женщины может появиться неизмеримая мощь

Скажу честно – я офигела.

Больше никакими словами не могу описать своё состояние, когда увидела того самого старичка-байкера, который и зашвырнул нас с Димкой в сексуальные скачки по мирам.

Старичок держит в руках свои песочные часы. Долбаные часы, которые отмеряют наше время в мирах, но теперь на стеклянном боку виднеется большая трещина, и песок почти весь просыпался. Остается маленький кусочек, величиной с голубиный нос.

И этот старичок сейчас щурится на заходящее солнце, которое спешит скрыться за замковой стеной. Спокойный такой, невозмутимый.

Вот если бы я не была так огорчена словами Матильды, то заехала бы ему по щам и по паху добавила. Ведь из-за него я здесь... и из-за него мое сердце разбито.

Димки нет, Матильда посылает, и что делать дальше – неизвестно.

– Ребята, я так рад, что вы вместе! Так рад, – улыбается старичок, переводя взгляд на нашу группу. – Вы снова смогли найти друг друга.

Мы вместе? Я и Драмир? Или я и Зверобой?

У меня едва не дымятся уши – кто из них Димка?

– Что вы хотите сказать, дедушка? – вкрадчиво спрашиваю.

Спрашиваю, а внутренне холодею – сейчас он скажет, что один из моих спутников является Димкой, мы с ним должны переспать и тогда вернемся в наш мир.

Вернемся... А Матильда останется в руках этой злобной ведьмы...

– Да, ты всё правильно поняла. У меня разбились часы перемещения, поэтому всё пошло немного не так... Вы не должны были так долго зависнуть в этом мире. Я хотел всего лишь проучить вас, а в конце вы бы обязательно вернулись, честно-честно.

Я смотрю на Драмира, а тот кивает в ответ. Кивает и улыбается.

От этой улыбки меня едва не взрывает на месте. Он всё знал и притворялся!!! Да я... Я сейчас... Да я ему...

Зверобой перехватывает меня на половине броска и ставит обратно. Его руки не дают вырваться из плена. А у меня «срывает планку», и я начинаю визжать, кричать и пытаться царапаться.

Такими долгими были эти года, а Димка где-то шлялся!

Я почти одна растила ребенка, а он...

Да я...

– Я еле нашел тебя, Анна, – не поднимая головы, говорит Драмир. – Я с огромным трудом научился превращаться в человека, а потом... Потом еле нашел тебя. Ты не чувствовала, но на тебе были мощные заклятия.

– Да-да, и наложила их я! – доносится со стороны замка визгливый голос королевы. – Мне был нужен отпрыск моих сыновей, и я закрыла мамашу с дочкой от всех невзгод и происков добрых сил.

Она так приплясывала на стене, что я даже успела понадеяться, что ведьма сверзится в ров с зубастыми созданиями. Ух, была бы она рядом, я бы и ей по щам настучала.

– Глициния, а ты совсем не изменилась! Всё такая же злая и

вредная! – кричит в сторону замка старичок, и визг смолкает. – Я проклинаю тот миг, когда взял тебя в жены.

Королева окончательно смолкает, прищуривается и смотрит на виновника наших походов. Я тоже перестаю вырываться. Что происходит?

А на лице королевы расплывается улыбка. Не скажу, что это действие делает Глицинию симпатичнее, скорее наоборот – она становится похожа на гиену из мультфильма про короля льва.

– Михаил Необыкновенный, ты ли это, мой благоверный муженек? Я должна была догадаться, что без твоих нравоучительных поползновений здесь не обошлось. Опять посылаешь молодых и распутных гулять по мирам, чтобы они осознали всю глубину своих заблуждений? Как же ты жалок в своем стремлении улучшить мир, проклятый моралист. Кстати, дети, поздоровайтесь с отцом.

– Здравствуй, папа, – монотонно произносит Хлопаль.

– Здравствуй, папа, – таким же тоном говорит Шлепаль.

Так этот старичок их отец? Вот это поворот. Если бы я такое прочитала в какой-нибудь книге, то обязательно подумала бы – что же из запрещенного курил автор, что его мозги выдали такую дичь?

– Привет, дети! Вы не шалили без меня?

Вот от такого вопроса я снова начинаю закипать. Тут и так нервы на пределе, а вместо действия идут разговоры. Потом наговорятся... если живы останутся.

– Хватит болтать! – взвизгиваю я. – Отдай мне дочку и вали целоваться со своим ненормальным муженьком, старая кочерыжка! Я пока по-хорошему прошу!

– Проваливай прочь, дерзкая девчонка! Вы утомили меня и сейчас я выпущу на вас своих боевых троллей. Ребята, вы готовы?

– Да!!! – от рева сотен невидимых глоток едва не падают стены, но прозрачный купол остается на прежнем месте.

Вот сейчас мне становится страшно. Чуть-чуть. Совсем немного.

Драмир или Димка подходит ближе и берет меня за руку. Конечно же я дуюсь на него, но мужское прикосновение успокаивает.

– Я виноват, Анютка, но я исправлюсь.

Вот так всегда он и говорил, когда косячил... а я всегда прощала. Отходчивая я. И на сей раз не стала строить из себя недотрогу (потом ещё время будет), а сжала его пальцы и спросила:

– Ты сможешь мне освободить Матильду?

– Да, и не важно, что она от других мужчин... Я буду любить её как собственную дочь.

К горлу подкатывает упругий теплый ком, и я с трудом откатываю его обратно. Не время сейчас плакать! Надо собраться и дать бой старой карге. Надо освободить Матильду!

Я целую Димку-Драмира. Крепко целую, вдруг в последний раз? Он отвечает мне тем же. И я окончательно прощаю этого раздолбая, из-за которого мы так долго шарились по мирам. Вот всем женщинам свойственно прощать, хотя далеко не всех.

Я поднимаю голову к замковой стене и кричу со всех сил:

– Матильда, я тебя заберу! Подожди немного, дочка!!!

Так как невидимая стена не пропустила всю мощь моего крика, то замок остался цел. Зато я вижу, как вспыхивают глазенки у дочки и в моей голове раздаётся её голосок:

– Мамочка, я тебя вижу! Ты нашла меня!

– Я тоже вижу тебя, дочка. Ты сейчас находишься под заклинанием колдуньи, поэтому постарайся и дальше делать вид незаинтересованной особы. Мы скоро тебя освободим.

– Хватит разговоров! Открыть ворота! – командует королева и огромные створки начинают расходиться в стороны.

За ними колыхнется море щитов, копий, шлемов и оскаленных рож. Тролли, похожие на стоящих на страже, грозно рычат и сотрясают оружием. Но пока не выходят из границ замка.

– Пожалуй, нам тоже стоит вызвать подкрепление, – подмигивает мне старичок-король.

– Какое подкрепление? О чем вы?

– Тех самых людей и созданий, которых вы видели по пути к замку, – старичок поднимает над головой песочные часы. – Они должны вам помочь, ведь являются частями вас. Да будет так! – и с этими словами старичок бросает часы оземь.

Я невольно зажмуриваюсь. Ещё бы не зажмуриться – эта штука нас перенесла в другие миры, а теперь она лишь тихонько звякает.

Ловлю себя на мысли, что впилась ногтями в руку Димки-Драмира. Больно так впилась, от души, а он даже не ойкнул. Я открываю один глаз и обнаруживаю себя на том же самом месте, где стояла до звяканья песочных часов. И замок никуда не делся, и люди, и тролли. Всё те же,

всё там же.

Хотя нет, постойте! На поляне прибавилось народа. Появилась какая-то растрепанная женщина с мужчиной бомжеватого вида и мальчиком в школьной форме. А рядом с ними шурились на солнышко высокий стройный эльф с красивой эльфийкой, за их спинами возвышался хмурый орк.

Очаровательная блондинка с длинными острыми клыками держит под руку толстого крепыша, а возле них переминается мужчина, напоминающий графа Дракулу из фильма. Добрый молодец с огромным мечом сжимает в объятиях красавицу из русских сказок, у их ног переливается всевозможными цветами непонятное нечто, напоминающее сбежавшее тесто с щупальцами.

Молодые люди, похожие на студентов какой-то академии, и пожилой профессор рядом с ними. А также появились короли и пираты, аристократы и крестьяне, солдаты и космонавты. Женщины легкого поведения и тяжелоатлетки, кухарки и фрейлины. Я не смогла всех посчитать, но вышло что-то около сотни.

И всех их я знала!

Ведь это были наши воплощения, пока мы путешествовали по мирам. И третью была я, третью Димка, а ещё одним... Всегда с нами был кто-то третий. Как сейчас Зверобой. Но вот кто он, этот третий спутник?

Этот вопрос я и задала старичку, пока на замковой стене возникло замешательство.

– А! Так это же голубь, который наделал мне... В общем, он тоже провинился, – хмыкает старик.

– И это всё наши прежние сущности? – спрашивает Димка.

– Да, и это ваш последний шанс вернуться в прежний мир, откуда я вас забрал, – кивает старик.

– Слушай, твоё королевское величество, а если мы не хотим возвращаться обратно? – спрашиваю я.

Димка удивленно смотрит на меня, а я подмигиваю в ответ.

– Ну да, не хотим. Там мы сироты и на фиг никому не нужны, а тут... Тут у меня есть Матильда, есть Димка... Пусть и глупый, но всё-таки родной человек. А там нам нечего делать, да к тому же и Димка тут дракон. Очень интересно пожить с таким... Если выживем, конечно.

– Ну, ваше желание для меня закон, – подмигивает старик. – Тем

более, что часы вряд ли уже способны кого бы то ни было вернуть обратно. Мы все застряли в этом мире.

– В атаку! – доносится со стены и море троллей начинает своё движение, выплевывая первую волну наружу.

История двадцать седьмая, в которой всё встает на свои места, или занимает новые.

Я вкратце расскажу о том, какой была битва. Это слишком жестоко и беспощадно, а также вредно для неокрепших умов. Хорошо ещё, что я успела мысленно крикнуть Матильде, чтобы та отвернулась и не смотрела.

Чтобы выпустить наружу троллей, королеве пришлось снять незримый купол, и тут мы оторвались по полной программе. Сексуально озабоченные сущности кинулись на свежую плоть, и тролли сначала пытались отбиваться, но потом оказались погребены под тоннами ласки и любви.

Самые умные пытались сбежать с огромной свингерской вечеринки, но преобразившийся Димка подхватывал их на лету и швырял в пекло разнузданной похоти. Замок и поле покрыли крики:

– Лови его! Хватай! Да не за это хватай, а то оторвешь ещё и что тогда с ним делать?..

– Пусти меня, добрая девочка! Я не могу уже шестой раз подряд...

– Какой большой дядька, а с таким маленьким...

– Да не шлепай ты меня... А хотя нет, шлепай и посильнее...

– Куда ты суешь? Ну куда ты суешь? Ох, ладно, суй...

– Девки, я тут гиганта нашла, да куда же ты пополз?...

Веселье началось такое, что римский император Калигула поневоле завертелся в гробу. Если вы видели когда-нибудь порно-оргию, то сейчас такое же предстало предо мной, но в фэнтезийном антураже. Тролли даже не успели никого тронуть, как оказались обезоружены, обласканы и затисканы.

Мы же с Димкой перелетаем через мост и приземляемся на замковой стене. С Димкиной спины скатывается старик-король. Хлопарь со Шлепарем безучастно смотрят на своего ожившего отца. Ведьма тихонько пятится назад, закрываясь Матильдой, как живым щитом.

– Глициния, не глупи! Ты проиграла, но сможешь повиниться и исчезнуть из этого мира навсегда. Я дарю тебе последний шанс, –

говорит король, но ведьма лишь хмыкает в ответ.

– Вы ещё не победили! Сынки, убейте их! – командует ведьма и два заколдованных остолопа начинают двигаться в нашу сторону.

С таким спокойствием на смерть может послать только самая отъявленная стерва, о чем я тут же ей и сообщила. Она только скривилась в ответ, как будто откусила кусок лайма.

А Димка-Драмир и Зверобой схватились в жестокой схватке с заколдованными братьями. Вернее, Зверобой быстренько надавал щелбанов Шлепарю и вместе с Димкой начали хлестать по щам Хлопаря. Этого детину оказалось не так просто одолеть, а драконом Димка становится почему-то не спешил. Я потом уже поняла почему – мы стояли на узкой каменной стене, а под весом выросшей туши она могла обвалиться.

Не очень хотелось быть погребенной под холодными камнями.

Молода я ещё для этого!

Я кидаю взгляд вниз и вижу безоговорочную победу – наши прошлые воплощения всюду устраивают порнографический террор мощным троллям, которые сейчас стали добрее щенка. Такое обилие голых тел может послужить отличной иллюстрацией к сказанию о Содоме и Гоморре.

– Хлопарь не сдастся! – хрипит связанный король и пытается разорвать путы, но Димка со Зверобоем постарались на совесть.

– Хлопарь пусть немного отдохнет, – улыбается в ответ Димка.

Вот в этот момент у меня просыпается то самое чувство, которое, казалось, давно уже отцвело и завяло. Так Димка вступился за меня перед тремя хулиганами и навалил им в прошлой жизни. В тот момент и сейчас у меня появилось только одно определение его действиям – герой!

А что? Действительно герой – не побоялся выступить вместе со мной против королевы. Не побоялся перенестись в другой мир и пройти со мной весь путь. А самое главное – не побоялся принять Матильду как дочку, а это дорогого стоит.

– Вы ещё не победили! – скрипит зубами старая карга и взлетает над нами.

Хорошо ещё, что Матильду положила на камни, а не поднялась вместе с ней. Я тут же кидаюсь к дочке и обнимаю эту драгоценную кроху. Матильда сразу же вцепляется в меня крохотными ручками и

начинает тихонько всхлипывать.

– Мама, я ужасно соскучилась...

– Я тоже, девочка моя. Не бойся, почти всё кончилось.

– Вы жалкие и ничтожные личности! Вы ещё не знаете всю мощь Глицинии! Я обрушу на вас смерчи, ураганы, и даже окроплю дождиком! Я сотру вас из этого мира!!!

Она парит в воздухе над большим двором. Так когда-то на Земле парил Дэвид Копперфильд, но если он был на шнурах, то тут её поддерживала магия.

Руками ведьма начинает делать загадочные пассы, которые напомнили мне песню Аллегровой «Я тучи разведу руками». Она делает это столь увлеченно, что не видит, как по противоположной стене крадется серая фигура.

– Мама, а кто там ползет?

– Один старый знакомый. Не смотри на него, а делай вид, что зачарована фокусами бабушки.

Матильда тут же уставилась на ведьму и даже постаралась одобрительно посвистеть, но в итоге только оплевала свои два пальца и мою руку. Вместо свиста вышло одобрительное сипение.

Тем временем между руками ведьмы возникло голубоватое сияние, и оно начало формироваться в сверкающий шар. Ого, да она никак хочет в нас шаровой молнией запульнуть? Вот это да!

Отчаянно выдавая по семь мелодий за раз, мимо её лица пролетает серая птичка. Королева смаргивает и озирается. Соловей заходит на второй заход, отвлекая ведьму от ползущего по стене оборотня. Едва не касаясь перьями носа королевской особы, птица снова пролетает мимо лица.

– Мама, а ты купишь мне такую же смелую птичку? Я с ней и с котиком буду в школу играть, – раздается в голове голос Матильды.

– Конечно, а ещё куплю обезьяну и попугая, чтобы была «компания такая», – флегматично отвечаю я.

Доживем ли мы до завтрашнего дня? Если ведьма будет бросаться молниями, то вряд ли.

– А давайте я запулю в неё камнем? – предлагает Зверобой. – Может, собью на землю?

– Ого, да ты перестал стихами говорить? – удивленно поднимается бровь у Димки.

– Ну да, перед возможной смертью все рифмы разбежались. Так что насчет камня?

– Подожди, мы можем попасть в соловья, а это вряд ли хорошо скажется на его настроении. Ложись!

Мы тут же падаем на холодный камень, а Матильда даже закрывает голову руками. Над нами со свистом пролетает шар из молний и устремляется в неизведанные дали, чтобы где-нибудь что-нибудь разрушить.

Птичка сделала своё дело, и колдунья промахнулась!

От этой мысли хочется петь и плясать, а ещё ударить по лбу колдуни сковородкой!

Ударить по лбу хочется сильнее, когда я вижу, что серый комочек с обгорелым крылышком быстро пикирует вниз.

Так колдунья стреляла не по нам? И она не промахнулась...

– А теперь пришла ваша очередь! – вырывается визг у ведьмы.

– Соловейка-а-а-а! – раздаётся протяжный вой, и королева вздрагивает.

Между её рук снова возникает синий шар, и она разворачивается в сторону воя.

Она не успевает метнуть его, когда серая туша оборотня отделяется от стены и летит к ведьме.

Это был не просто прыжок, это был полет! Слово земное притяжение перестало существовать и всё погрузилось в невесомость.

Растопырив лапы, оскалившись зубастой пастью и чуть помахивая хвостом, оборотню удаётся достать ведьму когтем. Он цепляется за неё, как котенок за верхушку высокой березы и между ними разгорается бой.

Ведьма кричит заклинания, и оборотень то отлетает от неё, то возвращается обратно, когда рычит собственные. Она бьет его возникающими световыми мечами, а он огрызается и старается откусить от ведьмы лакомый кусочек. Обрывки одежды и клочья меха летят в разные стороны, но при этом всё они опускаются на площадь перед замком!

– Бежим, я хочу навесить пенделя своей благоверной! – кричит старичок, и мужчины бросаются вниз по каменным ступеням лестницы.

Мы с Матильдой остаемся сверху досматривать финал грандиозного сражения. И как сказал один из реперов моего самого первого мира: «Это была историческая фигня!»

Ведьма и перевертень оказываются внизу, и тут же на женщину падает сотканная из тонких лучей сеть. Старик с удовлетворением трет ладони одна о другую, но его радость оказывается недолгой – ведьма взрывает раненной белугой и сеть распадается на блестящие лохмотья.

Серый ком, недавно бывший крупным человекоподобным волком, отлетает в сторону и ударяется о стену. К нему подползает соловей с обгорелым крылышком и жалобно чирикает. Ох, так жалобно, что наши с Матильдой лица куксятся, и слезы сами собой вырываются на кожу.

– Всё хорошо, я только сейчас расплетусь и снова ей накостыляю, – слышится со стороны оборотня и соловей угрюмо кивает в ответ. Его взгляд не сулит ничего хорошего ведьме.

А та всю старается попасть по верткому Зверобою, который демонстрирует перед ней смесь лезгинки и гопака. Шаровые молнии попадают в стены, взрываются и выбрасывают вверх кучу осколков. Зверобой же смеется и декламирует с чувством:

Я дрочиться не хочу.
Сам любого задрочу.
Я – известный мастер
По дрочильной части!
У меня охоты нет
До твоей щелки мелкой.
Сделай-ка ты мне минет, -
Это не безделка.
Наверно, у тебя – манда,
Изрядно поседела.
А под ней – просторный зад
Для большого члена.

Королева покраснела, как спелый помидор и всё старалась попасть по вертлявому стихоплету, но тот со смехом уворачивался и начинал дразниться по новой.

Король Михаил Необыкновенный под шумок пытается подобраться поближе, но ведьма швыряет в него заклинание и он тихонько сползает по стенке возле скрученного в бараний рог оборотня. Минуты через две король приходит в себя и начинает помогать распутаться оборотню.

Димка пока стоит в стороне, изредка бросает в ведьму камешки, но всё чаще промахивается, как и ведьма, которая метает в него шаровые

молнии. Зверобой начинает новую обзывалку, матерную, когда в него всё-таки попадает одна из молний.

Я даже закрываю глаза от его крика, а когда открываю, то вижу, что тело синего спутника уже ложится рядом с остальными нападающими. Против ведьмы остается только Димка. И по моей коже проносятся сани Деда Мороза. Да-да, именно Деда Мороза, так как мурашки тут же замерзают и пытаются спрятаться под кожу.

Димка вздыхает, расставляет руки в стороны, и его кожа становится золотой. Он увеличивается в объемах и превращается в дракона. Огромного, величественного, мощного.

– Мам, я тоже так хочу научиться, тогда в нашей ясельной группе смогу победить Жоржа Якина, – слышится со стороны Матильды.

– Милая моя, девочкам нехорошо обижать мальчиков, их нужно защищать, – рассеяно отвечаю я и вижу, как ведьма выпускает в сторону Димки-Драмира целую плеяду шаровых молний.

Димка мужественно принимает на грудь... Ой, я как-то не так сказала – он мужественно принимает выстрелы на грудь и даже не морщится. Взамен Димка выпускает в сторону ведьмы огромный сноп пламени. Даже с нашего места мы почувствовали жар от огня, а вот ведьма и не почесалась, когда Димка прекратил изображать из себя огнемет.

Королева продолжает стоять на прежнем месте, а вокруг неё чернеет опаленный участок камня. Она улыбается!

Ух, как же я ненавижу эту улыбку, так бы и надавала лещей, но понимаю, что если у дракона не получается справиться с ведьмой, то у меня и подавно ничего не выйдет.

– Ты ничего не сможешь сделать, змеюка огнеупорная! – кричит ведьма в морду дракона. – У меня против твоего пламени иммунитет.

– Только против пламени? – интересуется Димка.

– Я накладываю на тебя заклинание огромной силы, мой друг! – подхватывает сообразивший что к чему король.

– Мама, а мальчики могут обижать девочек? – спрашивает Матильда.

– Они тоже не могут. Они должны защищать девочек и никогда не обижать. Так нельзя, – отвечаю я и вижу, как Димка заносит лапу...

Вопреки моим словам он обижает ведьму. Да ещё как! От мощного пенделя её выносит за замковую стену и вскоре оруще-визжащая особа

королевских кровей скрывается за горизонтом.

– Но иногда можно, в исключительных случаях, – заканчиваю я свою речь о взаимоотношениях мужского и женских полов.

Почему-то произошедшая картина напомнила мне комиксы с камня, который я видела, когда мы появились на стоянке Зверобоя.

– Быстрее! Быстрее! Поднимите меня на стену! – кричит король и бежит к лестнице.

Димка не дает ему пинка для ускорения, а легко подхватывает лапищами и взлетает над стеной. Рядом с нами вскоре возникает запыхавшийся король и преобразившийся в человеческое обличие Димка. Я не могу удержаться от того, чтобы не броситься своему спасителю на шею. Матильда тоже обнимает его и пытается чмокнуть в щеку.

– Мама, а можно я возьму его в мужа, когда вырасту? – спрашивает мелкая егоза.

– Вообще-то у мамы на этот счет свои планы, – отвечаю я крохе и целую Димку.

Какой же нежный и одновременно крепкий получается поцелуй... У меня даже захватывает дух и земля стремится убежать из-под ног. Но даже несмотря на это я вижу, как шевелятся губы у короля и как морщится его лицо.

Я отрываюсь от Димки. Действительно, король морщится всё сильнее, а связанные Хлопаль и Шлепаль поднимаются в воздух. С той стороны, куда улетела королева, протягивается радуга и касается братьев.

– Нет! Нет! Нет!!! – кричит король и пытается удержать связанных мужчин, когда они начинают скользить по радуге как по водяной горке в парке аттракционов.

Двое мужчин скользят всё быстрее и быстрее. Вскоре они пропадают из виду.

– Она забрала их, – опускает голову король. – И я не могу теперь их вернуть.

– Как? Можно же за ними отправиться... – начинаю я.

– Уже нельзя. Я закрыл для ведьмы вход в наше королевство, а вместе с ней вход закрыт и для сыновей, ведь в них течет моя кровь...

– Мы...

– Вы ничего не сможете сделать. Я... Я должен буду всё исправить

и отправлюсь за ними. Я должен буду вырвать сыновей из лап моей благоверной. Они хоть и дурачки, но всё-таки это мои дурачки. А вы... – старичок осматривает нашу пару. – А вы пока будете за королей. Это ваша награда за мучения в двадцати пяти вселенных. Правьте мудро и рассудительно, а когда мы вернемся, если вернемся, то надеемся найти королевство богатым и процветающим. Не мотайте головами, всё решено. Прощайте... А впрочем – до встречи!

С этими словами король хватается за край радуги и скользит вслед за исчезнувшей троицей. Мы остаемся стоять на замковой стене. Трое человек на стене волшебного замка, в волшебном мире и с волшебными чувствами. По крайней мере, меня переполняет радость оттого, что я нашла Матильду и Димку.

Два родных человека в чужой стороне это не так уж мало. Правда, чуть позже до меня доходит информация, что мы теперь исполняющие обязанности короля и королевы. Это оказывается последней каплей для издерганных нервов, и я благополучно падаю в обморок, успев отдать Матильду в Димкины руки.

История двадцать восьмая, счастливая.

– Ваше величество, ваше величество! – от такого ора за дверь только мертвый не поднимется. – Вставайте! У нас горе – принцесса довела до инфаркта начальника стражи!

Я раскрываю глаза и вижу рядом на подушке довольное Димкино лицо. Он улыбается так широко, что кажется, будто его лицо треснуло пополам. Ещё бы ему не улыбаться – я поспорила желание. Перед сном мы поспорили, что на следующий день мы проснемся сами, а не от тревожных вестей.

И Матильда опять меня подвела! Ух, эту шалунью ждет хорошая словесная порка!

– Встаем, или пусть дочка ещё пошалит?

– Надо подниматься, а то она нас без прислуги оставит, – я откидываю одеяло и спускаю ноги на пушистый ковер.

Прошло уже три года с тех пор, как старый король Михаил Необыкновенный отправился за сыновьями. Все эти три года мы с Димкой правили волшебным королевством и вроде бы неплохо справлялись.

Поддержку со стороны звериного царства нам обеспечил Волчий пастырь, который теперь частенько забегает к нам в гости вместе с

вылеченной пичугой. Уважение людей получилось завоевать Димасику не сразу, но зато люди теперь гордились, что у них король является драконом. А вот волшебную поддержку нам обеспечил Зверобой, чьи волшебные силы вернулись тогда, когда королева оказалась заброшенной в неведомые дали.

После той великой битвы тролли сбежали в ужасе от наших существей, а те, в свою очередь, растворились в вечерних сумерках, помахав нам на прощание. Мы восстановили замок и зажили по-королевски. Ну, как по-королевски – старались править мудро и справедливо. Спасибо Михаилу – наши скитания по мирам научили очень многому.

Люди поговаривают, что где-то далеко на севере появилась странная группа людей – пожилая пара и два молодых человека. Они ходят по дорогам и постоянно ругаются между собой. Надеюсь, что это не бывшие королевские особы, а просто недоразумение и случайное совпадение.

Матильда научилась говорить и здорово подросла. Эта маленькая егоза теперь доводит стражу, обучая их оперативно-розыскным мероприятиям и требуя выполнения нормативов по ГТО. Она постоянно ругается с начальником стражи, а сегодня, похоже, одержала существенную победу в очередном философском диспуте.

– А может, ещё немного поваляемся? – тянет меня обратно Димасик. – Матильда сейчас прячется в своей комнате и вряд ли покажет нос в течение ближайшего часа.

Я не могу устоять перед утренним сексом. Вот чтобы ни говорили, но подобная зарядка всегда поднимает настроение и улучшает жизненный тонус. Я ныряю в кровать и впиваюсь в Димкины губы.

Жизнь королей хороша, хотя невольно чувствуешь ответственность за судьбы других людей...

Понимаю, что вам всем интересно – как мы занимаемся сексом и не переносимся обратно? А вот так и не переносимся, после разбитых часов мы уже не можем вернуться. Но нам и здесь хорошо, вот только бы не будили по утрам истошными выкриками...